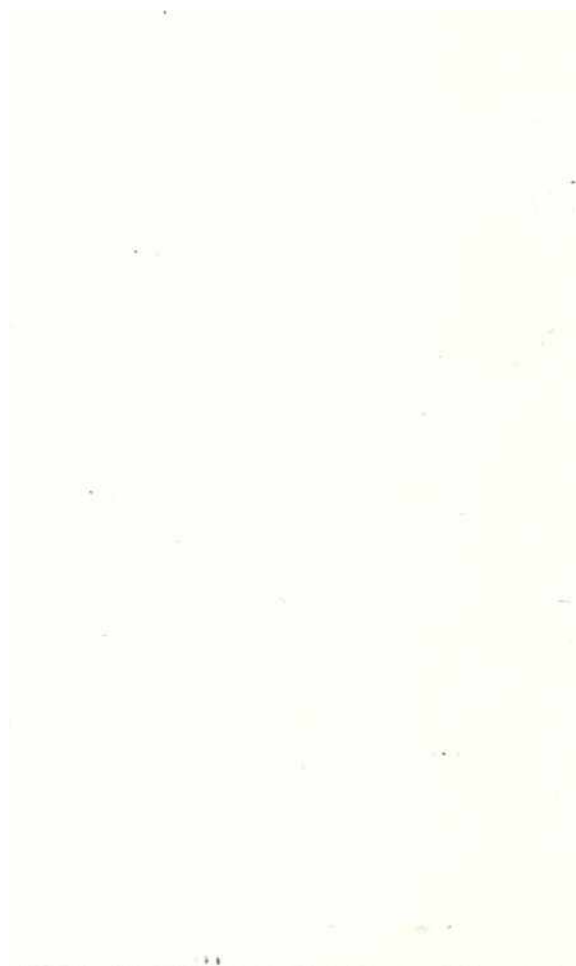

КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ - ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОМУНИЗМА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сборник исследовательских
работ старшеклассников
и студентов

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

*С б о р н и к
исследовательских работ
старшеклассников и студентов
Тульской области*

Тула – 2005

ББК 67.400
П 68

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА:
Сборник.— Тула: Гриф и К, 2005.— 120 с.

В сборник включены работы старшеклассников и студентов, участников регионального конкурса «Права человека в России: вчера, сегодня, завтра» 2004/2005.

Составители: Понарин Павел Валентинович, Зарянов Ростислав Сергеевич.

Под общей редакцией Щеглова Сергея Львовича.

Формат 60х84/16. Печ. л. 7,5.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ № 468.
ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-А.

ISBN 5-8125-0679-5

Предисловие

ПОНАРИН П.В.,

**член правления Тульского отделения Российского
«Мемориала», руководитель проекта «Создание
молодежной правозащитной сети «Общество
и право»**

Перед вами сборник исследовательских работ старшеклассников и студентов, присланных на конкурс «Права человека в России: вчера, сегодня, завтра», организованный Тульским отделением Российского «Мемориала». Мы не ограничивали участников в выборе тематики, но посчитали, что определяющей темой должно стать изучение истории прав человека через опыт XX столетия. Ведь именно в этом столетии советский тоталитарный режим продемонстрировал беспрецедентное нарушение прав и свобод человека, когда стали возможными массовые репрессии в отношении невинных людей.

Не случайно на плакате конкурса мы решили отразить сосуществование двух миров — мира свободных людей, которые учились в школе, ходили на ноябрьские и майские демонстрации, верили словам вождей, и мира заключенных ГУЛАГа, на которых режим поставил клеймо «врагов народа», отказав им тем самым в праве на нормальную жизнь. Естественно, нашим желанием являлось, чтобы участники конкурса обратились, прежде всего, к изучению истории политических репрессий 1917–1987 годов, сопротивления тоталитаризму, судеб конкретных людей.

Наши надежды во многом оправдались: тема политических репрессий стала определяющей для большинства участников. Но, если старшеклассники, используя опыт школьного конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», обращались к устному источнику (в частности, работа А. Суворовой и О. Крюковой), архивным материалам (работа Н. Меситова), то студенты в качестве основного источника использовали периодическую печать советского периода (работы И. Редько), а также опубликованные исследования, нормативные акты. Конечно же, исследовать тему прав человека нелегко, особенно, если она связана с изучением новых источников, материалов, а также с необходимостью преодоления стереотипов и штампов, сложившихся в общественном сознании и передающихся из поколения в поколение. Поэтому заслуживает особого внимания и уважения стремление мо-

лодого поколения разобратся в собственной истории, понимание особой важности соблюдения прав человека в современный период.

Хотелось бы отметить также и то, что наибольшую активность в написании исследовательских работ проявили студенты «неисторических» вузов и средних специальных учебных заведений: факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, Тульского филиала Всероссийского Заочного Финансово-Экономического Института, Тульского филиала Российской Международной Академии Туризма, Правового педагогического колледжа. К сожалению, студенты исторического факультета Тульского Государственного Педагогического Университета им. Л.Н. Толстого, а также студенты гуманитарного факультета Тульского Государственного Университета не заинтересовались «мемориальским» конкурсом.

Мы благодарны педагогам, которые выступили в роли научных руководителей работ старшеклассников и студентов: Кузнецову Ивану Васильевичу (МГУ), Свиридову Александру Николаевичу и Насыровой Екатерине Александровне (Тульский филиал ВЗФЭИ), Ломакиной Ольге Валентиновне и Саньковой Валентине Васильевне (Тульский филиал РМАТ), Кузнецовой Елене Владимировне (МОУСОШ № 39 г. Тулы), Мазур Марине Анатольевне (МОУ гимназия № 13 г. Алексина). В организации конкурса нам была оказана поддержка со стороны Комитета по делам молодежи Управы г. Тулы, прежде всего, Калитина Олега Львовича и Фомичевой Людмилы Анатольевны.

Конкурс исследовательских работ старшеклассников и студентов «Права человека в России: вчера, сегодня, завтра» проводился Тульским областным отделением Российского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в рамках проекта «Создание молодежной правозащитной сети «Общество и право» при финансовом содействии Благотворительного фонда поддержки инициатив гражданского общества «Точка опоры».

Пресса Тулы и Тульской губернии 1920-х годов: теория и практика

РЕДЬКО Ирина,
*студентка 3 курса факультета журналистики
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова*

*Руководитель исследовательской работы: Кузнецов Иван Васильевич
доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории отечествен-
ных СМИ, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова*

Общий обзор тульских СМИ 1920-х годов

На основе решений XII и XIII съездов РКП(б) в губерниях и уездах издавались общепартийные и массовые крестьянские газеты. И Тульская губерния не была исключением. В 1920-е годы в Тульском регионе издается заметное количество газет и журналов.

В уездах выпускалась основная масса газет: «Алексинский вестник», «Белевский пролетарий», «Деревенская коммуна» (Епифань), «Клич коммуниста» (Чернь), «Красный голос» (Богородицк), «Красный пахарь» (Ефремов), «Одоевский вестник», «Революционный вестник» (Венев) и др. В соответствии с партийными установками именно эти — уездные — издания были адресованы исключительно массовому читателю.

В самой Туле издаются губернские газеты: «Пролетарская правда», «Все для фронта» (1920 г.), «Коммунар» (орган Советов г. Тулы и Тульской губернии и губернского комитета РКП(б)), «Деревенская правда», «Молодой коммунар» (с 1925 г.). На XII партсъезде отмечалось, что обычная губернская газета не может быть одновременно изданием для городского и для сельского читателя — она прежде всего городская газета. Поэтому для крестьянства в крупных губернских центрах необходимы специальные ежедневные крестьянские газеты. В Туле функции губернской газеты выполнял «Коммунар», а массовой крестьянской газетой была — «Деревенская правда»¹.

На заводах выходят так называемые многотиражки, их печатают в заводских типографиях. Оружейный завод выпускал

¹ Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917–2000): Учебный комплект, 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 108.

общезаводскую газету «Красный оружейник», на заводе № 1 выпускали газету «Красный гигант».

Наименований журнальной продукции гораздо больше чем газетной. Практически все журналы Тулы являются печатными органами партийных организаций разного уровня, имеют свою тематику и издаются под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Это, например, печатный орган Тульского губернского комитета РКП(б) — «Авангард»; двухмесячный журнал Зареченского комитета РКП(б) — «Красное Заречье»; женский журнал «Красная тулячка»; орган Тульского губернского профсоюза и губернских отделов союзов «Кузнец»; журнал юных пионеров, орган Тульского губернского комитета РКСМ «Ленинские внучата», орган Тульского губернского комитета РКСМ «Смена», издание церковного обновленческого раскола «Тульский церковный вестник» и т.п. Все эти издания направлены на идеологическое воспитание масс, привитие им нового мировоззрения. Все печатные издания находятся под строгим партийным контролем. Столь пристальное и достаточно жесткое внимание к прессе объясняет вышедший всего через несколько дней после революционных событий октября 1917 года «Декрет о печати» («Правда» № 171, 10 ноября 1917). После ссылок на исключительность и сложность момента, «Декрет о печати» указывает на опасность, которую таит в себе печатное слово для государства. *«Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы»*. Здесь же дано обещание: *«Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону»*¹. Увы «полной свободы в пределах ответственности» в тульской прессе 1920-х годов обнаружить не удалось.

Здесь интересно отметить, что до царского Манифеста 1905 года российская журналистика делилась на три идейных направления: консервативно-монархическое, либеральное и демократическое, но в связи с запретом на партийную деятельность, легальная партийная пресса отсутствовала. После Мани-

¹ <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010523/1010523a1.htm>

феста 1905 года журналистика, сохраняя направленческую структуру, обогатилась различными партийными изданиями, стала многопартийной. В 1920-е годы тульская периодическая печать сузилась, она представляла собой систему однопартийных изданий, направленных на разные группы читателей (дети, молодежь, женщины, рабочие, крестьяне, партийные работники и т.д.). На прессу же других направлений продолжал существовать запрет, в соответствии с «Декретом о печати» 1917 года, хотя прошли и 1917, и 1918, 1919 годы.

Весной 1926 года в Туле к печатным СМИ добавилось радио. В городе появились свой радиоузел и трансляционная линия. 711 приемников и 31 громкоговоритель, развешанные в наиболее людных местах — у проходных заводов и на рынках, транслировали передачи из Москвы. Всем городом туляки слушали выпуски рабочей радиогазеты, которая каждое утро начиналась в 6.20. Услышанное — обсуждалось. Радио тоже воспитывало людей. Вечером из громкоговорителей лилась музыка, в 20 часов передавали концерты. Осенью 1926 года на научно-технической станции заработала радиовещательная станция, позволившая принимать московские передачи за пределами Тулы¹. Первая тульская радиопрограмма вышла в эфир в августе 1927 года². С тех пор Тульское Областное радио прочно вошло в жизнь туляков.

Движение рабочих и сельских корреспондентов в Туле

После революции 1917 года в соответствии с «Декретом о печати» (от 10 октября 1917 года) выходившие прежде официальные издания были закрыты, и на их место пришли новые — советские. Перед редакциями встал вопрос о кадрах, поскольку «буржуазные» журналисты не могли считаться надежными, не могли быть пропагандистами новой страны рабочих и крестьян. Многие газеты тех времен (особенно региональные) можно назвать «однолошадным хозяйством». То есть всю работу, начиная от сбора материалов до выпуска и распространения тиража, выполнял один редактор.

Положение «О государственном издательстве» от 21 мая 1919 стало очередным шагом к централизации. На его основании издательская деятельность подчинялась вновь образованно-

¹ Парамонова И. Тула. Хроника XX столетия. — Тула: Шап, 2003. — С. 64.

² <http://tula.rfn.ru/region.html?rid=153>

му Государственному издательству, за которым законодательно закреплялись права регулирования издательской деятельности и контроля над ней. Образованная там Центральная Редакционная коллегия как разрабатывала, так и утверждала все издательские планы и сметы. Центральному издательскому отделу Государственного издательства было дано абсолютное право определять план заготовки и выработки бумаги (в условиях тотального бумажного дефицита), а также распределять бумагу и заказы по типографиям¹. Таким образом, появились дополнительные рычаги для воздействия на независимые издательства. Правящая партия явно или завуалировано утверждала собственный приоритет во всех областях, в том числе и в области культурного строительства, и в газетно-издательском деле. Вся пресса была пронизана только большевистско-партийной идеологией. Другие направления, а особенно оппозиционного характера по отношению к идеологии правящей партии были лишены места в прессе. Такое положение было закреплено законодательно еще первой советской конституцией, принятой в 1918 году. В этой конституции имеется особый раздел «О свободе печати», в котором обозначен приоритет в издательской области: *«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране»*².

Для осуществления трудящимися свободного выражения своих мнений в 1920-х годах под руководством партии бурно развивается движение рабочих и сельских корреспондентов (рабселькоры). Проблемы этого движения очень интересовали руководителей страны. 16 ноября 1923 года газета «Правда» провела первое совещание рабочих корреспондентов, 5 декабря 1924 года — второе Всесоюзное совещание рабселькоров, 23 мая 1926 года — третье Всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров³. В регионах также проходили съезды рабселькоров. В 1925 году в Туле начинает выходить специальный

¹ <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010523/1010523a2.htm>

² <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010523/1010523a1.htm>

³ Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): Учебный комплект, 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 120.

печатный орган Тульской ассоциации пролетарских писателей и рабселькоров «Ватага».

Первый номер этого журнала вышел 25 марта 1925 года. Цена для подписчиков — 17 копеек, в продаже — 20 копеек. В обращении «К читателям «Ватаги» сообщалось: *«До сего времени у нас в рабочей Туле не было литературно-художественного журнала»*¹. 25 марта 1925 года такой журнал вышел в свет, у пролетарских писателей, рабкоров и селькоров появилась возможность обсуждать свои дела и проблемы на страницах этого издания, учиться.

Кроме рассказов на злободневные сатирическо-бытовые темы и борьбы с «религиозным дурманом», журнал с первого номера постоянно публикует материалы под рубрикой «Жизнь рабкоров и селькоров». А во втором номере редколлегия сообщает: *«С третьего номера большая часть журнала будет отводиться под рабкоровско-селькоровский отдел»*².

Рассуждая о сельских корреспондентах в первом номере «Ватаги» автор статьи «Селькор» Орский пишет: *«О нем [селькоре] говорят теперь всерьез. Ибо он в первых рядах строителей новой деревни, он лучший союзник Советской власти. Селькора в деревне теперь признают все — и друзья и враги. Первые видят в нем своего лучшего защитника, помощника в общем деле; вторые его ненавидят смертельно, мстят при каждом удобном случае, порою убивают его из-за угла. Друзья его — это крестьянская беднота, передовое крестьянство, пробивающее дорогу к новой лучшей жизни. Враги его — кулаки, головотяпы и шкурники, прикрывающиеся иногда именем закона»*³.

Чтобы понять, почему селькор «лучший союзник Советской власти», за что же «кулаки, головотяпы и шкурники» так не любили селькора, можно обратиться к журналу «Авангард» — печатному органу Тульского губернского комитета РКП(б), обсуждающему тактику и стратегию партийной деятельности в регионе.

«Идеологическая проработка окружающей действительности»

Статья «О партруководстве стоящими на вахте», напечатанная в журнале «Авангард» № 2 за 1925 год, начинается словами: *«Рабкорство, селькорство — это разведка великой армии революции»*, в ней говорится о *«важности дозоров, их числа, их ка-*

¹ Ватага, № 1, 1925.

² Ватага, № 2, 1925.

³ Ватага, № 1, 1925.

чества»¹. Как известно, разведчиков посылают во вражеский стан для сбора сведений о противнике. Почему же в своей стране надо проводить разведку и дозоры?

Советская власть в своих декретах обещала улучшение жизни для рабочих и беднейших крестьян. А после установления власти было обещано, что *«всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом»*². Когда партия большевиков пришла к власти, у нее была задача удержаться у руля, надо было управлять народом, следить за тем, чтобы массы не выходили из повиновения. Но прошел не один год после установления новой — советской власти, а для прессы так и не наступила *«свобода в пределах ответственности»*. Как и в 1917 году имели право рассказывать в печати о новостях с мест рабселькоры, а бывший («буржуазный») сотрудник местной прессы оказывался лишенным этого права. Имелись расхождения между словом и делом новой власти, а это порождало недоверие к ней и, вероятно, неудовольствие. И даже у крестьян и у рабочих в 1920-е годы оставались причины для неудовольствия.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года сообщает, чтобы не было сомнений: *«...как не прекращается у нас классовая борьба вообще, так точно она не прекращается и на литературном фронте. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства...»*³. Классовая борьба в те годы остается острой.

Среднее и богатое крестьянство (как классы) было крайне недовольно еще не забытыми продразверстками и продотрядами из городов, а комитеты бедняков, по выражению левых эсеров *«комитеты лодырей»*⁴, косо посматривали в сторону кулаков, то есть крепких хозяйственников.

Серьезной проблемой рабочего класса была безработица. Чтобы как-то бороться с этим негативным явлением, рабочие Тульского оружейного завода предлагали провести чистку на заводе — уволить всех рабочих-крестьян (*«у них куры, коровы, свои дома»*) и принять на их место безработных пролетариев. Работники артели ответственных работников требовали, в свою

¹ Авангард № 2, 1925, с. 17.

² <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010523/1010523a1.htm>

³ <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010523/1010523a2.htm>

⁴ Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества 1900–1940 гг. — М.: Просвещение, 1992. — С. 197.

очередь, уволить с предприятий всех бухгалтеров, кассиров и ведущих, не входящих в эту госартель¹. Вот так продолжалась классовая борьба. Одни пытались реализовать свое право на труд, лишив этого права других. При этом инициаторы «чисток» не утруждали себя раздумьями, что и пролетарии, и крестьяне, и ответственные работники, и бухгалтеры являются согражданами и представляют собой народ одной страны, а благополучие страны зависит от благополучия, уверенности в завтрашнем дне и доброго настроения ее граждан.

А назвавший рабкоров разведкой, некто К-н поучает: *«В зорком глазе рабселькора наша партия имеет человека, сигнализирующего настроения масс и положение вещей. Такой добровольческой армии, всепроникающей, пронизывающей весь организм государства, все уголки страны — еще не видал мир.*

*Иметь освещенным каждый уголок жизни, каждый уголок, где растет, работает новая жизнь — такого рефлектора не имело ни одно буржуазное государство и иметь не может. Только добровольческая армия рабселькоров, защищающая свои интересы, следящая за своими врагами, работающая для своего дела, может дать такой силы рефлектор. Поэтому и в первую голову нам особенно важен именно добровольческий характер рабселькорства.»*²

Всепроникающий характер рабселькоровского движения — это шаги на пути построения тоталитарного государства, так как предметом газетной заметки могли стать самые мелкие и незаметные в большом масштабе, но вредоносные для системы явления. В каждом уголке был «маленький человек», чувствующий себя облеченным властью, возможностью написать и таким образом «навести порядок».

Вероятно, рабкором или селькором действительно становились добровольно, по собственному желанию, потому что вряд ли человека можно заставить писать, если он этого вообще не хочет. Но о чем писать, на что обратить внимание — это партия вполне могла указать, что она и делала. Вопрос: *«Куда направит свое перо тот, кто высказывает точку зрения массы от станка и сохи?»* — встает в этой статье не раз. Он важен партруководству, потому что *«рабкор или селькор являются всегда как бы вожаками, предводителями какого-нибудь, хотя бы и самого маленького, звена, кучки рабочих или крестьян. Надо*

¹ Парамонова И. Тула. Хроника XX столетия. — Тула: Шап, 2003. — С. 58.

² Авангард, № 2, 1925, с. 18.

обеспечить, чтобы они вели эти звенья правильной дорогой под нашим руководством, а не в сторону и не против общего движения, нами возглавляемого»¹.

В Туле и губернии рабкоры шли правильной дорогой. Газета «Коммунар» в октябре 1925 года обследовала ту часть заводских рабкоров, которая относится к группе «постоянно-пишущих». Оказалось, что, например, на Оружейном заводе из 64 наиболее активных рабкоров 40 человек (60%) — члены РКП(б) и 8 человек (12,5%) — комсомольцы. Обе группы вместе составили 72,5%. На Патронном заводе соотношение почти то же. Для сравнения, в Твери, партийцев-рабкоров в 1925 году было около 10%².

Газеты и рабкоровские кружки вполне успешно занимались *«идеологической проработкой окружающей действительности»*.

После 21 января 1924 года, когда в Тулу пришло сообщение о смерти Ленина, в области, как и по всей стране, началась массовая «парт-вербовка», названная позднее ленинским призывом. Заявления писали целыми семьями, объясняя свой порыв идейными соображениями. К марту было подано 8179 заявлений с просьбой принять в ряды РКП(б). Руководители ячеек успели рассмотреть 6763 заявления и приняли в партию 4500 человек. «Не лодыри, не богачи? Принимаем всех сразу», — решили партийцы оружейного завода, зачислив за раз в партию шестьдесят человек³. Об этом событии тоже сообщает рабкор. В итоге за три месяца численность организации удвоилась.

Тульская пресса активно откликалась на происходящее в стране, проводила акции и писала историю. Например, через несколько дней после смерти Ленина в «Коммунаре» появилось такое объявление: *«При конторе «Коммунара» открыт прием заказов на гипсовые статуэтки Ленина. Желательна коллективная подписка от рабочих, профсоюзных и партийных организаций. Заказы исполняются в порядке очереди. Цена — 2,50 в червонном исчислении»⁴.*

Почему еще рабкоры были так нужны Советской власти? Помимо того, что они были вездесущи и высвечивают абсолютно все стороны жизни, к тому же *«Рабкоровские организации, как и профсоюзы, втягивают в дело строительства беспартий-*

¹ Авангард, № 2, 1925, с. 19.

² Там же, с. 22.

³ Парамонова И. Тула. Хроника XX столетия. — Тула: Шар, 2003. — С. 57.

⁴ Там же, с. 57.

ные массы, становятся для последних школой коммунизма, являются для партии, наряду с профсоюзами, могучим приводным ремнем к массам. Но рабкор культурнее рядового члена профсоюза, он уже хоть немножко да поднялся над массой. Он скорее увидит то, что с большим трудом уразумевает рядовой член профсоюза в нашей культурно-отсталой стране. Однако именно поэтому с рабкором работа и труднее. Он человек с несколько более развитой индивидуальностью, его запросы шире, ему надо дать больше и более сложных объяснений явлений. Ему, если объясняешь, выложи данные, обосновывающие твое суждение. Его надо не просто за собой повести, а научить понимать и растолковывать и другим то, что он научился понимать»¹. Такие наставления со страниц «Авангарда» дает К-н (кстати, в прессе тех лет очень часто встречаются псевдонимы, которые воспринимаются как отсутствие подписи. Как анонимно написанные воспринимаются материалы с подписями: К-н, Ор-ский, Эмка, Л.Н. и т.п.).

В этом отрывке обращает на себя внимание возникновение новой иерархической лестницы, разделение и дозированность информации, которую получали как простые граждане, так и рабселькоры. Несомненно, есть государственные, коммерческие и прочие виды тайн, но вряд ли то, о чем обычно спрашивали большинство рабселькоров, относится к ним.

«Поддерживая материально и морально пролетарскую и пролетарско-крестьянскую литературу, помогая «попутчикам» и т.д., партия не может предоставить монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию» — утверждает Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925². Последнее слово партия навсегда оставляет за собой, это она решает кому, в каком объеме, в какое время и какую информацию можно предоставлять. Еще 1 декабря 1920 года (в «Правде» № 270) партийное руководство проявило свою озабоченность тем, что владеющие полной информацией и проявляющие независимость Пролеткульты, представляют **«очевидную опасность»**. Партия указывала, что **«независимость этой организации есть независимость ее от Советской власти»**, а это было непозволительно, поэтому Пролеткульт подчинили Наркомпросу, и убеждали всех, что **«разговоры об утеснении чужих прав ошибочны, наоборот, постановление**

¹ Авангард № 2, 1925, с. 19.

² <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010523/1010523a3.htm>

принято, чтобы создать «более здоровую, нормальную обстановку» для рабочего творчества»¹.

Ну, а рабселькоры тоже неординарные личности, творцы новой пролетарской культуры. И чтобы они не становились «очевидной опасностью» партия осуществляла ими руководство, разделяла и дозировала информацию. Разве права рабселькоров на получение полной и достоверной информации нарушались? Власть убеждала, что создает «более здоровую, нормальную обстановку» для творчества. Так ли это?

Журналистская учеба рабселькоров

Справедливости ради надо отметить, что учеба рабселькоров состояла не только в изучении идеологических догм. В «Авангарде» № 12-а за 1927 год рабселькор Островский, рассуждая о том, что «партия должна научить рабкора, как писать и о чем писать», дает простые, четкие и по сей день во многом актуальные советы.

Начинает он с первого и главного: **«Пиши только о проверенных фактах. Основное требование, которое предъявляет своему корреспонденту каждая советская газета — это точность и правильность. Начинаящий писать рабкор или селькор должен вычеркнуть из своей памяти всех личных друзей и врагов. Он должен писать лишь о том, что сам проверил и хорошо изучил, зная, что каждая его заметка, особенно «обличительная», больно бьет по определенному учреждению или человеку, выставляя их на общественный суд, и что, наконец, непроверенный факт подрывает авторитет газеты и самого рабселькора»**².

Здесь сразу бросаются в глаза слова о необходимости забыть личных друзей и врагов. Ведь 2 года назад в том же «Авангарде» некто под псевдонимом К-н утверждал, что добровольческая армия рабселькоров защищает свои интересы, **следит за своими врагами...** Изменилось ли что-то в политике партруководства селькорами? Или дело в том, что эти две статьи писали разные люди? Или эти материалы имели разные цели, были адресованы разным читателям? Или авторы говорили о «разных типах врагов»: К-н — о классовых, а Островский — о личных? А, может быть, рабселькор Островский понимал, что сказать — еще не значит сделать, не значит измениться? Одно дело указать на не-

¹ <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010523/1010523a1.htm>

² Авангард, № 12-а, 1927, с. 79.

обходимость быть объективным, забыть о личных обидах, не мстить через газету, — а гораздо более трудное дело воплотить этот тезис в своей жизни, в своем творчестве. Для этого нужны понятия чести и честности, сила воли, культура, воспитание...

Несмотря на предостерегающие слова рабселькора Островского, в прессе постоянно продолжают появляться обличительные материалы (и, судя по рассуждениям на страницах «Авангарда» и «Ватаги», многие рабкоры гораздо больше гордятся своими обличительными статьями, видят свою задачу именно в них, а не в простом сообщении о каких-то положительных событиях). Как на обличения реагировали, во что они выливались, будет рассказано в соответствующем разделе этой работы.

Далее рабкор Островский продолжает: *«Делай в заметке выводы и указания, что надо сделать. Большинство вновь начинающих только что писать в газету и подмечающих те или иные недочеты, не делают своих выводов и указаний, а это необходимо»*¹. Как мы увидим дальше, зачастую предложения рабселькоров выглядят дико, популистски и утопически. В начале января 1920 года в газете появился лозунг: *«Гоните вагоны! Они спасут от голода московских рабочих — оплот революции»*. Был объявлен *«картофельный десятидневник»* и к 10 января отправили в столицу 400 вагонов картофеля, *«добытых в губернии путем громадных усилий и жертв»*. А 30 января была объявлена продовольственная диктатура, Туле грозил полный голод. Жертвами такого популизма стали люди, тысячи туляков².

Необходимость аналитического отношения к происходящему автором поясняется так: *«Корреспонденты буржуазных стран имеют задачей только возбудить сенсацию, создать какую-либо шумиху, подхватить громкую сплетню и т.д. Рабселькор же — строитель социализма, боец за социализм: поэтому он должен не только указывать на прореху, но и показывать, как ее зачинить и как ее избежать в другой раз»*³.

Третий совет абсолютно понятен, ведь рабкоры писали в основном в информационном жанре, а с ускорением темпа жизни эти слова становятся все актуальней: *«Рабселькор должен также знать, что редакции требуется в его заметках точность и поступление материала ко времени. Газета читается только тогда, когда в ней свежие заметки»*⁴. Это слова профессиона-

¹ Авангард, № 12-а, 1927, с. 79.

² Парамонова И. Тула. Хроника XX столетия. — Тула: Шар, 2003. — С. 48.

³ Авангард, № 12-а, 1927, с. 79.

⁴ Там же, с. 79.

да. У меня есть сомнение в том, что это автор всю жизнь трудился на заводе или в деревне. Довольно глубокие и профессиональные мысли встречаются в его статье, он знает, как работает буржуазная журналистика... Может быть, автор действительно пришел в журналистику «от сохи». Но таким знатоком тонкостей репортерской работы, каким он предстает в своих словах, он мог стать только в длительном и тесном общении с редакцией, скорее всего, к тому моменту он уже давно являлся штатным корреспондентом. А подпись — «рабселькор Островский» — рисовка. Это тоже самое, что, например, Валерий Хилтунен, который в 14 лет был юнкором, подписывался бы сегодня — «юнкор Хилтунен».

«Не путайся в мелочах, выделяй крупное. Бывает,— и этим грешит большинство наших рабселькоров,— что рабселькоры запутываются в мелочах, а самое главное не подмечают. Здесь партия должна, особенно в настоящий момент, помочь рабселькору умело отличать крупное и важное от мелкого и случайного. Она должна снабдить его литературой; во время поставить на рабселькоровском кружке доклад, помогающий разбираться в основных задачах дня, помочь провести беседу администраторов и хозяйственников с рабселькорами и т.д.»¹

Отклик соответствующих органов на обличительные заметки рабселькоров

Из статьи того же Островского мы можем узнать несколько примеров того, как реагировали власти и правоохранительные органы на заметки *«добровольной армии, сигнализирующей настроения масс и положение вещей»*.

В одной деревне начал работать селькор. Его разоблачающие статьи о ненормальностях или бюрократизме районной советской власти появились в печати. Крестьяне прочитали, обсудили и оценили эти заметки, согласились с тем, что события в заметке описаны верно, и подняты правильные вопросы. Селькор, прислушиваясь к голосу деревни, продолжал обращать внимание редакции и общественности на те ненормальности, о которых говорит крестьянство. Публикуются еще несколько его статей. Но указываемая селькором ненормальность остается не изжитой. Крестьяне видят, что заметки, прошедшие в газете, остаются без результата. Да и сам селькор теряет всякую надежду на дальнейший успех своих писаний. Охота нового селькора к работе осты-

¹ Авангард, № 12-а, 1927, с. 79.

вает. Пойти же за помощью в ближайшую ячейку он боится, скажем, из-за того, что им было помещено несколько разоблачающих статей, где также была затронута ячейка. А ячейка, зная товарища, как селькора, не находит нужным помочь ему без его личного обращения¹.

Что мы можем сказать, познакомившись с такой историей? Люди очень доверяли печати, считали ее всемогущей, приближенной к власти. Малограмотные крестьяне не знали, что по поводу всяких неприятностей надо обращаться в суд, а не в газету. То есть происходит подмена понятий в правовых отношениях. Люди обращаются туда, откуда они однажды имели помощь.

На заметку другого селькора правоохранительные органы отреагировали оперативно, и на следующий день после выхода обличительного материала началось следствие. В разоблачающих статьях указывалось на ненормальность в сельсовете и превышение власти со стороны участкового милиционера. Следственные органы района, прочтя в «Деревенской Правде» статью, послали на расследование в село, милиционера, который был заинтересован в искажении результатов следствия. Прошла целая вереница допросов крестьян. Но допросы, по незнанию обстановки милицией производились открыто и гласно. Вскоре по деревне проходит целый «выпуск» своей «газеты», крестьяне обсуждают статью, сторонники задетых в ней сельсоветчиков изыскивают, как защитить своих выборных членов сельсовета, творивших ненормальности. Затронутые же в статье члены сельсовета, узнав, что дело пахнет местом лишения свободы, предупреждают или запугивают свидетелей, а последние начинают давать ложные показания. Через некоторое время, по собранному в такой обстановке материалу, селькора обвиняют в клевете в печати. При вторичном же расследовании по настоянию селькора расследовать дело снова, но уже секретно, дело принимает другой оборот. Но и тут «закавыка». Проходит год, материал по-прежнему остается под сукном, крестьяне недовольны печатью, а, в особенности, местными органами и подобной волокитой. Этот факт убивает в их мнении селькора, его дальнейшую работу, да и у него самого отбивает всякую энергию участвовать в печати².

В этом случае заметка селькора выступает в роли заявления в суд. Заметка, которая может рассказать о факте или призвать чиновника к совести, стать причиной для административной

¹ Авангард, № 12-а, 1927, с. 77-78.

² Там же, с. 78.

проверки, но не для начала следствия, выступает здесь совсем не в своей роли. И все остальное в этой ситуации вообще перевернуто с ног на голову.

Другой пример из жизни рабкора, чьи заметки о недочетах в производстве и плохом наблюдении за ним администрации постоянно помещаются в газете. Рабочие данного завода, читая эти заметки, начинают больше прежнего втягиваться в газету, а также смотреть за производством. Вскоре при заводе организуется кружок рабкоров, начинается выпуск стенгазеты, которая также своими заметками дает отпор нездоровым явлениям, отражает то, что говорят рабочие. Но и к печатным заметкам, и к стенной газете со стороны ответственных работников завода ноль внимания. Проходит время, и стенная газета теряет на предприятии свой авторитет. В результате кончается ее выпуск, и организованная группа рабстенокоров замирает, а рабкора начинают понемногу донимать, не открыто, а «дипломатией», сначала его стараются уронить во мнении рабочих или актива членов партии, но это не удается т.к. редакция зорко следит за преследованием своих рабкоров. Тогда его «выдвигают на общественную работу», как хорошего, опытного работника. А через некоторое время, когда выдвигенец-рабкор не замолкает и по-прежнему продолжает писать разоблачающие заметки, его сокращают, или, так сказать, «задвигают». Рабочие же, видя мытарства рабкора, между собой уже поговаривают, что быть рабкором, это значит не сегодня, так завтра пойти за ворота, и сами совсем перестают писать в газету¹.

В этом случае рабкор встретился с нарушением права на свободу слова, с нарушением права на выражение своего мнения. Но с другой стороны, возможно, этот рабкор в какой-то момент потерял чувство меры и слишком увлекся «сообщениями о неисправностях», что, естественно, не могло понравиться его заводскому начальству.

Рабселькоры — летописцы своего времени

Если не обращать внимания на идеологическую функцию и в какой-то степени работу доносчиками, можно найти положительные моменты в творческом труде огромной армии рабкоров и селькоров. Благодаря контакту и сотрудничеству с общественностью, благодаря работе рабселькоров растет тираж губернских (областных) газет. В 1923 году «Деревенская Правда» выходила

¹ Авангард, № 12-а, 1927, с. 78.

тиражом — 3600 экземпляров, а в 1926—7700 экземпляров. Хотя, конечно, тираж газет рос и из-за принудительной подписки. Точно вычислить, сколько было читателей добровольных, добровольно-принудительных и подписавшихся на газету по разнарядке очень трудно. Но, опираясь на более подробную статистику по газете «Коммунар», мы можем сказать, что постоянных читателей этого издания к 1922 году было более 4 тысяч, ведь в тяжелые экономически времена с газетой остаются самые верные ее читатели.

1918 год — 300 экз.

1919 год — 7 000 экз.

1920 год — 10 000 экз.

1921 год — 15 000 экз.

С переходом на НЭП тираж газеты на очень короткий срок снизился до 4 500 экз., но затем вновь быстро пошел в гору.

1923 год — 13 750 экз.

1924 год — 18 000 экз.

1925 год — 17 930 экз.¹

Почему сотрудничество рабселькоров привлекало читателей к газете? Во-первых, потому что каждый крестьянин и рабочий, видя пример своего соседа, знал и верил, что и он может написать в редакцию, его заметку опубликуют, ответят на его вопрос. Во-вторых, рабселькоры писали обо всем, а это оживляло газету, делало ее нескучной, приближенной к простым людям. Особый интерес сельского читателя вызывали сообщения об их родной деревне, односельчанах, соседях... Вот такие, например, истории мы узнаем со страниц «Коммунара».

Зимой 1924 года по области прокатилась очередная волна борьбы с «религиозным дурманом». *«В деревне все чаще не крестят, а октябрят детей», — с радостью сообщает из Тульского уезда собкор «Коммунара» под псевдонимом Свой. — И это правильно во всех отношениях, — констатирует он, приводя аргументы. — На крестинах-то всегда пьют, а на октябринах — говорят революционные речи*². В селе Квашнино Тульского уезда комсомолец Федька решил жениться без венчания. Тот же собкор, клеймя темный народ, пишет: *«Свадьбу сыграли без попа. В назначенный день Танька пришла к мужу, без отца и матери, без пропоя, в обычном наряде, без сговора и венца. На что дере-*

¹ Данные взяты из журнала «Авангард» № 4, 1926 г.

² Цит. по: Парамонова И. Тула. Хроника XX столетия. — Тула: Шар, 2003. — С. 58.

венские стали говорить: «Во срам-то! Прямо как шлюха пришла к коту!»¹

Об этом событии селькор сообщает как о передовом поступке, ведь так по-новому создал семью комсомолец Федька — человек нового времени, на которого надо равняться. И то, что Танька пришла к мужу без отца и матери, не имея родительского благословения — это для корреспондента повод приткнуть темный народ. Правда, не известно, кто темнее: народ или селькор вместе с комсомольцем Федькой.

Они воспринимали родительское благословение как абсурд, в лучшем случае, формальность. Но современная психология рассматривает личность одного человека не в изоляции, а в системе, в которой она существует. Система — это то, откуда человек родом, и в первую очередь это семья. Личность человека складывается в отношениях с членами семьи, при этом он вольно или невольно впитывает в себя образ, уклад жизни своей семьи, своего рода. Семья в свою очередь тоже является лишь частью какого-то огромного организма: исторически, географически, религиозно более широкого, имеющего свои особенности. Человек обладает свободой, но недооценивать то влияние, которое семья на него оказывала и оказывает, ее роль в его жизни — это, по меньшей мере, неразумно. Человек зачастую следует впитанной им традиции: культурной, человеческой, национальной, религиозной, которая идет из всего родового уклада, воспитавшего его. Даже если он восстает против этого уклада, все равно традиция на него влияет. Поскольку поступки человека подчиняются правилам семьи, то благословение — это традиция, которая выверена веками, вырабатывалась тысячелетиями и помогает преодолеть болезненность разрушения уже сложившейся системы (родительской семьи, из которой уходит ребенок, создающий свою семью). Благословение, выражаясь психологически терминами, это акт согласия системы, то есть семьи, на то, что образуется новая система, новая семья, согласие с тем, что ребенок вырос, что за ним признают возможность выйти из семьи с чистой совестью. Другая сторона дела заключается в том, что в браке объединяются два человека из совершенно разных систем. Если оба рода дают согласие на то, чтобы объединиться, это объединение общее. Ритуал будет полезен для новой семьи, потому что предупредит возможный конфликт с родителями, который отнимет у всех сторон много сил. Порой родители не согласны с выбором своего ребенка и считают брак бесперс-

¹ Цит. по: Парамонова И. Тула. Хроника XX столетия.— Тула: Шар, 2003.— С. 58.

пективным. Чаще всего несогласие бывает на межсословные, межнациональные и межконфессиональные браки. Вступление в такие браки ведет к объединению двух родов, слишком сильно отличающихся по своему укладу. Семья в данном случае стремится сохранить принадлежность к своему роду. В межсословных браках различие проявляется на бытовом уровне. Но если говорить о межконфессиональных, то здесь дело обстоит значительно сложнее, потому что речь идет о духовных и нравственных различиях¹.

Как следствие пренебрежения этими традициями, разрушения патриархальных отношений, в те годы стали широко распространяться сожительство и свобода супружеских отношений. Вольность супружеских отношений привела к тому, что в 1924 году из 132 тысяч жителей Тулы 5,5 тысяч болело сифилисом. (Для сравнения в 1911 году в губернии сифилисом страдал 1 туляк из тысячи.) По этому поводу в газету «Коммунар» пишет работница женотдела: *«Во всем виноваты неосознательные рабочие, посещающие пивные и притоны. Они заражаются сами и заражают жен. Надо проститутку поселить в одну коммуны, занять шитьем и стиркой»*². Страдали и дети «вольных» родителей, при разводе их права никак не защищались, ни о каких пособиях и алиментах не было и речи. Количество беспризорных детей росло. Их определяли в уже переполненные приюты (на трех составных полках спали по 6–7 детей), детей не во что было одеть, поэтому было принято решение сшить им одежды из риз, дяконских стихарей и других облачений, изъятых при ликвидации монастырей и церквей Тулы. Об этом тоже узнаем из «Коммунара»³.

Такие сведения, разбросанные на страницах газет, очень ценны для исторических исследований. Но рабселькоры сообщают только о фактах, не проводя анализа. А анализировать здесь есть что.

О свободе слова...

Тульская пресса 1920-х годов — четко однопартийная, но достаточно широкая по тематике. Воспитание коммунистического сознания — является ее первой и главной задачей.

В эти годы крепнет и ширится движение рабселькоров, которые снабжают редакции всеми самыми мелкими новостями. Рабселькоры особенно зорко следят за недостатками, недоделка-

¹ www.fomacenter.ru/index.php?issue=1§ion=2

² Там же, с. 59.

³ Там же.

ми и прорехами, о чем незамедлительно бьют тревогу. Больше всего рабкоры пишут о рабочем быте и нуждах, на профессиональные и производственные темы. Но в их заметках затрагиваются и общечеловеческие темы, встречаются очень ценные для сегодняшнего исследователя исторические свидетельства. К концу 1920-х годов число постоянно пишущих рабселькоров практически перестает расти, зато значительно увеличивается число пишущих читателей¹.

Рабселькоры сделали не малый вклад в построение «нового мира», тоталитарного режима. Во многом, они даже и не подозревали, к чему приведут их сообщения о кулаках-укрывателях и безжалостных эксплуататорах батраков, популистские заявления в печати. Многие рабкоры боялись подписываться своим именем, выступать в печати открыто. Они хорошо знали, что иной раз за газетный материал можно поплатиться жизнью, особенно если это сообщение о том, где деревенский кулак спрятал зерно. Не подписываясь полным именем, они объявляли во всеуслышание то, о чем страшно было сказать в глаза.

Жителями села газета воспринималась как орган власти, как структура, которая может повлиять на происходящее, разрешить возникающие трудности. На самом деле, в функции средств массовой информации никогда не входили административные и судебные функции (это прерогатива исполнительной и судебной ветвей власти). СМИ могут проводить свои расследования, но это не судебные и не административные расследования, по результатам которых, например, делались бы кадровые перестановки или замены. Потому что это журналистские материалы — это не исковое заявление в суд.

Обещание «Декрета о печати», что средствам массовой информации будет предоставлена свобода слова так и осталось не выполненным, а каждое новое постановление и положение правительства все больше закрепляло эту несвободу, разделяло граждан, информация предоставлялась дифференцированно и дозированно. Права большей части населения республики на свободу выражения мысли и получение полной и достоверной информации были ущемлены. Из заметок и статей мы видим, что нарушались и другие права, но корреспонденты, называя факты, где явно видны нарушения прав граждан, или не задумываются, или не говорят об этом. Вся информация подается с одной идеологической точки зрения и полностью контролируется партией.

¹ Авангард № 2, 1925, с. 21.

«Красный террор» по отношению к тульской эсеровской организации

ДЕРЕВЯНИНА Наталья,
студентка III курса Тульского филиала ВЗФЭИ

Руководитель: Свиридов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент региональной кафедры философии истории и права филиала ВЗФЭИ в г. Туле

1

В конце 1918 года в Туле, как и по всей России в целом, началось активное устранение из органов Советской власти правых и левых эсеров, а также представителей других социалистических партий. Взятый большевиками курс на установление однопартийной диктатуры, их политика по отношению к деревне, продовольственные проблемы на фоне дальнейшего расширения гражданской войны, которое ещё вдобавок было усилено общехозяйственной разрухой, объявление «красного террора» после событий 30 августа 1918 года — все это в полной мере способствовало дальнейшему обострению ситуации в стране.

Среди основных мер по организации «красного террора» большевиками предписывалось, чтобы все известные местным Советам правые эсеры были немедленно арестованы¹. Наряду с представителями буржуазии и старой власти они брались заложниками и подлежали расстрелу в случае каких-либо выступлений, происшедших против Советской власти².

Но даже несмотря на репрессивные меры, которые предприняли большевики как против правых, так и левых эсеров, их влияние среди населения оставалось довольно сильным, а вот отношение к большевикам, во многих случаях, носило оппозиционный характер.

Многочисленные источники говорят о том, что к осени 1918 года настроение большинства рабочих и особенно крестьян в Туле и Тульской губернии, в прочем как и в других губерниях центра России, по отношению к Советской власти было, мягко говоря, весьма отрицательным.

Вот, к примеру, совсем недвусмысленное заключение о на-

¹ ГАТО. — Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 21. Л. 201.

² Там же. — Л. 22.

строениях населения Тулы и Тульской губернии осенью 1918 года, взятое из справки Московского областного бюро РКП(б) для Центрального Комитета партии большевиков, в котором прямо говорится о слабой организованности губернии, объяснявшееся тем, что губернский комитет партии большевиков все время вел «труднейшую борьбу с реакционным населением Тулы и ее меньшевистски настроенными рабочими, а поэтому не имел возможности обслуживать губернию, сплошь мещанскую в городах и кулацкую в деревнях». При этом МОБ РКП(б) подчеркивало: «До сих пор приходилось больше воевать с «тульским мужиком», чем его организовывать»¹.

Но мало кто знает, что такая оценка населения Тулы и Тульской губернии абсолютно не соответствовала составу Советов рабочих и крестьянских депутатов, их исполнительных органов. В Тульском губисполкоме из 25 членов был всего один не коммунист, в президиуме исполкома все были членами РКП(б)². В большинстве уездов губернии состав Советов уже на 100 процентов состоял только из большевиков. Например, в Белевском, Веневском, Крапивенском, Новосильском и ряде других уездов все члены Советов были коммунистами³. Большевики Чернского уезда в информации в МОБ РКП(б) отмечали: «Партия руководит работой Совета», однако, указывая при этом, что отношение рабочих и крестьян к Советской власти в уезде «оппозиционное»⁴.

На третьем съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тульской губернии в ноябре 1918 года из 124 делегатов уже не было ни одного правого эсера и всего один левый эсер⁵. Как отмечала мандатная комиссия на съезд прибыл «исключительно коммунисты»⁶.

Руководство губернии подчеркивало, что если будут налицо «поползновения мелкобуржуазных элементов населения, то мы должны быть беспощадны». Оно заявило, что все контрреволюционные выступления будут подавляться «кровью и железом», так как «теперь момент не идеологии, не идейных споров, а момент действия». «Железо, кровь и победа», — такие слова выражали настроения большевистское руководство губернии⁷.

¹ РЦХИДНИ.— Ф. 60. Оп. 1. Д. 59. Л. 216.

² Там же.— Л. 219.

³ Там же.— Д. 61. Л. 29, 148; Д. 62. Л. 70, 183.

⁴ Там же.— Д. 62. Л. 218.

⁵ Третий съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тульской губернии.— Тула, 1918. С. 1.

⁶ Там же.— С. 7.

⁷ Третий съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тульской губернии.— Тула, 1918. С. 16.

После устранения из Советов правых и левых эсеров, а также представителей других партий, большевики уже к концу 1918 года реально руководили деятельностью Советов при, фактически, однородном партийном составе.

Таким образом, в Туле и Тульской губернии, как и во многих других местах центра России, сложилась весьма парадоксальная ситуация: с одной стороны, абсолютное неприятие огромным количеством населения политики Советской власти в лице большевиков и скрытая поддержка эсеров и меньшевиков, с другой — 100-процентный состав многих Советов и органов Советской власти, состоящих только из коммунистов.

Но нужно заметить, что большевики считали такое положение совершенно правильным, а их точка зрения об исключительности большевистской партии стала обычной. Тульские коммунисты полностью были с этим солидарны и заявляли: «Строить оппозицию, указывая Советской власти недостатки ее организации, может только или демагог или враг»¹.

Важным документом, характеризующим отношение туляков к большевикам, является письмо Ленина в Тульский Ревком (Г.Н. Каминскому, Д.П. Оськину, В.И. Межлауку) от 20 октября 1919 года. Оно больше знакомо жителям Тулы по ленинской цитате из этого письма, которой гордится, по праву, каждый туляк: «Значение Тулы для республики огромно». Но не все знают, что Ленин дает в этом письме и оценку отношения населения города к коммунистам: «В Туле массы далеко не наши». И ставит в связи с этим перед большевиками задачу — «обязательно сугубая интенсивность работы среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работников»².

При этом следует отметить, что еще 7 марта 1919 года началась забастовка на оружейном заводе, быстро и жестоко ликвидированная.

В апреле 1919 года в Туле снова прошли массовые забастовки рабочих оружейного и патронного заводов, железнодорожников. Масштабы забастовок были такими, что Каминский не мог не сообщить о них Ленину. Тот внимательно следил за этими событиями и отдал распоряжение о направлении в Тулу председателя ВЧК Дзержинского, члена коллегии народного комиссариата внутренних дел Мина и комиссара Московского военного округа Нацаренуса.

¹ Третий съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тульской губернии. — Тула, 1918. — С. 16.

² Ленин В.И. Г.Н. Каминскому, Д.П. Оськину, В.И. Межлауку // Полн. собр. соч. — Т. 51. С. 65.

Естественно, что виновными в организации забастовок были названы эсеры и меньшевики. В Туле было введено чрезвычайное положение и создана чрезвычайная комиссия «по ликвидации беспорядков на военных заводах». Коммунисты тульского гарнизона были мобилизованы «для борьбы с контрреволюционными провокациями меньшевиков и эсеров»¹.

Выступая с докладом «О задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт» на пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 года, Ленин, касаясь ситуации в Туле и обращаясь к меньшевикам и эсерам как к организаторам забастовок, говорил: «Мы шутить с вами не будем. Если вы устраиваете подобные стачки, вы совершаете величайшее преступление против рабочего класса... Мы зажгли социализм у себя и во всем мире. Кто хоть сколько-нибудь мешает в этой борьбе, с тем мы боремся без пощады. Кто не с нами, тот — против нас»².

Уже к 10 апреля забастовки были ликвидированы. Это был сильный ход, однако следует отметить, что они были в Туле не последними.

Наученные горьким опытом, большевики предпринимают ряд мер и для борьбы с тульским рабочим движением.

17 марта 1919 года Совет Обороны республики принял постановление, в котором говорилось, что город Тула находится на военном положении и ввиду важности патронного и оружейного заводов для Красной Армии Реввоенсовету республики предписывалось «учредить военно-революционный трибунал в Туле на правах ревтрибунала армии»³.

Еще в 1918 году, обсуждая июньские забастовки в Туле, коммунисты отмечали, что «настроение большинства тульских рабочих (главным образом патронного и оружейного заводов) в большинстве своем контрреволюционное»⁴. И делали вывод (на заседании пленума Тульского Совета рабочих депутатов 20 июня 1918 года): «Причины того, что рабочие так легко поддались на авантюру предателей революции — это факт недостаточной наличности среди рабочих Тулы истинных социалистов...»⁵.

Проходившие в марте — апреле 1919 года забастовки уреди-

¹ Путь борьбы и побед. Хроника Тульской организации КПСС. Кн. I (1883—1937). — Тула, 1978. С. 203—204.

² Ленин В. И. Пленум Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов 11 апреля 1919 г. Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт. // Полн. Собр. Соч. — 38. С. 289.

³ Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918—31 марта 1919 г. — М., 1968. С. 649.

⁴ Революционный Вестник. — Тула, 1918. 19 июля.

⁵ Там же. — 27 июня.

ли большевиков в правильности их оценки ситуации. Учитывая это, а также основываясь на материалах доклада специальной комиссии, изучавшей положение на Тульском патронном заводе в целях поднятия производительности труда, Совет Обороны республики 19 мая 1919 года принял решение, в соответствии с которым направил телеграмму Тульскому губисполкому о необходимости принятия экстренных мер по «обеспечению квартирами имеющих прибыть Тулу трех тысяч рабочих...» Телеграмма была подписана Председателем Совета Обороны Лениным¹.

В феврале 1919 года советское правительство, понимая, что авторитет эсеров среди населения страны достаточно велик, решило использовать их в своих тактических целях для борьбы с войсками адмирала Колчака и генерала Деникина, приняв решение о легализации партии социалистов-революционеров.

9-й Совет эсеровской партии в июне 1919 года постановил временно отказаться от вооруженной борьбы с большевиками, сосредоточив все свои силы на борьбе с угрозой справа. Но при этом отмечалось, что политическая борьба с большевиками не прекращается и если они добровольно не откажутся от своей политики диктатуры меньшинства над большинством, то эсеры должны устранить их силой во имя народовластия, свободы и социализма.

Следует отметить, что тульские правые эсеры принимали участие в работе 9-го Совета партии социалистов-революционеров, на который прибыли представители еще 24 губернских или заменяющих их городских организаций. В решениях Совета говорилось также о том, что вывести страну из краха может только «третья сила» — трудовая демократия, а не большевиками или реакцией. Обосновывался тезис об особом пути эсеров, «третьем пути», в борьбе за «полное народовластие» и «за планомерное проведение великих социальных преобразований»². Эта идея «третьего пути» постоянно присутствовала в теоретических разработках эсеров после Февральской революции.

С лета 1919 года в Туле и губернии, как и в целом по стране, снова начинается легальная деятельность правых эсеров.

Однако сделать что-то реальное для изменения политики большевиков эсеры уже не могли. И хотя организации правых и левых эсеров еще существовали, они фактически были устранены от власти и не могли существенно повлиять на политику, проводимую большевиками. Помимо этого эсеры подвергались

¹ Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля — 31 июля 1919 г. — М., 1971. С. 498.

² РЦХИДНИ. — Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 80.

постоянным репрессиям, преследованиям и, по сути дела, вели полулегальное существование. В ряде мест уже к концу 1919 года их организации распались. В последующие годы шли непрерывавшиеся аресты эсеров.

При этом большевики характеризовали эсеровскую партию как партию «социал-шовинистов и социал-бандитов». Эсеры обвинялись в организации бандитских шайек, вооруженных ограблений, взрывов поездов с продовольствием, железнодорожных путей, в постоянном активном участии в союзе с «иностранными капиталистами и царскими генералами в гражданской войне против рабочих и крестьян и так далее»¹.

Тульские эсеровские организации в этот период также приходят к окончательному развалу. Тульские правые эсеры раскололись на две организации: организацию собственно партии социалистов-революционеров и организацию меньшинства партии социалистов-революционеров. Тульские левые социалисты-революционеры также раскололись на «левых с.-р. активистов и максималистов». При этом каждый раскол сопровождался массовым уходом из этих организаций их членов.

Уже в 1920–1921 годах левозэсеровские организации в Туле полностью прекратили свое существование. В это же время фактически перестали действовать и правозэсеровские организации. Хотя организационное бюро меньшинства партии социалистов-революционеров существовало в Туле до лета 1922 года. Но «работы никакой не проводилось, так как было одно организационное бюро, а массы вокруг себя не имела»².

После развала организаций в Туле и Тульской губернии остались только «отдельные разбросанные члены». К началу 1923 года в Тульской губернии насчитывалось всего 169 левых и правых эсеров, из них правых эсеров только 26 человек. Часть из них никакой активной политической работы не вела и они были «совершенно незаметны»³.

После окончания гражданской войны, завершившейся подавлением большевиками Кронштадтского мятежа, многотысячных крестьянских восстаний 1921 года в различных районах страны и установлением в ноябре 1922 года Советской власти на Дальнем Востоке, высшее руководство Советской России принимает меры по окончательной ликвидации партии социалистов-революционеров.

¹ ЦДНИСО.— Ф. 7. Оп. 1. Д. 251. Л. 1.

² ГАТО.— Ф. 1861. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.

³ Там же.

При этом следует отметить, что несколько раньше, еще в июне 1921 года, Ленин поручает органам ВЧК разработать на лето и осень этого года и на начало 1922 года «систематический план» мер по ликвидации партий эсеров и меньшевиков. В соответствии с поручением Ленина чекисты разработали план, которым было намечено «провести массовые операции в государственном масштабе по правым и левым эсерам», а также «выкачать из деревни всех эсеров, засевших там в кооперативах, зем-отделах, на робразах, продорганах»¹.

Выступая на XI съезде РКП(б) в марте 1922 года, один из руководителей большевиков Зиновьев говорил: «Мы не даем легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами. Мы зажали рот меньшевикам и эсерам... Диктатура пролетариата, как говорил товарищ Ленин, есть очень жесткая вещь. Для того, чтобы обеспечить победу диктатуры пролетариата, нельзя обойтись без того, чтобы не переломать хребет всем противникам этой диктатуры...».

Летом 1922 года в Москве прошел судебный процесс над членами ЦК и некоторыми активистами партии социалистов-революционеров. Из 34 человек, подвергнутых суду, Верховный трибунал ВЦИК приговорил 12 человек к расстрелу, остальных к тюремному заключению на срок от 2 до 10 лет. Следует отметить, что обвинения против эсеров были построены на весьма сомнительных фактах, а во многих случаях и совсем голословны. В связи с этим процессом большевики развернули массовую агитационно-пропагандистскую кампанию с целью окончательной дискредитации партии социалистов-революционеров. Именно после этого судебного процесса утверждения о контрреволюционной и антисоветской деятельности эсеров, их сотрудничестве с империализмом и буржуазией, предательстве интересов рабочих и крестьян стали основными положениями в советской, в том числе и в тульской историографии.

2

В это же время Государственное политическое управление НКВД начинает вести работу по созыву Всероссийского съезда бывших членов партии социалистов-революционеров с целью окончательной ее ликвидации.

Газета «Коммунар» опубликовала 10 мая 1923 года статью

¹ Цит. по кн. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. — М., 1996. С. 11.

под названием «Тульские бывшие рядовые эсеры вступают на путь революции», в которой читателей информировали о решениях Всероссийского съезда бывших рядовых членов партии социалистов-революционеров. В ней также сообщалось, что в ближайшие дни в Тулу должен прибыть «представитель центра, и тогда предполагается устройство ряда собраний, лекции, митинги и выборы исполнительной комиссии Тульской губернии, которая и поведет всю работу»¹.

Согласно секретному циркуляру ЦК РКП(б) от 8 июня 1923 года за № 13 при Тульском губкоме коммунистической партии была создана губернская комиссия по приему в РКП(б) бывших социалистов-революционеров. В целях «планового проведения работы» по объединению бывших членов эсеровской партии с РКП(б) в Туле также было организовано бюро бывших эсеров в составе Блаженкова, Дорожкина, Медведева, Шишова и Волкова.

Губком РКП(б), информируя об этом уездные партийные комитеты, предписывал им не чинить никаких препятствий «в работе по объединению бывших С.Р. с Р.К.П. и оказывать полное содействие членам указанного выше бюро бывших С.Р., а также товарищам по указанию последних. В своей работе бюро бывших С.Р. должно держать полную связь с вами»². Следует отметить, что все члены бюро бывших эсеров были приняты в РКП(б)³.

К концу лета 1923 года эсеровские «ликвидационные» собрания и конференции прошли уже в ряде городов Сибири, в Нижегородской, Костромской и других губерниях⁴.

В Туле городское собрание бывших членов партии социалистов-революционеров состоялось 26 августа 1923 года. Собрать на него удалось всего около 40 человек⁵.

В обращении к бывшим эсерам, опубликованном в газете «Коммунар», подчеркивалось, что это собрание всех социалистов-революционеров, «стоящих на платформе образования единого фронта в рядах борцов за социализм, единого фронта с Коммунистической партией»⁶.

С приветствием от Тульской губернской организации РКП(б) к городскому собранию бывших эсеров обратился секретарь губкома Володин. Он говорил о причинах, «превративших

¹ Коммунар.— Тула, 1923. 10 мая.

² ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 759. Л. 21.

³ Там же.— Д. 755. Л. 18.

⁴ Там же.— Д. 754. Л. 2.

⁵ ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 754. Л. 1.

⁶ Там же.— Л. 5.

партию эсеров в слепое орудие в руках реакционных классов», и закончил свою речь призывом к борьбе за «международную революцию совместно с единственно революционной коммунистической партией»¹.

Собрание приветствовал также представитель Всероссийской центральной исполнительной комиссии Суворов-Павлов. Он рассказал о работе Всероссийского съезда и подчеркнул, что единственно верный путь эсеров «есть путь единого фронта с РКП для окончательной победы труда над капиталом в борьбе за социализм, за мировую пролетарскую революцию».

Завершая свою речь, он сказал: «И теперь, собравшись здесь, вы, товарищи, ликвидировав Тульскую организацию п.с.-р., становитесь организованными рядами под красное знамя III Коммунистического Интернационала, как честные и искренние работники, старые революционные бойцы»².

С докладом об истории Тульской организации партии социалистов-революционеров выступил ее бывший руководитель Медведев. Подробно рассказав о ее деятельности на различных этапах революционных событий, он делал вывод: «На сегодняшнем собрании мы должны вбить осиновый кол всему нашему прошлому и остатки своих сил посвятить новому будущему»³.

Выступивший же с докладом по текущему моменту эсер Блаженков говорил, что «надежды на третью силу и т.п. иллюзии разбиты жизнью». Он отмечал: «Могут возразить, что царизм пал, но диктатура пролетариата не лучше его. Но скажите, товарищи, кто из действительных революционеров мечтал сделать всю революцию в белых перчатках... странно было бы думать о гражданской войне языками с перьями, а не штыком и патроном»⁴.

Тульские эсеры «единогласно осудили» прошлую роль партии социалистов-революционеров, констатировав: «Похоронена партия с.-р. и никто ее уже больше не воскресит»⁵.

В резолюции городского собрания, принятой единогласно, было записано: «Осознав ошибку своего прошлого, поставив на нем крест, ликвидируем в Туле остатки с.-р. организации».

Собрание призвало всех членов партии социалистов-революционеров «встать на путь последовательного революционного марксизма и новой работой в рядах рабочего класса искупить

¹ Коммунар. — Тула. 1923. 28 августа.

² ГАОПОТО. — Ф. 1. Оп. 2. Д. 754. Л. 10.

³ ГАОПОТО. — Ф. 1. Оп. 2. Д. 754. Л. 17.

⁴ Там же. — Л. 2.

⁵ Там же. — Л. 10.

ошибки своего прошлого и завоевать доверие коммунистической партии, руководящей не только русской, но и мировой революцией»¹.

Также единогласно городским собранием были приняты телеграммы Исполкому III Коммунистического Интернационала, Ленину, Троцкому и Тульскому губкому РКП(б).

В телеграмме Ленину тульские эсеры писали: «Уважаемый Владимир Ильич! Городское собрание бывших членов Тульской организации п.с.-р., закончив свою работу по подведению итогов деятельности партии с.-р. местной организации и обсудив ее в прошлом, шлет Вам, вождю мирового пролетариата, глубокий привет и пожелание скорейшего выздоровления, выражая полную готовность под Вашим испытанным руководством искупить ошибки своего прошлого и твердо, решительно пойти по пути достижения конечной цели — мирового коммунизма»².

Собрание закончилось пением «Интернационала», «под знамя которого, — как писала газета «Коммунар» 28 августа, — всерьез и надолго, не за страх, а за совесть вступили блудные сыны пролетариата и крестьянства»³.

После тульского городского собрания эсеров перед исполнительной комиссией по созыву губернской конференции⁴ была поставлена задача всю работу «по ликвидации с.-р. организации в губернии и по объединению бывших с.-р. вокруг решения Всероссийского съезда закончить не позднее 25 октября и к этому сроку, приблизительно, созвать губернскую конференцию»⁵.

При подготовке к этому мероприятию 9 сентября был издан Бюллетень Тульского бюро по созыву губернского съезда бывших членов партии социалистов-революционеров «Единый фронт», в который вошли материалы Всероссийского съезда эсеров и эсеровского собрания в Туле 26 августа 1923 года. Состоялись командировки членов комиссии в Алексинский, Новосильский, Чернский, Богородицкий, Ефремовский, Тульский и Одоевский уезды⁶. При этом все они должны были выезжать в командировки с мандатами, заверенными губкомом РКП(б).

В секретном письме, направленном из Тульского губернского

¹ ГАОПОТО. — Ф. 1. Оп. 2. Д. 754. Л. 2.

² ГАОПОТО. — Ф. 1. Оп. 2. Д. 754. Л. 2.

³ Коммунар. — Тула. 1923. 28 августа.

⁴ В разных документах это мероприятие, также как Тульское городское собрание, носит различные названия: конференция, собрание, съезд. В итоговых документах оно называется собранием.

⁵ ГАОПОТО. — Ф. 1. Оп. 2. Д. 754. Л. 2.

⁶ Там же. — Д. 755. Л. 18.

го отдела ГПУ уполномоченным ОГПУ в каждый уезд было дано указание в отношении эсеров — членов Губернской комиссии: «В их работе препятствий не чините, а окажите через Уком РКП(б) нужное содействие». В то же время внимание уездных чекистов обращалось на то, чтобы они к создающимся группам бывших членов партии социалистов-революционеров относились «критически», наблюдая «не проникают ли в эти объединения лица, не раскаявшиеся в своих бывших политических убеждениях с целью установления связей и пользования легальными возможностями для дальнейшей работы»¹.

Тульское ОГПУ постоянно информировало секретный отдел ГПУ в Москве о том, как проходит работа в Туле и губернии по созыву губернской конференции бывших членов партии социалистов-революционеров. В свою очередь уездные уполномоченные регулярно давали информацию в Тульское ОГПУ².

Бюро бывших эсеров, несмотря на полученную «товарищескую поддержку» от губкома коммунистической партии и «целый ряд содействий», которые оказывались на местах коммунистическими организациями, было вынуждено признать, что его работа «надлежащего успеха не имела». Члены бюро объясняли это краткостью срока подготовки губернского собрания, большой разбросанностью эсеров на территории губернии³.

Но, видимо, была еще и другая причина, о чем члены бюро умолчали — это нежелание большинства бывших эсеров участвовать в проведении таких мероприятий. На это указывает небольшое количество участников и городского и губернского собраний, и весьма скудные сведения, собранные на местах, в уездах уполномоченными ОГПУ. Одоевские чекисты сообщали, например, следующее: «Все сведения по сему поводу получены от «Знаменского» (по всей видимости, это псевдоним секретного сотрудника ОГПУ — А. Ю.), более подробных сведений собрать не представилось возможным, вследствие того, что члены РКП(б) — с.-р. не дали исчерпывающих материалов, мотивируя незнанием»⁴.

В конце концов губернное собрание бывших рядовых членов Тульской организации партии социалистов-революционеров прошло 27 сентября 1923 года. На нем присутствовали 46 человек, в основном все те же, кто был и на городском собрании. Из губернии на собрание прибыли представители всего трех уездов:

¹ ГАТО.— Ф. 1861. Оп. 1. ДЗ. Л102.

² Там же.— Л. 166, 180–182.

³ ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 755. Л. 18.

⁴ ГАТО.— Ф. 1861. Оп. 1. Д. 9. Л. 48.

Тулеского, Алексинского и Ефремовского. С докладом на губерньском собрании, также как и на городском, выступил Медвед. Все выступавшие каялись в грехах и говорили об ошибках эсеровской партии¹.

29 сентября 1923 года в газете «Коммунар» появилось сообщение «К сведению бывших членов партии социалистов-революционеров». В нем говорилось: «Состоявшееся в Туле 27 сентября общегуберньское собрание бывших с.-р. постановило: Все организации бывших с.-р. в Туле и Губернии с 1-го октября сего года считать ликвидированными и всех лиц кои с этого срока будут выступать от имени этих организаций — самозванцами»².

После городского и губерньского собраний всего в ряды РКП(б) изъявили желание вступить 49 бывших эсеров. Из них к 1 декабря трое были приняты «в действительные члены», тринадцать в кандидаты, девятнадцати разрешено вступить в коммунистическую партию на общих основаниях «как беспартийным». Остальным было или отказано в приеме или их прием откладывался по самым различным причинам³.

Тулеская губерньская исполнительная комиссия бывших социалистов-революционеров подготовила для губкома РКП(б) отчет о своей работе. 1 декабря 1923 года постановлением Тулеского губерньского комитета коммунистической партии большевиков он был утвержден «в целом». Этим же постановлением была распущена и исполнительная комиссия⁴.

3

Таким образом завершилась история Тулеской организации партии социалистов-революционеров, точнее той ее части, которую было принято называть правыми эсерами.

Однако и тулеские левые эсеры просуществовали после этого недолго. 16 декабря 1923 года в Туле прошло совещание Тулеского губерньского съезда членов партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). На нем присутствовали, судя по подписавшим итоговую декларацию, представители 6 левозэсеровских организаций: Тулеской, Епифанской, Алексинской, Новосильской, Крапивенской и Богородицкой. Всего 23 человека⁵.

¹ ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 754. Л. 18, 37, 44.

² Коммунар Тула, 1923. 29 сентября.

³ ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 755. Л. 19.

⁴ Там же.

⁵ ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 755. Л. 22, 27.

В повестке дня стояли четыре вопроса:

- 1) Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов) и русская революция.
- 2) Международная и внутренняя политика.
- 3) Декларация совещания.
- 4) Разное.

По первому вопросу с докладом выступил Бессонов-Дерюгин, с содокладами Талиманов, Дворников и другие. И в докладе, и в содокладах говорилось, что левоэсеровская партия «отрвалась от масс» и «в целях усиления революционных рядов необходимо влиться в ряды коммунистов»¹.

В резолюции губернского совещания членов и бывших членов партии социалистов-революционеров (интернационалистов) по первому вопросу, после перечисления всех ошибок и грехов левых эсеров, было заявлено: «Посему Губернское партийное Совещание постановило организованно выйти из рядов партии Л-СР-Ин. и как губернскую организацию Л-СР-Ин. Тульской организации считаем не существующей». В резолюции было выражено желание, чтобы «примеру Тульской организации последовали и другие Губернские центры для усиления революционных сил в Коммунистической партии под знаменем III Коммунистического интернационала»².

Обсудив вопрос «Международная и внутренняя политика», совещание в принятом постановлении отметило: «Партия коммунистов является единственной защитницей интересов трудящихся всего мира, в чем опыт русской революции является несомненным доказательством»³.

Принятая «Декларация Губернского совещания бывших членов партии Левых Социалистов-Революционеров Интернационалистов Тульской организации», так же как и резолюция этого совещания, констатировала ошибки, промахи, грехи партии, говорила о том, что она после Октябрьской революции встала «на ложный путь», заняла враждебную позицию к партии большевиков и этим окончательно скомпрометировала себя в глазах пролетариата⁴.

В конце декларации было записано: «Взвесив всю преступную деятельность партии лев.-социал.-революционеров после Октябрьской революции, направленную во вред рабочих и кре-

¹ ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 755. Л. 22.

² ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 755. Л. 23.

³ Там же.

⁴ Там же.— Л. 25.

стьян, Губернское совещание бывших членов партии Л-СР-И. клеймит позором вождей этой партии, в лице ее Центрального Комитета, изменивших великим заветам революционного социализма, и заявляет, что партия Левых Соц.-Револ. Инт. больше не существует, она с позором сошла со сцены революционной борьбы, благодаря ложной политике ее вождей. Далее, оценивая заслуги перед революцией Рабочей Коммунистической партии большевиков (видимо, неверно было записано название РКП(б) — Н.Д.) и ее неустанную борьбу за укрепление советской власти Совещание заявляет, что только эта партия является истинной защитницей интересов рабочих и крестьян, что только она приведет трудящихся в светлое царство социализма»¹.

Тульские левые социалисты-революционеры заявляли, что они считают необходимым в дальнейшем идти в рядах коммунистов, и звали последовать их примеру всех других левых эсеров, «в коих еще сохранился революционный дух и не угасла вера в светлое царство социализма».

Декларация заканчивалась призывом: «Да здравствует Коммунистическая партия Большевиков и ее Вожди! Да здравствует третий Коммунистический Интернационал!»².

В конце работы совещание постановило распустить инициативную группу по его организации и избрало «тройку», то есть трех человек, которым было поручено «наряду с выполнением работы по ликвидации партии в губернском масштабе послать приветственные телеграммы ЦК РКП(б) и Губкому РКП(б)»³.

Таким образом, завершилась и деятельность Тульской левосеровской организации.

К концу 1923 года работа по созыву легальных съездов бывших рядовых членов партии социалистов-революционеров была закончена и в целом по стране. Везде на них эсеры клеймили позором деятельность своей партии, заявляли о солидарности с коммунистическим интернационалом, признавали необходимым вступление бывших эсеров в ряды коммунистической партии большевиков как единственной подлинно революционной партии, и принимали решения о роспуске местных организаций партии социалистов-революционеров.

На завершающем этапе этой деятельности ГПУ определило свои очередные задачи по работе среди бывших эсеров. Для этого намечалось в течение октября — ноября закончить всю «съез-

¹ ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 755. Л. 26.

² ГАОПОТО.— Ф. 1. Оп. 2. Д. 755. Л. 27.

³ Там же.

довскую деятельность» бывших эсеров, не допустить развития антисоветских настроений среди тех бывших эсеров, которые не будут приняты в коммунистическую партию, а также не дать им возможности для создания «легальной Советской обособленной группировки».

После официального роспуска Тульской эсеровской организации тульские чекисты, в соответствии с полученными указаниями, продолжали вести наблюдение за эсерами, в первую очередь за теми, кто не высказал своего отношения к решениям легального Всероссийского, губернского и городского съездов.

В секретном письме уполномоченным ОГПУ в уезды губернский отдел ГПУ обращал внимание уездных чекистов на то, что в уездах осталось много бывших правых эсеров, которые по тем или иным причинам не присоединились к резолюциям и постановлениям легальных съездов. ОГПУ выражал опасение в возможности того, что часть этих бывших правых эсеров, «шатаясь в своих убеждениях», возобновит свою прежнюю деятельность, установит связь с центром и таким путем даст пополнение «растрепанной» партии правых социалистов-революционеров.

На места давалось указание: «Ввиду изложенного эта категория «бывших» правых с.-р. подлежит тщательному изучению и освещению осведомительным и информационным путем. Особое внимание следует обратить на бывших членов и кандидатов в учредилровку. Все получаемые об их деятельности сведения немедленно сообщайте нам со своим указателем о их достоверности»¹.

Несмотря на формальную ликвидацию оппозиционных политических сил советский режим продолжал жестко контролировать общественные настроения. Усиление тотального контроля на протяжении 20-х гг. приводит к окончательной ликвидации гражданских и политических свобод. Впоследствии, в годы «большого террора», многие участники эсеровских организаций были уничтожены, а в стране на долгие годы установилась советская однопартийная система.

¹ ГАТО.— Ф. 1861. Оп. 1. Д. 3. Л. 183.

Тульские узники архипелага ГУЛАГ

САФРОНОВА Анастасия,
МИНАЕВА Юлия, САФРОНОВА Тамара,
1 курс Тульского филиала ВЗФЭИ

Руководитель: кандидат политических наук Насырова Екатерина Александровна

...Роковая сторона, ледяная,
Проклятая железной рукой...
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

А. Белый

Введение

История никогда не была и вряд ли станет сферой чисто научных интересов — слишком глубоки ее связи с жизнью, слишком важна для нынешних людей память о прошлом.

Ложь в истории — дело опасное. И хотим мы того или нет, оправдывая или замалчивая прошлое, мы создаем преграды для очищения. Сегодня люди, по-прежнему, стараются не говорить и не вспоминать о тех страшных годах Советской власти. Но важной проблемой является то, что многие люди не знают объективной картины событий, произошедших в XX веке.

По-прежнему наиболее болезненной темой остается тема сталинских репрессий, потому что никогда более человек не чувствовал себя бесправным и беспомощным перед тоталитарным государством как в ту далекую эпоху.

Мы надеемся, что наша работа поможет понять, что неотъемлемыми правами человека и гражданина являются право на жизнь и свободу мысли совести и убеждений. Ликвидация демократических прав и свобод приводит к забвению собственной истории, превращению людей в послушных исполнителей.

В своей работе мы активно использовали материалы, собранные Тульским отделением Российского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» в двух томах «Книги памяти жертв политических репрессий Тульской области 1917–1987 гг.»

«Книга памяти жертв политических репрессий» — исторический источник или памятник жертвам террора?

В конце февраля 1956 года на XX съезде КПСС первый секретарь ЦК Никита Хрущев потряс страну и взбудоражил мир, выступив с докладом о злодеяниях своего великого друга и учителя Иосифа Сталина.

Это теперь, полвека спустя, мы так прямо и смело говорим: злодеяния Сталина. А тогда даже в мыслях такое позволить не могли. Даже на том потрясающем форуме коммунистов выражались куда более мягко и осторожно: речь вели о преодолении чуждого марксизму-ленинизму культа личности и связанных с ним ошибок и извращений; о восстановлении ленинских норм партийной и государственной жизни.

Следствием этого восстановления явилась реабилитация видных партийных и государственных деятелей, уничтоженных за два десятилетия до этого. Среди них значились и тульские: лидер большевистской революции в Туле Григорий Каминский и Александр Кауль, секретарь губкома ВКП(б) Иван Кабаков, секретарь Тульского городского комитета ВКП(б) и Оргбюро ЦК ВКП(б) по Тульской области Андрей Колетвинов, председатель Тульского горсовета Андрей Рогов и ряд других. Вслед за ними оправдали десятки менее знаменитых, а потом и сотни тысяч вовсе неизвестных жертв массовых политических репрессий. Тех же, кто остался в живых, выпустили из лагерей. Общепризнанная трагедия, о которой в стране нашей долгие десятилетия говорить было нельзя, постепенно обнаруживало свои чудовищные масштабы.

Нелегко даются такие преобразования в жизни и в сознании людей. Народу предстояло расстаться с обожествлением Сталина, внедрявшемся в каждого с молоком матери. Восемь лет длилась борьба за осуществление курса XX и XXII съездов КПСС в отношении культа личности. Казалось, Хрущев и силы, которые он представлял, одержали победу. Но на самом деле до нее еще было далеко. В октябре 1964 Хрущев был свергнут. Обыгрывая возникшие экономические трудности, сталинисты запустили в народ ехидную прибаутку с кощунственным началом: «Товарищ, верь, придет она, на водку прежняя цена. И на закуску будет скидка: ушли на пенсию Никитку!»

Прежняя цена на водку не вернулась, и закуска все дорожала, но любители выпивки не унывали. Родилась новая народная острота: «Пусть не шесть, пусть будет восемь, все равно, мы

пить не бросим. Передайте Ильичу, нам и десять по плечу!» Ильичу, это, как мы помним — Брежневу. Он правил не одиннадцать, как Хрущев, а целых восемнадцать лет. И старался сделать все, чтобы решения XX и XXII съездов о культе Сталина были забыты.

Не вышло! Еще три года — и явился Горбачев. Перестройка, начатая им под всеобщее одобрение передовых сил, продолжила курс на полное разоблачение сталинских злодеяний. Спротивление ей, однако, оказалось еще решительнее, чем хрущевской. Чем это кончилось, напоминать не надо: события наших дней.

Только Ельцину удалось довести до конца реабилитацию жертв политических репрессий. Так был и назван изданный при нем 18 октября 1991 года специальный закон. Всего два месяца прошло с первого путча, организованного новоявленными сталинистами.

Половинчатость, недоговоренность прежних решений о реабилитации были наконец-то преодолены, она получила законный статус. Оставшимся в живых невинным людям, десятилетиями влачившим ярмо «врагов народа», а также ближайшим их родственникам, пострадавшим от репрессий, были даны некоторые социальные льготы. Более того: в соответствии с исторической достоверностью реабилитации были удостоены жертвы не только сталинской, но и ленинской, и самой хрущевской, и брежневской поры. Легенда о том, что политические незаконные репрессии начались только при Сталине, а после его смерти ушли в прошлое, была развенчана. Восстановлено доброе имя целых народов, подвергнутых в советское время геноциду: калмыков, крымских татар, немцев Поволжья, ингушей и других. Миллионам тружеников-крестьян, объявленных в конце двадцатых годов классовыми врагами, тоже вернули доброе имя. Абсолютному большинству, как и другим репрессированным, после их смерти.

Такова схема мрачной истории, получившей с руки Солженицына символ: архипелаг ГУЛАГ. Вспомним же хотя бы некоторых из рядовых, никому не известных жителей Тулы — жертв небывалого остракизма, — узников того архипелага.

Вот отрывки из писем, каких целые горы накопилось в Тульском добровольном историко-просветительском обществе «Мемориал».

Пишет жительница Тулы Елизавета КАТАСОНОВА:

«Мой брат, Михаил Никитич Катасонов, 1911 года рождения, жил в Туле, на улице Володарского, в доме 132 с родителя-

ми и сестрами. 14 декабря 1937 года его арестовали — в Тульском отделении железной дороги, где он работал вагонным мастером. Там он возглавлял комсомольско-молодежную бригаду. На Первомайской демонстрации 1936 года его портрет несли среди изображений лучших людей города, передовиков производства.

Некоторое время Михаила держали в тульской тюрьме, затем его осудила тройка по статье 58, 10 — антисоветская агитация — и этапом погнали отбывать срок как «врага народа». Определили в Горьковскую область на станцию Сухобезводная, в Унжлаг. Работать заставили на лесоповале. Упавшим деревом Мише сломало ногу. Он писал нам, чтобы мы обратились в Москву с просьбой о пересмотре его дела, так как он ни в чем не виноват. Родители писали жалобы чуть ли не каждый месяц, но даже ответа не получали.

В декабре 1945 года брат вернулся по отбытии срока. А через неделю к нам пришли из милиции и предложили Мише немедленно покинуть Тулу.

Куда человеку деваться? Поехал Михаил к тетке в деревню Горшиково, что в Лаптевском районе. Тетка приютила племянника, он поступил работать в столярный цех при местном лесничестве. Там и прижился. Был он трудолюбивый, скромный, за ударную работу удостоили его ордена Трудового Красного Знамени. В 1971 году вышел на пенсию, но работу не оставил, несмотря на подорванное здоровье. В 1984 году скоропостижно умер. Остались жена и дочь, 1953 года рождения.

Реабилитировали его сразу после XX партсъезда.

Елизавета КАТАСОНОВА, г. Тула»

В этом безыскусственном письме нарисована правдивая история жизни простого советского труженика, попавшего под колесо политических репрессий. Михаил Никитич Катасонов — один из многих сотен тысяч туляков, испытавших такую же и еще более горестную судьбу.

А вот еще одна история, еще более страшная.

«Моего папу, Арнольда Ивановича Церре, арестовали 1 или 2 декабря 1937 года. Наша семья жила тогда в Туле на улице Коминтерна, в доме 10. Папу увезли ночью от маленького моего братика, четырехлетнего сына. Мама была в роддоме — в ту ночь родилась я.

С тех пор мы ничего не знали об отце. Мама рассказывала, что он был честным, добрым человеком. Была у него хорошая мирная профессия — шофер второго класса. Он перевозил людей

в автобусе, принадлежавшем тульской автоколонне, которая помещалась недалеко от нашего дома, на улице Коминтерна. Было папе во время ареста двадцать девять лет.

Когда пришла пора реабилитации невинных жертв репрессий, мы получили справку военной коллегии Верховного суда СССР, где было сказано, что дело отца прекращено 29 декабря 1956 года за отсутствием состава преступления.

Вслед за той справкой получили еще одну. Там говорилось, что Арнольд Иванович Церре умер в местах заключения 6 июля 1945 года, причина смерти — заворот кишок. Ту печальную дату с тех пор и отмечали мы в нашей семье как день поминовения отца. Мама и умерла в уверенности, что это правда.

Но вот какой ответ получила я на мой запрос в конце 1990 года (я просила сообщить место захоронения отца):

«Уважаемая Лидия Арнольдовна! Ваш отец, Церре Арнольд Иванович, был расстрелян 27 января 1938 года». Это сообщили мне из управления КГБ по Тульской области.

Итак, не было ни восьми лет лагеря, ни заворота кишок. Боже мой, кем же надо быть, в какие омуты бесчестия провалиться, чтобы так кощунственно лгать родным убитого ни за что человека! Пятьдесят три года обманывать доверчивых людей!

У нас в семье не сохранилось ни одной фотографии отца, ни строчки, написанной его рукой. А как хочется взглянуть на родное лицо, увидеть отцовский почерк! И мы не имеем права даже всплакнуть на его могиле. Потому что не знаем, где она.

Лидия КОЖУХОВА, г. Тула»

Кем надо быть, чтобы коварно обманывать родных убитого, спрашивает Лидия Арнольдовна. Убийцы невинных общечеловеческой морали не признавали. Маркс, Ленин, Троцкий внушили им, что мораль может быть только классовой. И ради блага рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции считалось нравственным не только истреблять беспощадно их врагов или тех, кого к ним причислили, но и лгать супругам, матерям, детям убитых. Такова была идеология. Из нее исходя, составлялись законы и ведомственные инструкции, нарушать которые никому было не позволено. Инструкцию НКВД о выдаче ложных справок о смерти расстрелянных в 1937–38 годах отменили лишь после краха КПСС и СССР, в начале 90-х. Вот тогда-то и узнала Лидия Кожухова правду об отце.

Как штамповали «врагов народа»

До сих пор бытует кое у кого мнение, будто репрессии доблестной сталинской эпохи не были такими уж необоснованными: «Дыма без огня не бывает, в чем-то да были виноваты те, кого тогда сажали и расстреливали».

Право же, хотелось бы, чтобы так было! Легче на душе становится, когда убеждаешься, что есть хоть какая-то справедливость.

Увы, в оценке событий тех страшных лет надежды на отыскание справедливости — никакой. Публикуемый ниже документ полувековой давности убедительно о том свидетельствует. (Предлагаем его с сохранением стиля, орфографии и пунктуации).

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному

делу № 8228 по обвинению

ЖИЖИНОЙ Анны Сергеевны

по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР

В XI отдел УГБ управления НКВД по Тульской области, поступили сведения о том, что техник междугородной станции Жижина Анна Сергеевна среди работников связи ведет контрреволюционную пропаганду. Произведенным расследованием установлено, что Жижина Анна Сергеевна на почве враждебного отношения к советской власти и ВКП(б), проводила активную к/р деятельность, клеветала на Советскую власть, руководителей ВКП(б) и советского правительства, распространяла провокационные настроения, так: в марте месяце 1938 года Жижина в беседе с гражданином Кириным В.В. выражала недовольство на Советскую власть, клеветала на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, восхваляя в то же время известных врагов народа из «право-троцкистского блока».

Среди граждан Медведева И.В., Пученкиной К.В., Петрухиной Е.С. и др. Жижина высказывала программные настроения по адресу коммунистов, клеветала на руководителей партии Советского правительства, высказывала пораженческие настроения в отношении Советской власти в будущей войне.

Допрошенная в качестве обвиняемой по настоящему делу, Жижина Анна Сергеевна виновной себя не признала, но в своей контрреволюционной деятельности достаточно учитывается показаниями свидетелей Кузнецова А.Ф., Кирина В.Д., Медведе-

ва Н., Пученкиной К.Е. и Петрухиной Е.С. и 4-мя очными ставками.

На основе изложенного обвиняется Жижина Анна Сергеевна 1908 года рождения, уроженка города Тулы, русская, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, не судима, замужняя, имеет мужа и одного ребенка 3-х лет, до ареста работала техником Тульской междугородной телефонной станции, проживала в г. Туле, ул. Революции, 44, в том, что она проводила к/рев. Пропаганду погромного характера, клеветала на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ

Дело № 8228 по обв. Жижинной Анны Сергеевны направить на рассмотрение спецколлегии Тулоблсуда с перечислением за ней арестованного.

Опер. уполномоченный отд. УГБ УНВВД ТО
Сержант госбезопасности БУДЫЛИН.

Утвердил нач. упр. НКВД
майор госуд. безопасности ЛЕБЕДЕВ
27.VI.38 г.»

Что было с Жижинной дальше? Ответим выдержкой из одного документа.

«ХАРАКТЕРИСТИКА

От 10. III. 45 г. На гр. Жижину Анну Сергеевну, проживающую на командировке Чержеде Кокоринского ОЛП (отдельного лагпункта. С.Щ.) 5 Усольлага НКВД.

24.04.1938 года Жижина была арестована органами НКВД г. Тулы и спецколлекгией Тульского областного суда на 6 лет заключения в ИТЛ. Три года она пробыла и ИТЛ ББК, где, согласно присланного на нее формуляра, замечаний никаких не имела. Затем, в связи с эвакуацией лагеря, была переведена в Усольлаг. Здесь она сначала работала на основном производстве, а после инспектором ГОСа и бухгалтером».

Далее дается очень высокая оценка работы Жижинной и ее поведения и делается вывод:

«Своей работой в течение 6 лет заключения гр. Жижина полностью искупила свою вину и доказала свое право на возвращение в семью честных граждан. После своего освобождения в апреле 1944 года Жижина была направлена обратно, а Коко-

ринский ОЛП, где была выдвинута на должность бухгалтера (после 6 незаслуженно присужденных лет Жижину не отпустили домой в Тулу, а закрепили на работе по «вольному найму» — в том же лагере). За три истекших года работы в Кокоринском ОЛП гр. Жижина была всесторонне проверена (Уже после заключения!) как с точки зрения честности и добросовестности к своим обязанностям, так и безупречного поведения в быту. На своем новом посту работала с неослабеваемой энергией и чисто хозяйственной заботливостью: ведет порученную работу и заслуживает полное доверие руководства — право на поощрение.

*Начальник Кокоринского ОЛП.
Предместкома.*

Такая судьба рядового советского человека. Что сказала Анна Сергеевна про руководителей ВКП(б) — об этом документы умалчивают.

И только в декабре 1956 года постановлением верховного Суда РСФСР приговор в отношении Жижинной был «отменен и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения»¹.

Заключение

История непрерывна, и очень сложно ликвидировать белые пятна, восстановить память о прошлом, чтобы история не потеряла своей внутренней связи. Люди не могут быть безразличны к пережитому, и именно историческая память является иммунитетом против тоталитаризма. Как амнезия разрушает личность человека, так и амнезия исторической памяти обесмысливает жизнь человека и общества. Необходимо открыть шлюзы, спустить все нечистоты, очистить изнасилованную память.

Память с особой горечью возвращает нас в годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают вызывать к нашей совести. Об этом забыть нельзя.

Исследовательская работа обогатила наши знания по исто-

¹ «Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области 1917–1987 гг.» Составлена по документам, собранным Тульским областным добровольным историко-просветительским обществом «Мемориал», том 1. — Тула: Гриф и К, 1999. С. 7–8.

рии России советского периода, по истории прав человека. Мы стали лучше понимать смысл жизни человека, читая биографию людей, жизнь которых так нелепо оборвалась по прихоти правительства. Очень жаль, что так много наших земляков погибло в те страшные годы.

Генетическая память должна оживляться интересом к изучению опыта исторического пути своей нации, тогда нация будет лучше и крепче.

**Тульская благотворительность в конце XX в.:
поддержка неимущих и социально
дискриминируемых групп населения
(фрагмент работы)**

**МАМЕДОВА Анна,
студентка III курса Тульского филиала ВЗФЭИ**

Руководитель: Свиридов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент региональной кафедры Философии, истории и права филиала ВЗФЭИ в г. Туле

Все люди хотят иметь право на достойную жизнь, право на получение образования. Особенно тревожно положение детей из бедных семей, а также детских образовательных учреждений и организаций. Защита прав детства легла на плечи благотворителей... В региональной прессе за 1996–2000 годы обширно представлены неповторяющиеся публикации, касающиеся поддержки непосредственно детей из малоимущих семей, а также детских организаций и учреждений. В середине 90-х годов большим влиянием ещё обладали крупные государственные предприятия. Так, НПО «Сплав» регулярно помогал Обидимской школе-интернату Ленинского района, Ревякинскую первую среднюю школу строил Ревякинский металлопрокатный завод. Постепенно ситуация меняется. Рыночные формирования тоже стали помогать школам: клуб «Арсенал» провел вечер в подшефной школе № 3 г. Тулы, сотрудники Узловского отделения Сбербанка за свой счет сделали первоклассникам школ № 1 и № 17 подарки. Все новые и новые формы включались в эту деятельность: кооператив «Монолит» провел косметический ремонт в яслях «Колокольчик» пос. Огаревка Щекинского р-на; областная продовольственная корпорация отремонтировала здание Тульского сада; внутренний ремонт детского сада в г. Донском оплатило АО «Стройтехника»; детскому центру досуга оказало материальную помощь трикотажное объединение; АО «Туластройконструкция», «Центргазсервис», «Тульский Региональный банк» стали спонсорами концерта в Тульской филармонии для детей из многодетных семей. Фонд «Милосердие» оплатил отдых 215 детей из Богородицкого р-на Тульской области; «Спирит-банк» и «Донской рынок» выделяют подарки первоклассникам; «Слобо-

да» присылает подарки детям многодетных семей; от микрорайона по Калужскому шоссе детей в школу возит частная фирма «Автолайн». ЗАО «Россахимизвестия» для поездок детей пос. Поречье Дубенского р-на выделил автобус. Работники школы № 8 г. Узловой благодарят за помощь в приобретении книг ОАО «Дрожжевой завод», ООО «Импульс», Узловской рынок. Первому новорожденному 2000 г. в г. Ефремове приготовили подарки магазин «Елена», ОАО «Тулэнерго», «Теплоэлектроцентраль». Благотворительный фонд «Надежда» оказал финансовую поддержку Дубенской средней школе в проведении ремонта. СПК «Красная звезда» организует поездки детей в Ясную Поляну. Центр народной помощи «Благовест» (г. Москва) организовал поездки для 20 детей из малоимущих семей Тульской области в Данию, а Московский фонд социального страхования направил 80 детей из Алексина на отдых в г. Анапу. Федоровская школа Ленинского р-на получила помощь от ЗАО «Каландр». Выясняется, что роль частных предпринимателей в благотворительных делах оказывается все значительней. Так, предприниматель Н. Суховенко приобрел для передачи детям 535 новогодних подарков; предприниматель А.А. Веденин уже несколько раз передавал детям Донского мед своей пасеки.

Вплотную к благотворительности примыкает такое направление деятельности, как поддержка сирот. Начало так же, как и первого, описанного выше направления благотворительности, проходило не очень активно: Донскому детдому работающие предприятия подарили холодильник. Долгое время мероприятия поддержки осуществлялись централизованными компаниями. Так, Тульское отделение Российского детского фонда, реализуя программу «Теплый дом», оказывало помощь семьям, воспитывающим приемных детей. Областной фонд семьи организовал лотерею «Семья». Но и в этом направлении благотворительности чуть позже весьма активно заявили о себе предприниматели и представители малого бизнеса. Яснополянскому детскому дому а/к 1810 бесплатно произвела ремонт автобуса. Фирма «Коллаж» передала в Дом ребенка фрукты, фирма «ЛЛК плюс» — лекарства, а тулячка Г.П. Полишук — 9 шубок из искусственного меха. К встрече Нового года АО «Щекиноазот» преподнесло подарок первой школе-интернату, а «Мосэнергомонтаж» школе-интернату в г. Советске подарило телевизор, видеоманитофон и канцтовары. Богородицкой школе-интернату большую помощь оказывает ОАО «Ресурс». Головеньковскому дому-интернату продукты питания покупали ОА «Щекиноазот», торговый дом «Юбилейный», а ремонт техники провел «Агросервис». Продолжают организовывать ак-

ции милосердия и благотворительности в помощь обездоленным детям. Организаторами и финансистами культурно-развлекательного мероприятия для 250 детей-сирот были ОАО «Айсберг», ЗАО «Леда», кондитерская фабрика «Ясная Поляна», фирма «Лаконка», издательство «Шар», книжный магазин «Знание». В Чернский детский дом японский телевизор передали фирмы «Профит», «Тройка», «ЭЛТ», «РМП». Известные артисты показывали пример другим в поддержке сирот. Так, И. Кобзон передал деньги Тульскому дому-интернату. Тульской школе-интернату № 2 финансовую поддержку по призыву Союза промышленников и предпринимателей оказали АООТ «Косогорский металлургический комбинат», ОАО «Тулабумпром», АО «Газстройдеталь», АО «Чайка», ОАО «Туласантехника», завод «Арсенал». Тульское молодежное благотворительное объединение «Забота» провело акцию «В XXI век без сирот». Дети из Яснополянского детского дома в молодежном клубе «Пионер» бесплатно посмотрели концерт и повеселились на дискотеке. Сбербанк отремонтировал фасад здания и принял участие в оборудовании игровой комнаты и актового зала, оплатил билеты на концерт для младших школьников муниципальной школы-интерната № 2.

В Тульском регионе направление благотворительности в пользу инвалидов по числу публикаций занимает второе место. Общество, привыкшее к государственному содержанию инвалидов, не сразу восприняло изменившиеся условия, и всю первую половину 90-х годов содействие этой категории населения шло в основном «под крылом» административных структур, и лишь со второй половины последнего десятилетия стал формироваться новый (негосударственный) поток пожертвований: АО «Искусственный мех» выделило 10 искусственных шубок для инвалидов Киреевского района; спортивно-оздоровительный клуб «Преодоление» организовал для людей с ограниченными физическими возможностями бесплатные физкультурные занятия и массаж; АО «Овощевод» выделило инвалидам овощи по низкой цене; работники АО «Хлебозавод» и столовой № 5 г. Богородицка организовали для инвалидов Рождественский вечер; Богородицкому отделению Всероссийского общества слепых помогают Богородицкий мясокомбинат и ОАО «Донин-вест»; призы для награждения инвалидов — участников спортивных соревнований выделили АООТ «Универсам» и АОЗТ «Щекинский макаронно-кондитерский комбинат». Продолжают, но уже не так активно и не столь «шумно» функционировать различные фонды, хотя их вклад в благотворительность из года в год снижается. Так, фонд «Милосердие» организует в г. Донском праздники для инвали-

дов. Тульское городское общество матерей с детьми-инвалидами «Свет ты мой» находит себе все больше друзей из негосударственных формирований; АО «Тулабумпром», трикотажное объединение «Заря», фирма «Левша», книжный магазин «Галатея». Экскурсионную поездку группы инвалидов из г. Донского в Оптину Пустынь оплатил «Тулавтотранс». Для Дома инвалидов Щекинское хлебоприемное предприятие на льготных условиях поставляет продукты. 300 инвалидов были обеспечены картофелем благодаря СПК «Пришнинский»; транспорт для доставки овощей предоставила а/к 1810. Инвалиды Великой Отечественной войны г. Донского благодарят СПК «Донской» за безвозмездное выделение картошки. Бесплатную выдачу продуктов инвалидам осуществляла частная фирма предпринимателя В.К. Тимофеева. Большой вклад в дело благотворительности продолжают вносить крупные промышленные предприятия. Например, общество «Милосердие», созданное АК «Тулачермет», ко Дню защиты детей в 1999 г. детям-инвалидам одного из тульских детских домов, кроме подарков, выделило ещё по 150 рублей, а в подшефный Курганский р-н отправило 300 пар детских сапожек для малообеспеченных семей. В специальную коррекционную школу г. Алексина передали подарки ООО «Рябинушка», магазин «Забава», столовая № 1. Предприниматель В.Е. Прудских передал в Узловское отделение фонда «Милосердие» 33 новогодних подарка детям-инвалидам. В г. Богородицке бесплатное питание инвалидам организовал в местной столовой предприниматель Р. Кочетов. Выражается благодарность за финансовую поддержку при подготовке продуктовых наборов для инвалидов г. Алексина фирме «Эрстор», ООО «Алексинский рынок», предпринимателю Ю.Н. Моисееву. Фонд содействия инвалидам «Добродетель — Тула» провел благотворительный бал для детей-инвалидов. Фонд «Милосердие» организовал для детей-инвалидов спортивный праздник «Добродетель». Инвалидам г. Ефремова помогает коллектив элеватора № 2.

Защита прав потребителей общественными организациями в г. Туле

**БУРУХИНА Кристина, ЧЕРНОВА Екатерина,
студентки Тульского филиала Российской
Международной академии туризма**

Руководители: Санькова Валентина Васильевна, доцент, кандидат исторических наук, Ломакина Ольга Валентиновна

Потребности населения в различных товарах и услугах обеспечивает торговля, производители, исполнители работ и услуг. Но в условиях нестабильной рыночной экономики они часто пытаются навязать потребителям выгодные для себя условия приобретения товаров и услуг.

Особую тревогу вызывает то, что значительная часть товаров оказывается низкого качества, а иногда даже опасна для здоровья людей. Именно поэтому каждому потребителю необходима государственная и общественная поддержка.

Цель нашей работы — на основе анализа нормативно-правовых актов и архива Тульского Общества Потребителей охарактеризовать деятельность Тульского Общества Потребителей.

Тульское Общество Потребителей — это первое в городе Туле общество защиты прав потребителей, которое является областным. ТОП действует в Тульской области с 1991 года.

Деятельность этой организации направлена не только на обеспечение соблюдения прав потребителей, но также и на пропаганду роли граждан в становлении гражданского общества, цивилизованного рынка, роли личной ответственности каждого за позитивные социальные перемены без применения насилия. В качестве основных принципов деятельности ТОП провозглашены «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей».

Тульское общество потребителей — это не только независимая общественная организация, объединяющая на добровольных началах отдельных граждан, но и объединение потребителей (союзы, клубы по интересам, по месту жительства или по месту работы и многие другие), образованные в различных районах Тульской области.

Как уже отмечалось выше, Тульское Общество Потребите-

лей осуществляет свою деятельность на всей территории Тульской области.

Наше Тульское общество создаёт и действует на основе добровольности вступления, равноправия членов, самоуправления, законности и гласности.

Президент Международной конфедерации обществ потребителей профессор А.А. Аузан так оценил деятельность потребительского движения в г. Туле: «Считаю ваш город одним из лидирующих городов России по активности потребительского движения. В Туле давно активно действует общественная организация — областное общество потребителей. Сильные обороты в деле набирает городской комитет по защите прав потребителей. И, что особенно отрадно, у вас действует общество по защите прав потребителей, пожалуй, единственное среди соседних регионов»¹.

Тульское общество потребителей часто проводит в г. Туле заседания круглого стола. Участниками этих заседаний являются активисты движения, представители городской, областной администрации, областной Думы. Председатель мероприятия — Г.А. Спасская.

Обсуждаются насущные для туляков проблемы:

- вода как источник инфекции;
 - просвещение населения в сфере потребительских прав через СМИ;
 - проблемы детского питания;
 - проблемы общественных вокзалов и туалетов
- и многие другие.

Тульское общество потребителей также продолжает свою работу в рамках проекта «Сделаем это сами», финансируемого фондом «Евразия».

Раскроем первые шаги проекта, опираясь на интервью с Г.А. Спасской газете «Тульский торговый дом», где она рассказывает о реализации первых этапов: «В рамках проекта «Сделаем это сами» ТОП, прежде всего, провело «круглый стол» с тем, чтобы выяснить, какие проблемы волнуют сегодня потребителей. И поговорить о том, в каких направлениях следует развивать работу тем, кто защищает их права. Ведь на этом собрании присутствовали представители и комитетов по защите прав потребителей, и Тульского антимонопольного управления, и санэпиднадзора, и т.д. А в мае мы организовали и провели два выездных семинара — в Новомосковске и Узловой»².

¹ «Тула Вечерняя» № 49 (1146) от 15 марта 1996 г.

² «Тульский торговый дом» № 24, статья «Сделаем это сами».

Города Узловая и Новомосковск ТОП были выбраны неслучайно: там уже появились лидеры начинающегося потребительского движения, которые сотрудничают с Тульским обществом потребителей. Эти города приезжали на круглый стол, где подали заявки на проведение у них семинаров. Есть желание создать и развивать общественные организации потребителей. Активисты же, в свою очередь, помогали Тульскому обществу потребителей в организации семинаров на местах.

Данные семинары были адресованы, прежде всего, активистам, то есть людям, которые хотят и могут защищать не только свои потребительские права, но и интересы других потребителей в том или ином городе, районе. А самой главной задачей Тульского общества потребителей было помочь им «организоваться».

В своём интервью Г.А. Спасская рассказала, что «тульское общество подготовило для активистов 100-страничное пособие, включающее основные правовые документы по вопросам защиты прав потребителей. Юристы ТОП разработали применительно к условиям тех городов, где мы побывали, документы, необходимые для создания общественной организации потребителей — типовой устав, всё, что нужно для регистрации общества»¹. Кроме того, необходимо заметить, что в собственность инициативных групп потребителей Тульским Обществом Потребителей были переданы мини-библиотечки по правам потребителей, которые планируется пополнять в течение года в связи с постоянными изменениями законодательства. Помимо правовых документов-законов, правил, в эти мини-библиотечки вошли такие издания КонфОП, как: комплект журналов «Спрос» за 1995 год и номера, уже вышедшие в 1996 году, а также книга «Потребитель в законе».

Интересен вопрос, заданный Спасской в том же интервью: а как, или, точнее — где рядовой потребитель сможет ознакомиться с этой литературой. На что Председатель тульского общества потребителей ответила: «Нам бы очень хотелось, чтобы в городах и районах области были созданы информационные «уголки» для потребителей, чтобы передаваемая нами сегодня литература, которая просто необходима потребителям, не канула в Лету. В Новомосковске уже создан такой «уголок» по адресу: ул. Московская, д. 27/21, 2 этаж»².

Также необходимо заметить, что Тульское Общество Потребителей своими силами и с помощью рядовых потребителей

¹ «Тульский Торговый Дом» № 24, статья «Сделаем это сами».

² «Тульский Торговый Дом» № 24, статья «Сделаем это сами».

предлагает во всех городах и районах Тульской области проводить практические семинары в рамках проекта, направленного на развитие общественного движения в защиту прав потребителей на территории Тульской области.

Основными темами данных семинаров являются такие разделы проекта «Сделаем это сами», как:

1. «С чего начать?»: как создать общественное объединение; как выбрать организационно-правовую форму, как написать устав; как зарегистрироваться, и надо ли это делать: цели, задачи. Принципы общественных организаций потребителей, их права и обязанности.

2. «Выживаем вместе»: как собирать средства; как написать заявку на финансовую помощь; фонды, поддерживающие общественные организации, взаимодействие с государственными и местными органами, СМИ.

3. «Учимся применять закон»: новое в законодательстве по защите прав потребителей; правила торгового, бытового и иных видов обслуживания; технологии возмещения ущерба; как написать претензию; как составить исковое заявление; что делать после суда.

Данные семинары рассчитаны примерно на 10 слушателей, все слушатели будут обеспечены информационно-справочной и методической литературой в соответствии с темами.

Слушателями семинаров могут быть активисты не только организаций по защите прав потребителей, но и «соседских» организаций: экологических, женских, местной самоорганизации, а также учителя, библиотекари и другие заинтересованные группы населения.

Расходы на изготовление пособий, оплату ведущих семинаров, транспортные расходы проектная группа ТОП берёт на себя.

Значительная часть современных российских потребителей готова, как и мы, отстаивать свои права или знает, куда обратиться за помощью. Однако знания и уверенность далеко не всегда реализуются на практике. Мотив чаще всего простой: овчинка выделки не стоит.

Галина Александровна Спасская не приемлет пассивного отношения потребителей к своим правам, а потому главной задачей своего общества считает развитие общественной инициативы.

Тульское общество потребителей старается все вопросы решать в досудебном порядке. Но в целом, считает Галина Александровна, «судебных дел по защите прав потребителей стало намного больше, чем несколько лет назад. Люди стали значительно грамотнее, много читают, да и мы свою руку приложили —

печатали в газетах образцы исковых заявлений, претензий. Так что, как говорится, процесс пошёл. А вот шесть лет назад, когда мы выиграли первое дело, это было в новинку»¹.

Первое выигранное дело Тульского общества потребителей состояло в том, что индийский чай, продававшийся в магазине «Восход», имел явно не индийское происхождение. Но дело, конечно, было не в стограммовой пачке непонятно какого чая, а в прецеденте, который создало ТООП.

Были и такие примеры, когда ТООП удавалось доказать, что под видом сливочного масла в магазине «Богатырь» продавали что-то более близкое к маргарину. Судилось ТООП и по неисправным телевизорам и холодильникам, которые магазины отказывались заменить или вернуть деньги.

Г.А. Спасская в своём интервью газете «Пятница & Ко» рассказала исключительный, нестандартный случай в своей практике: «Два года назад помогли возместить моральный ущерб двум гражданам, которых тряхнуло током в троллейбусах. Работники ТТУ доказывали, что если в дождливую погоду вас долбанёт током в троллейбусе — это чуть ли не нормальное явление, так сказать, погодные штучки. Однако после того, как им пришлось выплатить пострадавшим хоть и не очень большие суммы — по 500 тысяч рублей [где-то 500 руб. по результатам деноминации 1998 г. — Ред.] — они изменили свою точку зрения, и в троллейбусах появились таблички с предупреждением по возможности не пользоваться поручнями в ненастную погоду»².

Необходимо отметить ещё одно нестандартное дело, о котором рассказывает Галина Александровна в своём интервью газете «Пятница & Ко»: «Когда молодому человеку, не успевшему попасть в салон (так как джентльмен пропускал вперёд всех женщин, стариков и детей), прищемило руку, он в таком малоприятном положении следовал некоторое время за тронувшейся с места машиной. Пассажиры подняли шум, пожилая женщина-водитель приоткрыла дверцы, надеясь, что «озорник» останется далеко позади, а он втиснулся внутрь салона и направился к ней выяснять отношения. Ну, она и матюкнула его от души по громкоговорителю. Была задействована масса свидетелей, — надо сказать, туляки проявили большую солидарность пострадавшие

¹ «Пятница & Ко» № 5, статья «Нас обманывают до тех пор, пока мы это позволяем».

² Там же.

му. И если бы не возраст женщины, она бы не отделалась лёгким испугом. Конечно, её пожалели, но пострадавшему моральный ущерб возместили»¹.

Г.А. Спасская считает: «Нужно знать свои права и правильно вести себя в конфликтной ситуации. Кроме того, можно обратиться в государственные организации, непосредственной обязанностью которых является защита прав потребителей»².

Одной из основных задач своей деятельности ТОП считает отработку технологий грамотного поведения потребителей при защите своих прав. Используя свои права, каждый может действовать самостоятельно. Но, тем не менее, потребителям нужно объединяться для защиты своих прав.

Также ТОП проводит независимые обследования, вот, например, одно из них, проведённое в 1992 году.

«В результате независимого обследования, проведённого Тульским обществом потребителей с 22 по 26 октября, стоимость потребительской «авоськи» в Туле по средним ценам составила 7300 рублей. Соразмерна ли вышеприведённая цифра с обещанием увеличения пенсии и минимальной заработной платы? И всё же мы умудряемся жить. Опросы различных социальных групп населения нашего города показали:

- 60% отказывают себе в приобретении промышленных товаров, а также почти не покупают дорогостоящих продуктов: сливочного масла, мяса, колбасы, яиц. Говоря иначе, «недоедают» и «донашивают»;
- 15% — благосостояние этой группы секрет, как они сами определили — «коммерческая тайна»;
- 12% имеют заработную плату «на уровне»;
- 10% делают очень маленький бизнес, «приторговывают».

Оставшиеся 3% никаких финансовых затруднений не испытывают, они способны позволить себе полный набор, входящий в потребительскую корзину и даже более того»³.

Председатель Тульского общества потребителей в своём интервью газете отвечает ещё и на такой интересный вопрос: что и как удалось сделать за годы существования ТОП? Так сказать, от чего ушли и к чему пришли? «Ушли мы от повальной безграмотности населения во взаимоотношениях «продавец — покупа-

¹ «Пятница & Ко» № 5, статья «Нас обманывают до тех пор, пока мы это позволяем».

² «Тульский Торговый Дом» № 44, статья «Беззащитен тот, кто не знает свои права».

³ «Авоська» за октябрь 1992 года, результаты независимого обследования.

тель». Конечно, многих из нас и сейчас продолжают водить за нос, но в целом, простите за каламбур, чаша весов заметно поколебалась в сторону уважения интересов потребителя. И произошло это не само собой, а благодаря немалым усилиям, в том числе, надеюсь, и наших активистов. За эти годы мы отработали технологию, как отстаивать наши права. Первичную информацию собирают общественники, следующий этап — получение независимой экспертизы, дальше — обращение с просьбой принять меры в соответствующие органы (стандартизации, санэпиднадзора, в госторгинспекцию и т.д.), органы делают проверки, принимают меры, о чём впоследствии мы информируем население в разных средствах массовой информации — в газетах, на радио и телевидении»¹.

В настоящее время существует школа правовых знаний. Всего двадцать часов занятий в этой школе, и человек может справиться со многими житейскими проблемами, например:

- если мы купили некачественный товар, а продавец не хочет его нам менять, потому что гарантийный срок только закончился;
- нас залили соседи — как себя вести?
- как общаться с ЖЭУ, не портя при этом себе нервы?
- ЖЭУ не хочет менять прохудившийся стояк, а мы при этом заливаем соседей — что делать?
- мы получили производственную травму — как оформляется несчастный случай и что делать, чтобы нас не лишили полагающихся при этом выплат?
- какой способ передачи недвижимости дешевле?
- что нового появилось в наследственном праве? и многое, многое другое.

В простой и доступной форме на примере реальных ситуаций отличные специалисты передают необходимые знания, которые позволяют быть более уверенными в себе, более хладнокровными и помогут защитить свои законные права, права семьи и своих близких, не тратя слишком много здоровья и денег.

В США существует такая организация — Better Business Bureau, что по-русски означает Бюро безупречного бизнеса (БББ).

По данным международной конфедерации обществ потребителей, БББ — это негосударственная, некоммерческая организация, предоставляющая услуги покупателям и производителем.

¹ «Пятница & Ко» № 5, статья «Нас обманывают до тех пор, пока мы это позволяем».

лям. Бюро безупречного бизнеса существует на членские взносы. Члены БББ — компании, отвечающие стандарту безупречного бизнеса, они разделяют принципы деятельности своего Бюро, то есть стремятся к этичному и честному бизнесу, принимают идею добровольного саморегулирования.

Свою миссию Бюро безупречного бизнеса видит во внедрении в реальную рыночную действительность этических отношений между бизнесом и обществом через добровольное саморегулирование, потребительское и профессиональное образование и высокое качество услуг.

В телепрограммах Америки постоянно появляются телепередачи, подготовленные БББ, — это показатель того, что компании, о которых идёт речь в этих передачах, заботятся о своей репутации.

Исследования доказали, что репутация компании является важным фактором, влияющим на принятие покупателем решения о покупке. Статьи в газетах, выступления по радио, подчёркивающие честность, добросовестность компаний-членов БББ, — это потрясающая по своей действенности реклама, причём бесплатная.

БББ издаёт информационные бюллетени для своих членов, предоставляет экспресс-анализ надёжности компаний, списки и истории всех претензий к компаниям со стороны потребителей, когда-либо имевших место; данные о претензиях к компаниям со стороны антимонопольных и налоговых органов. Бюро может оказывать консультационные услуги, причём члены БББ могут получать их бесплатно.

По мнению Г.А. Спасской, «необходимость создания Бюро безупречного бизнеса в Тульской области уже созрела. Такое Бюро помогло бы в удовлетворении претензий потребителей, включая посреднические и арбитражные услуги. Оно может создать систему быстрого и эффективного удовлетворения жалоб потребителей. Бюро распространяло бы точную информацию, необходимую при покупке»¹.

Тогда можно было бы выпускать специальные буклеты с советами потребителям, описывать мошенничества для того, чтобы покупатели учились на чужом опыте, были начеку, не доверяли бы мошенникам.

Несомненно, бюро улучшило бы отношения между честным бизнесменом и потребителями.

¹ «Тульские известия» № 206 от 26 октября 1996 года, статья «Честный бизнесмен... Кто он? Орёл или беззубый волк?».

Исследования, проводимые Тульским обществом потребителей, показывают следующую диалектику развития этой идеи: в 1993 году в результате опроса был сделан вывод: тульские предприниматели идею не воспринимают вообще. В 1994 году начали прислушиваться, но никто в ней не заинтересован. Но в 1995 году оказалось, что некоторые представители тульского бизнеса уже заинтересованы в создании такой системы.

Уже сегодня Тульское общество потребителей имеет сведения о фирмах, которые реагируют на жалобы потребителей, не доводя дело до выяснения отношений в суде. В своих информационных сообщениях в средствах информации мы говорим о них так: «К чести фирмы «Тюльпан» можем сказать, что она удовлетворила претензию потребителя Иванова в добровольном порядке...». Это означает, что с этой фирмой можно иметь дело рядовому покупателю.

«Серьёзная работа в Бюро безупречного бизнеса, — развивает свою мысль Г.А. Спасская, — должна будет проводиться в следующих направлениях: создание кодекса поведения бизнесменов по отношению к потребителям, партнёрам, государству. Отработка механизма соблюдения кодекса — система работы с жалобами потребителей. Досудебное удовлетворение жалоб — дело взаимовыгодное»¹.

Создание информационного центра для бизнеса и потребителей, где будут данные о репутации компаний, об их откликах на жалобы, готовность пойти навстречу клиентам, создание консультационного центра для бизнеса, прежде всего, по вопросам, связанным с законодательством и защите прав потребителей.

Мы считаем, что главным должен быть принцип: честный бизнес выгоден и потребителю, и продавцу — производителю — словом, бизнесмену, ведь защита прав потребителей является насущной проблемой современной эпохи.

¹ «Тульские известия» № 206 от 26 октября 1996 года, статья «Честный бизнесмен... Кто он? Орёл или беззубый волк?».

Нарушение прав человека в СССР (на примере моей семьи)

Даниелян Андроник

Руководитель: Мазур Марина Анатольевна, учитель истории гимназии № 13, г. Алексин

Нынешнее историческое знание мало кого может удовлетворить, и не зря на Западе распространён горький афоризм: «Россия — это единственная страна с непредсказуемым прошлым». Мы очень долго были немые и безгласны. Сейчас же появилась возможность многое узнать.

Репрессии не обошли стороной и нашу семью. С детства я слышал много разговоров о том времени от моего деда. Он, как и многие другие, пострадал от рук тиранов. И мне не хочется, чтобы повторилось то, что пришлось пережить миллионам репрессированных, чтобы повторились те беззакония и вновь разбивались судьбы невинных.

Я провёл анализ, опираясь на совокупность статистических данных и на «живой голос из прошлого» моего деда. Это позволит выявить как основную направленность развития событий в то время, так и ту цену, какую пришлось заплатить тогда советскому народу и за достижения, и за поражения на этом пути — в воспоминаниях непосредственного свидетеля, детство и юность которого пришлось как раз на 40–50-е годы.

30 октября 2002 года общество «Мемориал» пригласило моего деда в Тулу на открытие закладного камня памятника, посвящённого жертвам политических репрессий. Дедушка с бабушкой взяли меня с собой. Всю дорогу я задавал им вопросы, так как многое мне было непонятно. И дед начал вспоминать.

«Родился я 8 июля 1938 года в прекрасном, многонациональном, многоконфессиональном грузинском городе Батуми. Рядом в мире и дружбе жили грузины, русские, армяне, греки, азербайджанцы, курды, ассирийцы и люди других национальностей. Языком общения был русский. В городе существовали грузинская и русская православная церковь, армянская апостольская церковь, греко-католическая церковь. Семья у нас была большая: родители, два брата, сестра и я. Я был самым младшим. Но жили мы бедно».

«Мой отец,— вспоминает дедушка,— Маркарян Каранет

Авакович, служил священником в армянской церкви. Войну я почти не помню, наверное, потому, что в Батуми никогда не велись боевые действия. Но что-то зловещее витало в воздухе, атмосфера была накалена, потому что люди вокруг ходили какие-то задумчивые, хмурые, о чём-то тайно перешёптывались. Это сейчас, по прошествии многих лет, мне понятно, что причиной этому были война и репрессии, которые затронули почти каждую семью. А тогда я бегал, играл, веселился, как ни в чём не бывало.

Очень хорошо мне запомнился день Победы, — со странной улыбкой, тогда мне не совсем понятной, продолжал дедушка. — Мы с друзьями забрались на забор и громко, радостно кричали: «Ура! Победа! Наши победили!». В этот день я испытал такое чувство гордости за свою родину, которое больше никогда не повторилось в моей жизни...

Кончилась война, оставив тяжёлое наследие. Проблема перехода от войны к миру стояла перед каждой семьёй. Взрослые думали, как жить после победы, и многое рисовали в радужном свете, как «жизнь-праздник», «жизнь-сказка». Люди, уставшие от войны, ждали домой с фронта отцов, сыновей, братьев. Мы тоже ждали моего старшего брата Григора, хотя никаких вестей от него не было. Но мать упорно верила, что он жив и обязательно вернётся. И в 1947 году Григор вернулся. Оказалось, что он был в плену, бежал и воевал на стороне французского отряда сопротивления. В 1948 году Григор женился и жил отдельно. В 1950 году, по приказу Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16.08.1941 года, его отдали под трибунал и приговорили к 20-ти годам лишения свободы. Даже несмотря на это, нашу семью уважали и сочувствовали, так как мой отец крестил и венчал большинство жителей города.

В 1945 году я пошёл в армянскую школу, где проучился до 1949 года. С 1947 года я стал замечать, что наш сосед, который являлся заместителем начальника УНКВД г. Батуми, стал часто беседовать с отцом и постоянно о чём-то его расспрашивать. Он предлагал отцу стать агентом-стукачом. Доносчик уговаривал его 2 года и, ничего не добившись, включил нашу семью в список репрессированных...».

После этих слов мой дедушка сделал небольшую паузу, видимо, очень тяжело давались ему воспоминания о безрадостном детстве. Через несколько минут, немного успокоясь, он продолжил свой рассказ:

«Страшную ночь 1949 года я не забуду никогда. 20 июня в 3 часа ночи раздался громкий стук в дверь. Открыл мой отец.

В квартиру ворвались четверо с автоматами и дали нам час на сборы. На вопрос, а как же имущество, ответили, что оно нам больше не понадобится. Погрузив в машину, нас отвезли на товарную станцию и затолкали в телячий вагон. В вагоне, кроме стен и пола, ничего не было. 7 больших семей, старики и дети (самому младшему было 6 месяцев), отправились в неизвестном направлении. Дверь вагона закрыли, оставив маленькую щель. Поезд тронулся. Люди спали сидя. На крупных товарных станциях приносили 2 бачка — с кашей и водой. Стояла невыносимая жара, особенно когда проезжали Казахстан. Дети плакали, хотели есть. Остановки были в степи. Самым неудобным было справлять естественные нужды: здесь же и старики, и женщины, и молодёжь, и дети. Вредный чекист открывал дверь и кричал: «Выходите все под вагоны! Шаг в сторону — расстрел на месте!». В таких ужасных условиях мы двигались 14 суток! Мне было всего 11 лет, и я не понимал, куда и зачем нас везут. Наконец мы прибыли в город Барнаул Алтайского края. Нас погрузили в машины и повезли в село Краюшкино. Всю ночь мы провели под открытым небом. Утром прибыли представители колхозов и велели отправить нас на телегах на заимку (отдалённое маленькое поселение). Ознакомили с постановлением «О правовом положении спецпереселенцев». Нам предписывалось «подчиняться всем распоряжениям спецкомендатуры НКВД». Согласно постановлению, мы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Главы семей или лица, их заменяющие, были обязаны в трёхдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, произошедших в составе семьи (рождение ребёнка, смерть родственника, побег и т.п.).

Поселили нас вместе со всеми семьями в бывший телятник, в нечеловеческие условия, и дали 2 дня на благоустройство. По истечению этого времени взрослые должны были идти в колхоз на работу, а все дети, не достигшие 12 лет, — учиться. Контроль над нами обеспечивали инспектор по спецпереселенцам, его помощник, а правильный учёт — делопроизводители. Мои отец, брат и сестра пошли работать в колхоз. Оплата в колхозе была чисто символическая — работали за «палочки». Мать не работала по состоянию здоровья. Она вязала носки местным жителям, а в знак благодарности они приносили нам взамен парное молоко.

Всем как-то хотелось наладить жизнь, научиться жить по-новому. Ведь надо было жить и жить во что бы то ни стало. Надо было приспособливаться к этой жизни. Другого варианта не было, обстоятельства принимались такими, как они есть, как данность, в которой предстояло жить. Надо было воспринимать окружающий порядок. Взрослые понимали несправедливость происходящего и безысходность попыток изменить этот порядок, не зависящий от собственной воли, стремлений и желаний.

Местное население относилось к нам — спецпереселенцам — сначала враждебно, настороженно, на нас смотрели «волком». Но познакоившись и пообщавшись с нами, они переменили своё отношение. Ведь нам выдавалась похлёбка из картошки и хлеба, а дневная норма хлеба, который можно было съесть только закрыв глаза, составляла 900 граммов и съедалась мной за раз».

Мне очень больно было слышать продолжение горьких воспоминаний моего дедушки, но отвлечься я никак не мог. И я продолжил слушать дальше.

«Учился я в селе Краюшкино ещё с 6-ми детьми «врагов народа». В армянской школе в Батуми я окончил 4 класса, а здесь меня отправили во второй. Все предметы вёл один учитель. А летом меня обязали работать в колхозе: от зари до зари я возил волокуши и зерно.

В 1951 году умер мой отец, не выдержав такого позора и унижения (остановилось сердце)...

Похоронили его в селе Краюшкино.

С годами полулагерное положение спецпереселенцев во многом переменилось. Жизнь тех, кто уцелел в водовороте первых лет ссылки, протекала обычным «нелегальным» образом.

В 1953 году мы переехали в райцентр, купили ветхую хату. Днём я работал, а вечером учился в вечерней школе. Без особых проблем я устроился на работу в «Промкомбинат»: развозил на лошадях дрова. Однажды со мной произошёл довольно интересный случай. Возвращаясь из леса с охапкой дров, я наткнулся на небольшую стаю волков. Не знаю, что бы я делал, не будь у меня спичек. Не растерявшись, я поджёг сено, и волки разбежались. Учился я неплохо, несмотря на все трудности. В 1954 году я получил аттестат о семилетнем образовании.

После смерти Сталина наше положение, как и обстановка в стране, относительно улучшилось. Поняв, что второй молодости у меня не будет, я стал ходить с друзьями в кино, на танцы.

В 1955 году Н.С. Хрущёв издал указ об освобождении репрессированных детей. В этом списке оказался и я. А в 1956 году реабилитировали и всю мою семью.

Долгожданная свобода! Все эти годы я мечтал о родных местах: море, солнце, зелень и фрукты. Даже продав хату, денег на билеты до Батуми не хватило. Мне пришлось ехать «зайцем» на третьей полке в поезде, где таких, как мы, было очень много.

В Батуми нас встретил старший брат, которого освободили из Руставской тюрьмы в 1955 году. Без паспорта, денег и крыши над головой началась моя новая свободная жизнь. На работу брали неохотно, задавали вопрос: «Зачем приехали? Откуда приехали, туда и уезжайте». Устроился я на временную работу в «Цитрускомбинат». Уже через шесть месяцев пришла повестка в военкомат».

И тут опять дедушка замолкает. Да, наверное, опять все его детские годы промелькнули у него перед глазами. Немного отдохлавшись и успокоившись, он продолжал.

«Я честно отслужил три года в закрытом тогда городе Снежинске, где сейчас лежит самая большая водородная бомба. Демобилизовавшись, я вернулся в родной Батуми, устроился на работу. Мы по-прежнему жили на съёмной квартире.

По закону, реабилитированные граждане имеют право на первоочерёдное получение жилья, если они нуждаются в улучшении жилищных условий. В армии я писал письмо маршалу Малиновскому о предоставлении квартиры моей семье, но ответа не получил. Тогда я написал Н.С. Хрущёву, и только в 1961 году нам вручили ордер на однокомнатную квартиру. А в 1962-м я женился. Вырастил двух дочерей, трёх внуков и внучку».

За годы советской власти десятки миллионов людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подвергались репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам. Реакцией на многолетний террор должно быть восстановление справедливости в отношении всех их прав, преодоление последствий преступлений власти, виновной в геноциде, покаяние перед жертвами коммунистического режима. Каждому уцелевшему, его семье от имени государства следует принести извинения за все муки, что им пришлось претерпеть. Реабилитация — это нравственный и правовой долг общества и государства, если они не утратили чувства самосохранения. Именно с таких позиций хотелось бы осмыслить следующую формулу:

«Скорейшее преодоление последствий беззаконий, полити-

ческих преступлений на почве злоупотребления властью необходимо всем нам, всему обществу, вставшему на путь морального возрождения, демократии и законности».

Долгие годы люди жили оболганными и задавленными. Выжившим реабилитация принесла немало счастливых минут. Но при этом вряд ли можно забывать, что и массовые репрессии, и реабилитация проводились под руководством одной и той же партии. Отсюда во многих случаях святое дело восстановления справедливости оказалось испорченным коммунистической идеологией, произволом и ложью правителей.

8 сентября 1955 года Совет Министров СССР принял постановление «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлечённых к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных». Этим постановлением предусмотрены выплата реабилитированным двухмесячной зарплаты по последнему месту работы, предоставление жилплощади в первоочередном порядке, включение времени нахождения в местах заключения в трудовой стаж. Государство в прямом смысле слова в долгу перед теми, кто бесплатно проработал десять и более лет в шахтах, на лесоповале, на рудниках, стройках, получая за каторжный труд лишь надругательства, «вонючую баланду». Государство обязано проявить заботу о жертвах террора, причём безотлагательно: число живых катастрофически сокращается. В 1990 году в живых из них остался каждый десятый, так что 90% граждан реабилитировано посмертно.

Нам надо учиться различать ужасы прошлого в дне сегодняшнем, завтрашнем, различать и противостоять им. Память о жертвах — это постоянный наш ужас перед тем, что сделали с живыми, и наша память и тревога, чтобы такое не повторилось.

Конечно, мне в мои неполные пятнадцать лет делать какие-то выводы о политике нашего государства в те далёкие 40–50-е годы очень тяжело. Ведь личного опыта у меня, собственно говоря, никакого пока ещё нет. Но прослушав воспоминания своего дедушки, увидев фотографии его далёкого, «страшного» детства и обратив внимание на его глаза, полные слёз от тяжёлых воспоминаний, я понял самое главное: я не имею права молчать, я должен что-то делать, чтобы хоть как-то помочь сделать жизнь лучше, спокойнее не только для моего дедушки, но и для всех, таких же, как он — прошедших через все муки ада, страдавших, но не разуверившихся в справедливости людей. И пусть эта моя работа будет небольшой данью памяти моему дедушке, мемориалом его стойкости, мужества и человечности.

Фильтрационный лагерь: история и современность

МЕСИТОВ Никита,
10 класс Тульской Православной
классической гимназии

*Руководитель: Погарин Павел Валентинович, преподаватель истории
Тульской Православной классической гимназии*

Введение

Моя работа посвящена изучению истории одного лагеря, входившего в систему бесправия под названием ГУЛАГ НКВД СССР. Основой исследования стали архивные документы «Проверочно-фильтрационного лагеря № 0308». До сего дня они были не востребованы современными исследователями и мне кажется, что несмотря на прошедшие десятилетия, для всего российского общества — это новая тема, тема неизведанная и неизученная. Это — горячая тема, ведь не должны эти материалы так и пылиться на полках, никому не нужные и не востребованные обществом. Эта тема поможет узнать всю правду о жизни в таких вот лагерях в военное лихолетье. О том, как все и было, о том, что действительно ли там устраивались праздники труда и строились светлые планы о будущем, или же заключенным нечего было одеть, по лагерю ходили эпидемии и вокруг царила всеобщая антисанитария?

Я думаю, что эта тема позволит разобраться в том, что творится в подобных проверочно-фильтрационных пунктах, возникших спустя полвека на территории Северного Кавказа. Поныть, что нарушение прав и свобод человека на территории многогосударственной Чечни имеет давние корни, уходящие в самый настоящий советский тоталитаризм военной поры. Те нововведения, которые практикуют федералы по отношению к узникам современных «фильтров» были придуманы не ими, а энкаведешниками в 1941–1945 гг. глумившимися над спецконтингентом, помещенным в проверочно — фильтрационные лагеря ГУЛАГа.

А еще для меня история ПФЛ № 0308, существовавшего в 1944–1946 гг. на территории Тульского края, стала обратной стороной войны, темной и очень неприглядной. Думаю, что сегодня многим людям в нашем российском обществе, в преддверии 60-летия победы в Великой Отечественной и Второй мировой

войне, не хотелось бы вспоминать, что в глубоком тылу советской армии был ГУЛАГ и были проверочно-фильтрационные лагеря, была рабская сила под названием «спецконтингент», строившая шахты, комбинаты, заводы и фабрики. Получается очень неудобная картина войны, ломающая привычное отношение к войне: «плохие — фашисты, хорошие — наши». Оказалось, что и «наши» были разными. Были палачи и были жертвы. В целом же советский народ оказался заложником войны, победителем на правах побежденных.

Моя работа посвящена войне и судьбам людей, переживших войну. Но во многом эта работа посвящена людям, оказавшимся в самом бесправном положении в 1941–1945 гг., потому что государство сделало их изменниками и потенциальными врагами, пытаясь переложить с тоталитарного режима вину за поражения и колоссальные потери войне на плечи советских граждан. Героев моей работы объединяет одна судьба, которая привела их в концентрационный лагерь на Тульской земле.

В теме моей работы соединились и политические репрессии, и война, потому что две эти линии постоянно переплетались в истории нашего общества, семей, в истории каждого человека.

Как создавался фильтрационный лагерь в Туле

Лагерь был создан в 1944 году, но первые лаготделения появились в конце 1943 г., и довольно быстро развивался. На основании архивных документов можно установить, что к 1 февраля 1945 г. насчитывалось десять лагерных подразделений (№№ 18, 8, 10, 12, 15, 19, 24, 25, 30, 14). При спецлагере функционировали центральный лазарет, зубной кабинет и аптека. Центр лагеря находился в городе Туле (18 лагерное отделение). Лагерные отделения находились от центра (Управления) на расстоянии от 12 до 72 км. Всего спецконтингента в лагере было 7157 человек, и из них всего 12 — женщин.

Основным видом производимых работ была работа в шахтах по добыче угля. Лаготделения располагались от шахт на расстоянии от 150 м до 2 км. Работа велась по 8 часов в три смены. Жилье было незамысловатым: 21 барак и 17 землянок.

К концу февраля в ПФЛ находятся уже 8563 человека, из них женщин — 357 человек, детей — 10. Лаготделение № 18 было единственным строительным подразделением ПФЛ и одновременно являлось пересыльным пунктом.

Численность спецконтингента постоянно изменялась — то возрастала, то убывала. В марте 1945 г. наметилась тенденция к снижению числа заключенных (7969 чел., из них женщин —

287, детей — 20). В этот же месяц ликвидировали 30 лаготделений в районе «Болоховуголь». (30 км от Тулы — Н.М.) В апреле в лагере содержалось 7650 человек, женщин — 31, детей — 7. В мае — 7531 человек, женщин — 7, детей — 10. Размещались люди в 18 бараках, 17 землянках, 15 палатках.

В июне 1945 г. насчитывалось 9 лагподразделений с общей численностью 9330 человек, из них 10 женщин. Это был своеобразный апогей в истории ПФЛ и как ни странно он приходится на июнь 1945 г. Возможно, освобождение западных территорий приводит к увеличению числа лиц, которых стоило «проверить» и «отфильтровать». Но естественно, этот факт не может не вызывать удивления: ведь война подходила к концу!

Осенние и зимние месяцы 1945 и 1946 гг. в лагере выдались нелегкими, что соответственно отразилось на численности обитателей концлагеря: сокращаются лагерные отделения и уменьшается количество заключенных. В октябре было 5 лагерных отделений (6247 человек), которые обитали в 47 утепленных деревянных палатках, 14 землянках, 7 бараках каркасно-засыпного типа. В ноябре-декабре происходит сокращение лаготделений с 5 до 3.

Землянки, бараки, палатки... а можно ли было жить в таких условиях? Что же на самом деле представлял из себя проверочно-фильтрационный лагерь № 0308?

О том, что Тульский ПФЛ был самым настоящим концлагерем говорят обнаруженные документы. Пятого ноября 1945 года начальник Санитарного отделения лагеря, капитан медицинской службы Токарева сообщает начальнику лагеря полковнику Ходасу об ужасающем санитарном состоянии двух лаготделений — одиннадцатого и двадцать четвертого:

«Лагерное отделение (одиннадцатое — Н.М.) состоит из двух зон. Территория обеих зон из-за отсутствия твердого покрытия крайне загрязнена. Спецконтингент грязь с территории заносит в общежития (палатки и землянки), которые из-за резкого недостатка воды не моются. Спецконтингент в течении последних 2-х месяцев в бане не мылся, стрижка волос не производилась в течении последних двух месяцев — почти все найдены заросшими и грязными... Все лично мною проверенные на вшивость в выборочном порядке оказались массово завшивленными... Из-за завшивленности и загрязненности спецконтингент поражен в значительном количестве кожными заболеваниями, что ведет к его ослаблению и потери трудового фонда.

Мною было проверено питание. Во время пробы 3 ноября в завтрак установлено, что пища была приготовлена плохо, а

именно суп приготовлен из неочищенной и частично гнилой картошки и поэтому имел кисло гнилостный запах и был крайне неприятным на вкус.

[...] На лагерном отделении очень много больных (до 40 человек), точное количество выявить не представилось возможным, (т.к. они помимо стационара находились непосредственно в бараках и не были учтены).

Несмотря на такое количество тяжелых больных и отсутствия возможности лечить их в условиях лаготделения больные в центральный лазарет лагеря не доставляются».

Такая же картина наблюдалась и на двадцать четвертом лаготделении. Здесь, правда, была баня и две дезкамеры, но несмотря на это спецконтингент был массово завшивлен и не пострижен. Лагерный врач Токарева отмечала в своем рапорте, что медицинская работа находится на неудовлетворительном уровне. Это проявлялось в том, что больные не выявляются, их никто не госпитализирует. Из 137 человек, находившихся в оздоровительной команде, большинство (дистрофики) нуждалось в немедленном помещении в лагерный лазарет, потому что иначе они могли умереть.

Таким образом, ПФЛ № 0308 — типичный образец советской карательной системы, где господствовали грязь, вши, массовые заболевания, питание гнилыми продуктами. Я думаю, что именно такие жуткие условия существования приводили к уменьшению численности обитателей лагеря, способствовали превращению здоровых людей в неизлечимо больных «доходяг».

По рассмотренным данным можно сделать также вывод, что численность ПФЛ непосредственно зависела от событий на Восточном фронте: он пополнялся по мере продвижения советских войск на Запад. Можно также установить, что заключенные лагеря в течение 1944–1946 гг. использовались на самых тяжелых работах. Лагерь состоял из отделений, многие из которых располагались далеко от Тулы. Таким образом, ПФЛ № 0308 не только входил в обширную империю ГУЛАГа, но и являлся своеобразным «государством» на территории Тульской области, жителям которого запрещалось вступать в контакты со свободным населением нашего края. «Столицей» этого государства являлось лаготделение № 18, размещавшееся в Туле. Конечно, большинство обитателей ПФЛ составляли бывшие военнопленные, оказавшиеся в немецком или финском плену.

Интересно, что в состав спецконтингента входили также женщины и дети, особенно много их находилось в лагере в феврале 1945 г. — 357 человек. Возможно, это были жительницы

оккупированных территорий, заподозренные в связях с немцами, или советские женщины, служившие в частях Красной Армии и попавшие в плен.

Помимо них в лагерном отделении 12 (село Бегичево под Богородицком) содержались крымские татары. Крымские татары составляли также основу 11 и 25 лаготделений. Были также представители мирного, гражданского населения, пережившего оккупацию.

«Политико-моральное состояние спецконтингента в основном здоровое...»

Обитатели ПФЛ № 0308 находились под жестким идеологическим контролем, так как по мнению лагерного начальства должны были искупить свою вину перед Родиной бескорыстным трудом и преданностью политике партии и правительства, а для этого они должны были стать настоящими советскими гражданами. Основной задачей лагерных «воспитателей» являлось оздоровление политико-морального состояния заключенных, искоренение пораженческих и антисоветских настроений среди спецконтингента. Этому направлению в работе личного состава, то есть охраны, уделялось наибольшее значение:

Из отчета о проделанной политико-воспитательной работе по лаготделению № 8 за июнь 1944 г. со спецконтингентом:

«Политико-воспитательная работа со с/контингентом лаг. отделения проводилась вокруг вопросов выполнения плана по добыче угля, освоения производства вновь прибывшим составом, развития соцсоревнования и стахановского движения...»

Каким же на самом деле было «политико-моральное состояние спецконтингента», находящегося в проверочно-фильтрационном лагере № 0308, в годы Великой Отечественной войны?

Ежеквартальные отчеты и доклады о политико-моральном состоянии и трудовой дисциплине среди бывших военнопленных или спецконтингента, исправно предоставляемые начальниками лаготделений начальнику лагеря полковнику Ходасу помогли мне ответить на этот вопрос.

Прежде всего хотелось бы рассказать о той идеологической обработке, которой подвергались заключенные лагеря.

Главное место в этом процессе занимало изучение произведений Сталина. Всех заключенных обязывали изучить его книгу о Великой Отечественной войне, а также доклад «отца народов» к 26 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции от 6.XI.1943 г. и непременно историческое «выступление по радио т. Сталина 3.VII.41 г.». Но первостепенное значение зани-

мало все-таки использование лагерными пропагандистами книги Сталина:

«В помощь углубленному изучению книги тов. Сталина, для всего коллектива б. военнослужащих, проведены доклады, беседы, лекции, политинформации и т.д., как-то: докладов за этот период проведено 4».

Для «промыывания мозгов» заключенных использовались и массовые мероприятия, прежде всего — митинги. Тематика митингов за колючей проволокой была самой разнообразной. Например, «26 годовщина Великой Октябрьской Революции», «20 лет без Ленина под водительством т. Сталина по Ленинскому пути», «26 годовщина РККА», «Год коренного перелома в ходе войны». Восемь митингов за квартал было проведено на тему освобождения советских городов от немецко-фашистских оккупантов.

Очень популярной формой работы со спецконтингентом были беседы на историко-патриотические темы, в том числе о Великой Французской революции, 9 января 1905 г., а также политинформации, беседы, читки газет.

В перевоспитании спецконтингента немалое значение руководство ПФЛ уделяло и так называемому творчеству заключенных. Например, на лаготделении № 8 в июне 1944 г. создавались кружки самодеятельности: музыкальный, хоровой и драматический, *«силами которых подготовлено и проведено три концерта, которые имели немалый успех в организации и воспитании с/к».*

В своих квартальных отчетах лагерные начальники пытались показать, что жизнь в лагерных отделениях ничем не отличалась от жизни на воле. Также демонстрируются популярные кинокартины о прославленных революционерах и народных героях или комедии, ставятся сценки и спектакли лагерной самодеятельности. Но я думаю, руководство ГУЛАГа не стремилось разнообразить жизнь заключенных, а только использовало всевозможные методы для воспитания спецконтингента в советском духе, в том числе кино и театр, самодеятельность.

Другой особенностью идеологической обработки спецконтингента стала организация социалистического соревнования и стахановского движения на всех лаготделениях, прежде всего между бригадами, задействованными на строительстве шахт и добыче угля. В начале 1944 г. заключенными лаготделения № 18 были взяты обязательства: апрельский производственный план выполнить к 28. IV. 44 г. на 120%, довести зарплату рабо-

чего не ниже 18 рублей на рабочего в день. По этим же вопросам вызвали на соревнование 24 лагерное отделение.

Участие в социалистическом соревновании было признаком здорового политико-морального состояния спецконтингента той или иной зоны. Например, о настроениях среди бывших военнослужащих находящихся на 30 лаготделении (находилось в районе поселка Болохово, 30 км от Тулы) осенью-зимой 1944 г. в документах говорится так:

«Все б. военнослужащие за исключением нескольких лиц активно участвуют во всех проводимых политических мероприятиях, и политико-моральное состояние б. военнослужащих в основном здоровое. 80% всего контингента охвачено социалистическим соревнованием, а угольная группа охвачена соцсоревнованием на 100%...».

Лагерное начальство в воспитательной работе делает ставку на стахановцев из числа спецконтингента, так называемых «лучших людей», которые «систематически перевыполняют индивидуально свои производственные задания» на 175–120%. Например, на лагерном отделении № 18 рост во втором квартале 1944 г. пополняются ряды стахановцев:

«Количество стахановцев в апреле месяце было — 323 человека, а в мае — 337 человек. Лучшие люди стахановцы лагеря — Бубликов, Кочетников, Шолохов, Блохин и Любимов, которые систематически повышают производительность труда от 125% до 150%».

«Лучших людей» стараются выделить и примерно поощрить:

«Лучшим людям, работающим честно и добросовестно, выдавалось лучшее белье, обмундирование, обувь и постельные принадлежности».

Необходимо отметить, что лучшие люди л/отд. из б/ военнослужащих, выполняющие и перевыполняющие производственные задания нами были отмечены на вечере трудовых 5 февраля 1944 г., на котором для 29 человек был устроен в клубе при торжественной обстановке, улучшенный обед, с выдачей по 200 граммов водки каждому.

Кроме того, лучшие люди спецконтингента систематически получали непосредственно на шахтах дополнительное питание, водку...». Кроме водки и дополнительного пайка лагерное начальство поощряло передовиков одеждой:

«За хорошие показатели в добыче угля 20 человек премированы хорошей спецодеждой».

Основная же масса заключенных, не получившая «хорошей

спецодежды», ремонтировала то, что носила. Однако и это не спасало от холодов и непогоды. Нательное белье и зимняя одежда отсутствовали. Также не было верхней одежды, брюк, гимнастерок. Рабочие были вынуждены ложиться в постель в том, в чем работали в шахте и вся полученная ими когда-то чистая постель уже загрязнилась.

Нерегулярное снабжение мылом приводило к тому, что рабочие не могли помыться, выйдя из шахты. Шахта положенных 0,4 кг мыла рабочим не выдавала. Подобная же картина наблюдалась на 30 и 9 лаготделениях.

На лаготделении № 24 осенью-зимой 1944 г. (численность спецконтингента — 2059 человек, из них 227 гражданских) вся политмассовая работа проходила под лозунгом «Дать больше стране угля!» и воспитать из с/к патриотов угольного фронта:

«...прорабатывая телеграмму товарища Сталина тресту Скуратовуголь шахтеры дали обещание работать еще лучше и дать стране еще больше угля. Шахтер Ханычев заявил, что на заботу вождя о нас я буду работать еще лучше, чем прежде.

На митинге коллектива шахты № 7, посвященного обсуждению телеграммы т. Сталина, стахановец Задирко заявил, что он как горный мастер, будет работать еще лучше.»

При этом обувь отсутствовала и ее часто приходилось снимать с выходных рабочих и обувать тех заключенных, которым не в чем было идти в шахту. Отрицательным «производственно-бытовым явлением» назывался невыход на работу по незначительным причинам:

«...под видом болезни, хотя болезни никакой нет. Под видом отсутствия обуви, хотя обувь есть...»

Так лагерные начальники хотели оправдать бедственное положение заключенных, зависящее от них.

Однако в некоторых документах можно узнать немного больше о суровых испытаниях, выпавших на долю заключенных лагеря. Об этом говорят следующие факты:

«Многие рабочие сознавая ответственность и долг перед родиной зачастую идут на работу в изорванной обуви, что бы не допускать прогулов, простуживаются и болеют (до 50 человек в сутки — Н.М.).

Не все рабочие имеют спецовку, а у некоторых одежда настолько дряхлая, что никак не защищает от холода.

Белье рабочие почти не имеют, а те кто частично имеет белье оно не стирано 6–8 месяцев из-за отсутствия смены и представляет засаленную клеенку».

В этом проявлялась обратная сторона патриотического воспитания в условиях концлагеря.

На мой взгляд, люди, заключенные в проверочно-фильтрационный лагерь, имели небольшой выбор. Они могли или ударно работать в надежде получить дополнительную пайку, одежду, а соответственно выжить и вернуться домой. Или же они могли сопротивляться, отстаивать свои права, что грозило карцером, переводом на тяжелые работы (допустим, на удаленные от лаготделений шахты, к тому же и затопленные водой). В дальнейшем подобное поведение приводило к дистрофии и неминуемой гибели. Получалось, что выбирать спецконтингенту особенно не приходилось. Так и пополнялись ряды «стахановцев» и «лучших людей».

Понятно, что руководить голодными и измученными людьми было несложно, зная механизмы воздействия на заключенных. В инструкции начальника лагеря своим подчиненным даются следующие практические советы:

«Промышленные товары, дополнительное питание, водка, дополнительный сухой паек по приказу начальника комбината «Тулауголь» № 56 в руках умелого руководителя — начальника лаготделения — это рычаги для воспитания людей в духе стахановского труда, для оздоровления контингента и, конечно, в свою очередь для выполнения плана добычи или строительства».

Чем же оборачивалось «оздоровление контингента»?

Обратной стороной мифа о передовиках лагерного труда становились следующие случаи:

«Благодаря бесконтрольности и отсутствию порядка, стахановцы, получающие вино, напиваются пьяными, устраивают дебоши. В результате — карцер».

В этом же документе (начало 1945 г.) сообщается о повальном пьянстве не только среди лагерной «элиты», но и личного состава, который к тому же скупал водку у стахановцев. В лагере процветало воровство и хищения промышленных товаров, продуктов питания, что потребовало от командования лагерем № 0308 ужесточения режима.

Одним из вариантов воспитательного воздействия являлось участие заключенных в подписке на государственные займы. Из курса «Истории Отечества» я узнал, что советское государство прибегало к подобному способу выкачивания денег из населения в самые трудные минуты своего существования, например, в период индустриализации или Великой Отечественной войны. Все граждане, разделявшие политику партии и правительства обяза-

ны были подписаться на государственный займ, в том числе и спецконтингент.

Спецконтингент тоже получал зарплату за свой каторжный труд на строительстве шахт или добыче угля.

В 3 квартале 1944 г. проводилась кампания по сбору средств в фонд помощи детям фронтовиков и подписка на 3-й военный заем, носившая «добровольный» характер:

«Все б/военнослужащие (30 лаготделения — Н.М.) отзываются на проводимые партией и правительством мероприятия активным действием и участием. Проводимый сбор денежных средств в фонд помощи детям фронтовиков (до 7000 руб.) показал хорошее идейно-политическое настроение коллектива. Сообщение по радио постановления правительства о выпуске 3-го военного займа было встречено всеобщим одобрением... Подпиской охвачено 100% с/контингента, наличными внесено 12850 рублей, всего на сумму 47000 рублей...»

По моему мнению, лишая людей заработанных денег, лагерное начальство окончательно переводило их на положение рабов. Бывали случаи, когда заключенные не желали отдавать свою зарплату и выражали недовольство. Это квалифицировалось как «отрицательные политические проявления».

Так, двое бывших военнопленных отказались от приобретения билетов 4-й денежно-вещевой лотереи. Один из них заявил: «Ну его (выругался матом), кто выдумал эти лотереи», не взял деньги, хлопнул дверью и вышел вон». Другой «...швырнул на стол все деньги в сумме 596 рублей, выругался матом, вышел из комнаты и хлопнул дверью». После длительной беседы оба с контрразведчиком «дали слово, что не допустят такой ошибки, и тут же после беседы получили зарплату...» После чего приобрели билеты на 50 рублей каждый.

Кстати, расспросив знакомых бабушек и дедушек, я узнал, что в годы войны на тысячу рублей можно было купить всего две буханки хлеба. В их памяти война запомнилась этим. Поэтому на те деньги, которые получали бывшие военнопленные, ничего нельзя было купить.

Люди, побывавшие на оккупированной территории, как например, уроженец Курской области Мартынец при немцах работавший сторожем склада в лесхозе, говорил так:

«При советской власти, когда проводят подписку на заем, то берут за горло». Когда проводят собрание, а ты будешь голосовать против, то тебя сразу заберут в НКВД. При немцах ничего этого не было. (Мартынец прибыл в лаг. отд. 12.11.44 г.)».

Идеологическая обработка давала свои результаты. Очень

часто в отчетах и докладах начальников лагерных отделений встречались такие характеристики настроений обитателей ПФЛ:

«Политико-моральное состояние спецконтингента в основном хорошее. Большинство лиц из числа спецконтингента не проявляют никакой политической деятельности, живут замкнуто, а некоторые проявляют ненависть к немецкому фашизму, стараются исправить свое темное прошлое производственной работой и вступить снова в ряды Красной Армии».

Возможно, что желание большинства спецконтингента поскорей попасть на фронт объясняется невыносимостью лагерных условий существования, надеждой на то, что на фронте будет легче.

Однако попадались заключенные с «низким политическим уровнем», которые не хотели на фронт и портили благополучную картину квартальных отчетов:

«Политико-моральное состояние среди основной массы спецконтингента здоровое, антисоветских выступлений не было. На общем собрании при обсуждении обращения коллектива з-да и.м. тов. Сталина с воодушевлением приняли на себе обязательство выполнить план к 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции выше на 120%... Но среди лучших есть в лагере люди и отставшие с низким политическим уровнем, высказывают недовольство лагерным режимом, почему они находятся в лагере, такие лагеря они видели у немцев, а почему в СССР имеются такие лагеря и т.д.»

Жизнь в советском концлагере в годы войны была настолько тяжела (болезни, вши, голод, клопы, непосильный труд, издевательства вахтеров и комендантов), что бывшие военнослужащие естественно сравнивали ПФЛ с немецким пленом и приходили к выводу, что, во-первых, такие лагеря они встречали у врага, а во-вторых, у немцев жилось легче.

Так двое заключенных, еврей и русский, не выполнили нормы на рытье котлована и *«там же в группе других рабочих из спецконтингента заявили: «Нормы не выполнили», восхваляя фашизм, выражаясь: «У немцев легче было работать за 100 гр. хлеба, чем в Советском Союзе за 600 гр.»*

От своих слов во время беседы не отказались, за что получили по 10 суток строгого ареста.

Содержание в ПФЛ № 0308 было бессрочным. Спецконтингент находился в нем «до конца проверки», используя как дешевая рабочая сила на объектах ГУЛАГа. При этом от заключен-

ных требовали соблюдения воинской дисциплины, как обычных военнослужащих:

«...на замечание коменданта Рождественского о необходимости б/военнослужащим приветствовать офицерский состав Явников Иван Яковлевич 1911 г. рожд., 4 класс образования заявил: «почему вы от нас требуете по уставу дисциплину; ведь мы кто такие? тюремщики! преступники!, без формы и выправки... какие мы тов., разве товарищей водят под штыком? Я больше этим разговорам не верю, уже год и нас до сих пор не проверили. Разве за этот период нельзя было проверить, а не водить нас как преступников?»

В 19 лаготделении (из 807 заключенных 735 человека были гражданскими) недовольство проверкой осенью-зимой 1944 г. носило массовый характер:

«Имели место случаи массового проявления недовольства содержанием в лагере, тем более со стороны спецконтингента, содержащегося по году и больше... причем, со стороны лиц, занимающих руководящие должности как в шахте, так и в лаготделении...»

В документе говорится, что 63 человека в разговорах не скрывали неудовольствия по поводу сроков нахождения в лагере. В числе их был начальник корпуса Морозов Владимир Федотович (беспартийный, из Ленинграда), содержащийся в лагере с апреля 1943 г. В лагере он исполнял обязанности начальника корпуса. 23 октября 1944 г. будучи пьяным разломал нары, а когда его начали успокаивать, заявил: «За что меня мучают в лагере уже два года». Такого рода заявления были и со стороны горных мастеров.

Таким образом, в лагере находилось немало заключенных, которые не скрывали своего недовольства длительной проверкой и изнурительным трудом, но *«С этими людьми принимались надлежащие меры, беседовали и проверялись в течение долгого времени»*

Недовольство лагерным режимом вырасталось, прежде всего, из нечеловеческих условий жизни. Отсутствие одежды (одежда превратилась в тряпки), завшивленность, скученность, спецконтингент спит на полу и на нарах — все это не вселяло уверенности в обитателей лагеря, что они доживут до конца войны.

Вот как начальник лаготделения № 25 характеризовал реальные настроения заключенных своей зоны (1944 г.):

«...отмечается большое недовольство на отсутствие белья, портянок, постельных принадлежностей и т.д. ...Наряду с этим отмечалось также недовольство и на длительный про-

цесс спецпроверки, так как по выражению большинства спецконтингента, хождение под конвоем на работу и даже в столовую отражается на моральном состоянии».

Таким образом, политико-моральное состояние спецконтингента не было на должной высоте, хотя все наружные стены корпусов были расписаны политическими лозунгами, призывами производственного характера, плакатами на злобу дня и карикатурами. Один военнослужащий предложил товарищам нарисовать на одной стене Серп и Молот, а на другой голод, за что был вызван к контрразведчику.

Изучая документы, я увидел как рушатся мифы о Великой Отечественной войне. Например, что все советские люди, включая заключенных ГУЛАГа (в том числе узников проверочно-фильтрационных лагерей) рвались на фронт «добить и уничтожить врага», хотя советская пропаганда старалась заставить бывших военнопленных чувствовать себя виноватыми перед родиной, стремиться искупить свою вину или на каторжных работах, или на фронте:

«Латышев Александр Васильевич, 1919 г. рожд., уроженец Воронежской области, сержант, 5 классов образования, сказал: Скоро мы пойдем на мясорубку, уже с Косой Горы 24 л/отд, взяли 200 человек, вот так и нас заберут, переоденут, винтовку в зубы и на фронт, на передовую, в запечатанных вагонах, а там известно, как с «нашим братом» поступят, заставят, штурмовать идти прямо в огонь, а сзади будут контролировать, попробуешь отстать пулю в лоб получишь!»

Страх перед войной, перед возможностью снова попасть на передовую в качестве «пушечного мяса» сочетался с недоверием к официальной информации о положении на фронте.

Многие из числа спецконтингента, увидев войну собственными глазами, очень критически оценивали то, что передавало Совинформбюро:

«30-5-44 г. б/военнослужащий Горбачев Петр во время чтения газеты «Правда» — где была опубликована сводка Совинформбюро, о взятии нашими войсками больших трофеев, говорил, что это все не правда и наша печать врет и преувеличивает настоящее количество.»

Также бывшие солдаты РККА задавались вопросом: что это война без пленных? Многие из них вспоминали тяжелое начало войны — 1941 г.:

«...Нам разъяснили, что в плен сдаваться нельзя, а надо стреляться, а сами «В» повыдвигались. Генерал армии Малиновский это я хорошо знаю под Харьковом в 1941 г. около 85

*тысяч нашего «брата» сдал немцам, а сейчас, видишь, команду-
ющий армией. А нас дураков сюда собрали и держат за проволо-
кой, сказали бы, в чем мы виноваты...».*

На 12 лаготделении находились б/военнослужащие, нахо-
дившиеся в плену в Финляндии. Для того, чтобы приукрасить
картину квартальных отчетов командование зоны решило ис-
пользовать для этого настроения этой группы:

*«По возвращении из финского плена бывшие военнослужа-
щие полные благодарности Красной Армии, освободившей их от
финских издевательств и полные любви в своей родине, рабоче-
крестьянскому правительству. Их патриотический порыв вы-
ражается в огромном желании опять вступить в ряды РККА...
Подано 217 письменных и устных заявлений от б/военнослу-
жащих с просьбой направить их в ряды РККА.*

*Доказательством высокого патриотического духа являет-
ся систематическое стремление спецконтингента к повыше-
нию производственного плана...*

*Доказательством этого является также и то, что после
возвращения из плена б/военнослужащие открыто заявляли о
тех лицах, кто будучи в плену продан финнам, издевался ру-
ка об руку с финским командованием лагерей над советскими
военнопленными.»*

Но вместе с тем, в документах содержится информация о
том, что советские солдаты встретили на родине более суровые
испытания. Они считали, что над ними издеваются хуже, чем в
Финляндии и стремились объявить забастовку.

Особой идеологической обработке подвергались в ПФЛ
№ 0308 крымские татары. Они помещались на лаготделении 12
в селе Бегичево Богородицкого района Тульской области, лагот-
делениях 11 и 25. Четырнадцатого сентября 1944 г. 12 лаготде-
ление в с. Бегичево было ликвидировано.

Использовались жители Крыма, в основном, на шахтах.
Прибыв в Тулу в июне 1944 г., спецконтингент не владел шах-
терскими навыками, а потому план не выполнялся.

Перед личным составом ПФЛ в конце 1944 г. были поставле-
ны следующие задачи:

*«Мобилизовать и научить спецконтингент Новому виду
производительных работ — добыче каменного угля...*

*Распропагандировать спецконтингент, находящийся более
двух лет на территории захваченной немецкими оккупанта-
ми, привить ему фанатическую ненависть к фашистам и лю-
бовь к советской родине».*

Однако среди крымских татар росло массовое неудовольст-

вие, что их содержат в лагере и что они не имеют сведений о местонахождении своих семей. Лагерное начальство, чтобы избежать дальнейших волнений, уверяло заключенных, что непременно уведомит о местонахождении семей, когда появится информация.

Крымские татары считали, что с ними поступили несправедливо:

«...имеются недовольства со стороны некоторых лиц тем почему их держат за проволокой и водят на работу под охраной; почему их семья эвакуируется из Крыма; почему их плохо одевают и обувают — они считают, что все это неправильно».

Документы Тульского архива наглядно иллюстрируют трагедию целого народа, оказавшегося жертвой войны и сталинского режима. Получая письма из Средней Азии (куда были выселены татары) с сообщениями о смерти, многие крымцы стали понимать, *«что Советская власть в разрез с национальной политикой допустила прямое притеснение крымских татар, переселив их из Крыма и оставив на месте русское население Крыма, а поэтому у многих отмечается подавленное настроение и заметно снижается активность в общественно-политической жизни».*

В личных разговорах (август 1944 г.) крымские татары приходили к выводу, что Советская власть не заботится о них, так как разлучила с семьями. Многие из них не надеялись увидеть после освобождения из лагеря своих жен и детей живыми.

Лагерное начальство приняло меры для успокоения заключенных. Татарам было разъяснено, что *«...Советская власть везде и всюду заботится о советских людях».*

Со стороны спецконтингента имелись случаи проявления недовольства тяжестью работы на шахте, несвоевременным обеспечением спецодеждой. Основными формами сопротивления со стороны крымцев были: отказ от работы, симуляция, уход с работы за отсутствием обуви и побег. Были и особые случаи:

«Так бывший доброволец немецкой армии Менкадыров Халиль (рожд. 1909 г. бывший канд. ВКП(б)) заявил одному из своих товарищей: «Я ненавижу Красную Армию», он же неоднократно проявлял недовольство спецлагерем и два раза отказывался от работы».

Я не ожидал увидеть в тульском архиве материалы, рассказывающие о судьбе крымских татар. Во многом они определили и мое отношение к нарушению прав человека в сегодняшней Чечне.

Жизнь в ПФЛ заставляла одну часть заключенных подчи-

няться условиям лагерного существования, других сопротивляться, бороться за свои права. Наиболее активно это делали крымские татары, предпочитая медленной и мучительной смерти в шахте, гибель от пули вохровца во время побега. Однако активное сопротивление оказывали и бывшие красноармейцы. Основной формой неподчинения лагерному начальству был отказ от работы. Отказывались от работы по разным причинам. Спецконтингент лаготделения № 15 протестовал против выхода на работу потому, что шахта на которой работали заключенные, были водообильны, а потому часто затопляемы. К тому же на них очень часто случались обвалы. Бывшие офицеры РККА говорили охранникам, что им на шахте работать не положено и получали за это 10 суток строгого и 5 суток простого ареста. За саботаж в лагере давали 15 суток строгого ареста. Тринадцатого апреля 1944 г. группа из 56 бывших офицеров за отказ от работы была переведена с лаготделения № 8 на лаготделения № 18. Эту группу изолировали, возможно, для того, чтобы избежать серьезных волнений среди заключенных.

Часто спецконтингент отказывался от работы потому, что не желал идти под конвоем. Рядовой Сухацкий Василий Васильевич, 1924 г. рождения, 16 апреля 1944 г. отказался выйти на работу, за что был подвергнут простому аресту на 3-е суток с исполнением обязанностей и, когда на следующий день был направлен на работу, повторил отказ, заявляя, что под конвоем на работу не пойдет, такой же отказ был и со стороны бывшего военнотружущего Лободы Петра Федоровича.

Подобное сопротивление подрывало производственную дисциплину и показатели по выполнению плана:

«Производственная дисциплина коллектива с/к л/о № 30 — удовлетворительная. За отчетный период нарушений трудовой дисциплины было 29 случаев, что составляет 3% поражённости. Отказов от выхода на работу по симуляции болезни 11 человек; из-за отсутствия обуви 14 случаев, отсутствия спецовки 2 человека и просто отказом от работы в шахте 2 чел. Б/военнослужащий Кузнецов М. периодически просидел на г/вахте больше месяца. На работу на шахту не шел, то же самое б/военнослужащие Гетьман, Иващенко, Зверев, Куприков, Копиашвили и другие. Всего наложено взысканий за отказ от работы арестом — 29, из них строгим арестом 12, простым — 17».

Возмущение заключенных вызывало и враждебное отношение к ним некоторых вольнонаемных, чье сознание было активно обработано советской пропагандой. Часто встречались оскорбления, что «...все, мол, вы изменники и если бы мне дали пуле-

мет я бы всех вас расстрелял»... Подобные факты вызывали массовые волнения среди спецконтингента и приводили к отказу от работы.

Другой распространенной формой сопротивления заключенных лагерной несвободе были побеги. Спецконтингент использует любые возможности для того, чтобы покинуть ПФЛ. Одних заключенных комендант посылает за хлебом и те в зону уже не возвращаются, других отправляют на поиски сбежавших товарищей (в лаготделении № 30). Вот как это происходило:

«В январе месяце 1944 г. 4 дня б. военнослужащий Филатов совершил из лагеря побег, 19. I. нач. л/о капитан г/б т. Абрамович откомандировал 2-х б. военнослужащих на поиски за Филатовым. Последний ими был обнаружен в г. Георгиевске Ставропольского края. После чего они вместе все троем отправились в л/о № 30. Но доехав до станции Прохлады Кабардино-Балкарской АССР Филатов обратно совершил побег, а вместе с ним также совершил побег Шебзухов Али. Вернулся лишь один Дронов И.В. (который был вооружен револьвером). Таким образом, ни Филатов, ни Шебзухов до сих пор не обнаружены». Случались в лагере и групповые побеги. Один такой побег (в количестве 3-х человек) был совершен в июне 1944 г. в ночное время из зоны шахты № 68. По данному вопросу были предприняты местные розыски, которые не дали никаких результатов. Побег был совершен в 1 час ночи на участке патруля путем подкопа у забора. За плохое несение службы патрулю дано 10 суток ареста. Перед руководством шахты лагерное командование поставило вопрос о надлежащем оборудовании зоны, так как на такие слабо охраняемые объекты людей нельзя было выводить на работу.

Начальство лаготделения № 8 проявило инициативу в укреплении зоны. В частности, предусматривалось оборудование на шахте № 68 зоны, замена существующего забора, установление второго ряда проволоки, создание предзона и освещение зоны в ночное время.

Победа в Великой Отечественной войне отразилась и на сознании спецконтингента. Возможно по этой причине летом-осенью 1945 года из ПФЛ № 0308 заключенными было совершено 34 побега.

Заключение

В 1946 г. Проверочно-Фильтрационный Лагерь № 0308, находящийся на территории Тульского края, перестал существовать. Немногим позже исчезли и остальные такие же концлагеря, разбросанные по всей нашей стране. Но закончилась ли на этом их история?

Сегодня, в наше время, на территории Чеченской республики существуют точно такие же «фильтры». Какие-то из них существуют полуофициально по печально известному указу по Ставропольскому краю от 12 декабря 1994 года. Хотя за фасадом официальной системы органов, призванных поддерживать законность и порядок, действует неофициальная карательная система — в местах расположения воинских частей и т.п.; центр этой системы расположен в Ханкале — главной базе федеральных сил. В этой параллельной системе «следствия» к задержанным и «исчезнувшим» применяются жестокие пытки, приводящие к скорой смерти, совершают внесудебные казни. Передача задержанных в официальную, легальную пенитенциарную систему была неприемлема для многих сотрудников силовых структур, поскольку с высокой вероятностью означала их освобождение и, во всяком случае, исключала смертную казнь. Поэтому силовые структуры перешли к практике «эскадронов смерти» — незаконным задержаниям, содержанию в неофициальных тюрьмах, жестоким пыткам, внесудебным казням (или, по крайней мере, не препятствовали этой практике и при необходимости покрывали). Это подтверждается свидетельствами силовиков — как низового звена, так и координирующих структур. Система эта, в целом находящаяся вне закона, вполне сравнима с советской тоталитарной репрессивной машиной.

«Пункты содержания» существуют не только в Чечне, но и по всему Северному Кавказу. Фильтры представляют собой наспех оборудованные помещения, обычно подвальные, если располагаются в зданиях, но в большинстве своем это просто ямы, вырытые в местах расположения блокпостов и оккупационных частей. То, что происходит в фильтрах, невозможно понять умом. Идет ломка человека: физическая и психологическая. Скорее всего, стараются довести человека до такой степени, чтобы не оставалось сил даже на мысли о свободной жизни. Люди, прошедшие весь этот ад, считают моральные пытки страшнее физических.

Не скрою, что для меня история Тульского ПФЛ во многом оказалась страшным открытием, настолько ужасны оказались факты из повседневной лагерной жизни. Эта повседневность поразила меня как много разного, но больше всего плохого и трагичного, переплеталось в судьбе заключенных, охранников, вольнонаемных людей. Очень часто жизнь лагеря мне напоминала хорошо отрежиссированный фарс, где был бесчеловечный сценарий, режиссер, исполнители. На самом деле в лагере все были жертвами сталинского режима, переживших драму под названием «ПФЛ 3008».

Межнациональные отношения в современной российской школе

КУЛИКОВ Никита,

11 класс МОУСОШ № 1, г. Кимовск Тульской области

*Руководитель: Титаренко Светлана Алексеевна, учитель истории
МОУСОШ № 1 г. Кимовска*

По данным Тульского областного комитета государственной статистики на территории области в 2002 году проживало 22 300 украинцев, 9 000 татар, 6 500 армян, 6 000 белорусов, 4 700 немцев, 4 500 азербайджанцев, 3 800 цыган, 1 900 грузин, 1 700 молдаван, 800 узбеков, 600 таджиков, 500 чеченцев, 500 аварцев, 400 поляков, 400 башкиров. По сравнению с переписью населения, проведенной шесть лет назад, в Тульской области в 2–3 раза увеличилось число таджиков, чеченцев, аварцев, башкиров, армян, азербайджанцев, грузин, цыган.

И сейчас уже трудно представить себе хотя бы одно учебное заведение, где не занимались бы вместе люди разных национальностей и религий. Не обошло стороной это неоднозначное явление и МСОШ № 1 города Кимовска. В нашей школе в 2004 году по официальным данным обучались двое армян, одна нагайка, двое езидов, двое татар и один табасаранец. Все остальные (около 400 человек) — русские. Однако на самом деле иностранцев гораздо больше. Многие родители, вероятно, ради того, чтобы их дети не выглядели «белыми воронами», умалчивают об истинной своей национальности. Немало и таких учащихся, родители которых принадлежат к разным этносам и исповедуют разную религию (один из них, как правило, русский). Считать ли их «чужими», если такие ребята не приняли, скажем, ислам? Уверен, почти все ответят нет, но как быть с людьми, не имеющими русских корней вообще?

Чтобы узнать отношение учеников старших классов к представителям иных вероисповеданий и народностей, мной был проведен социологический опрос. Руководствуясь рекомендациями из учебника для вузов «Социология» под редакцией профессора В.Н. Лавриненко, я составил вопросы анкеты. На следующий день я адресовал эти вопросы своим одноклассникам, а также учащимся 10-го и 9-х классов. Затем я обработал результаты

опроса, не разграничивая ответы респондентов по классам. Вот вопросы анкеты:

1) Есть ли у вас соседи, знакомые лица другой национальности? (Да — нет)

2) Согласны ли вы жить рядом с людьми другой национальности? (Да — нет — безразлично)

3) Согласны ли вы жить рядом с людьми другой религии? (Да — нет — безразлично)

4) Есть ли у вас близкие друзья среди лиц другой национальности, религии? (Да — нет)

5) Меняет ли ваше отношение к человеку его принадлежность к другой национальности, религии? (Да — нет)

6) Мешают ли вам поддерживать отношения с вашими друзьями и знакомыми — представителями другой национальности, конфессии — их религиозные, культурные, бытовые особенности? (Если да, то какие — нет — я с такими людьми не общаюсь)

7) Имеет ли представитель другой национальности, конфессии право сохранять свои национальные традиции в религии, культуре, быту? (Да — нет — меня это не касается)

Проведенный опрос дал следующие результаты:

1) да — 42, нет — 15

2) да — 21, безразлично — 19, нет — 17

3) да — 17, безразлично — 11, нет — 29

4) да — 18, нет — 39

5) да — 16, нет — 41

6) нет — 36, я с такими людьми не общаюсь — 18, да — 3

7) да — 37, меня это не касается — 16, нет — 4.

В процентном соотношении это выглядит так:

1) да — 73,7%, нет — 26,3%

2) да — 36,8%, безразлично — 33,4%, нет — 29,8%

3) да — 29,8%, безразлично — 19,3%, нет — 50,9%

4) да — 31,6%, нет — 68,4%

5) да — 28,1%, нет — 71,9%

6) да — 5,3%, нет — 63,1%, я с такими людьми не общаюсь — 31,6%

7) да — 64,9%, нет — 7%, меня это не касается — 28,1%

А теперь подведем итоги конкретно по каждому вопросу, предложенному участникам анкетирования. 1) 3/4 опрошенных повседневно сталкиваются с людьми других национальностей и

религий, и лишь 15% не знакомы с ними. 2) Здесь мнения разделились примерно поровну. Но все-таки на 3% больше тех учащихся, кто согласился бы жить рядом с представителями иных национальностей, чем совершенно безразличных к данному вопросу. Зато почти 30% опрошенных против соседства с такими людьми, т.е. их на 5% меньше тех, кто не стал бы протестовать, если бы неподалеку жили иностранцы. 3) Кардинально изменилась ситуация, если речь заходит о вероисповедании. Видимо, современные школьники задумываются о своей религиозной идентификации. Половина опрошенных против того, чтобы жить рядом с народностями иных конфессий. Почти целых 30% респондентов не отказались бы жить по соседству с представителями других религий. На 10% меньше тех, кому все равно. 4) Более 31% опрошенных поддерживают дружеские отношения с людьми различной с ними национальности и религии. И, чего следовало ожидать, в 2,16 раз больше тех, у кого нет друзей иных народностей и конфессий. 5) Свое предвзятое отношение к представителям других национальностей и религий выказало 28% участников анкетирования, и радует лишь то, что 72% при формировании мнения о человеке не обращают внимания на его вероисповедание и историческую родину. 6) На шестой вопрос были даны прогнозируемые ответы: только 5,3% респондентов мешают поддерживать отношения со своими друзьями-представителями других национальностей и конфессий их религиозные, культурные и бытовые особенности; около 70% не испытывают проблем в этой связи; традиционно немало тех, кто с такими людьми не общается — 31,6%. 7) Практически 65% опрошенных считают позволительным сохранение национальных обычаев и традиций других народов, 28% этот вопрос совсем не интересуется, и только 7% респондентов враждебно относятся к представителям иных национальностей и религий, считая, что они не имеют права на «духовную автономию», а должны подчиняться нормам поведения, исторически сложившимся в русском обществе. Хотя в этом вопросе не нужно было что-то разъяснять, конкретизировать свой ответ, но один из участников анкетирования написал следующее: «Если другие не хотят этого, то он может это делать вдали от других», т.е. он не против соблюдения людьми других этносов своих традиций и обычаев, если это не вызывает недовольство окружающих.

Далее я побеседовал с рядом учащихся нашей школы, представителями других религий и национальностей, и предложил им ответить на четыре основных вопроса:

1) Корректно ли к вам отношение со стороны ваших сверст-

ников, соседей, знакомых ввиду вашей принадлежности к другой национальности, религии? (Да — если нет, то в чем это проявляется)

2) Мешает ли вам сходиться с людьми ваша принадлежность к другой национальности, религии? (Да — нет)

3) Сохранили ли вы свои культурные, религиозные, бытовые особенности, традиции, обычаи в России? (Да — нет, многие забылись — раз приехал в другую страну, то должен жить по законам, господствующим в ней)

4) Поддерживаете ли вы отношения с представителями других религиозных и национальных меньшинств, людьми одной с вами национальности, религии, проживающими с вами в одной местности? (Да — нет — общался, если бы была возможность)

Многие из тех, у кого я брал интервью, не считают себя чужими вдали от исторической родины. Это видно по их ответам. Ко всем объектам исследования отношение со стороны окружающих корректное, уважительное, они не подвергаются никакой дискриминации. Принадлежность к другой конфессии и национальности совсем не мешает им сходиться с людьми. Никто из них не поддерживает отношений с представителями одной с ними религии и национальности, если не считать родственников, так что какого-то отделения по этническому и религиозному признаку не происходит, не создаются замкнутые группы, состоящие из представителей иных национальностей и вероисповеданий. Большинство интервьюируемых не сохранили свои бытовые, религиозные и культурные особенности. Их соблюдение проявляется лишь в исполнении некоторых религиозных обрядов и приготовлении национальных блюд. Например, азербайджанец Ахмед Гурбанов, будучи мусульманином, молится несколько раз в день. Мама Наиля Кожобаева готовит народное татарское блюдо из мяса асып. А Нелли и Араик Аримджаны учатся в нашей школе всего лишь первый год, но они быстро нашли общий язык со своими одноклассниками и сейчас уже трудно представить 10-й класс без них.

Наверное, лучше разобраться в рассматриваемой нами непростой ситуации поможет личный пример автора этих строк.

Темур Асадов приехал в Кимовск вместе с родителями и младшей сестрой в 2001 году. Сначала он жил на родине отца в азербайджанском городе Сумгаите, затем ненадолго переехал в Богородицк, откуда родом его мать, и, наконец, окончательно обосновался у нас. Познакомились мы с ним, благодаря общим интересам — оба любим футбол. Как только Темур приехал в

Кимовск, у него возникли серьезные трудности в общении, но затем при помощи меня и нашего общего друга Кирилла, который учился с ним в одном классе, освоился и стал здесь своим. Сейчас Темур учится в ТГУ на факультете «Мировая экономика». Мы регулярно созваниваемся, встречаемся по выходным и на каникулах, вместе проводим свободное время и ходим друг к другу в гости. Недавно мне удалось попробовать народное азербайджанское кушанье бозбаш. Я действительно был в восторге, когда отведал его. Темур крещеный, он не совершает намаз пять раз в день, и, пожалуй, за исключением приготовления национальных блюд, его семья не сохранила никаких особенностей в культуре, быту, религии. Чего нельзя сказать о чертах характера, присущих азербайджанцам. Придя в гости к Темуру первый раз, мы с Кириллом стали заложниками кавказского гостеприимства. Его отец дядя Мехти принял нас с распростертыми объятиями, мы с ним сразу подружились. Нас тут же усадили за стол и угостили тропическими фруктами и красным вином, присланными из Сумгаита дядей Темура. Вообще, я, начиная общаться с Темуром, не обращал внимания на его принадлежность к другой национальности, легкий кавказский акцент и не совсем русскую внешность.

Основные выводы:

1) Многонациональный состав населения Тульской области — исторически сложившийся факт. Отношение к инородцам представителей русскоязычного населения неоднозначно. Около одной трети опрошенных выражают безразличие к проживающим по соседству с ними людьми других национальностей и религий, но примерно столько же респондентов выражают свое негативное отношение к объектам исследования. Чуть больше половины опрошенных не проявляют неприязни к представителям иных этносов и конфессий, но немало (примерно 30%) и тех, кто отрицательно относится к данной тенденции.

2) Межличностные отношения — важный аспект формирования толерантного сознания. Опираясь на опыт именно личных контактов, можно судить об уровне принятия людей других национальностей и религий русскоязычным населением. При общении в неформальной обстановке мы обращаем внимание на личные качества человека, а не на его происхождение и вероисповедание. Таким образом, национальность и религия не играют определяющей роли при выборе круга общения.

3) Убеждения приезжих — немаловажный фактор, влияющий на формирование мнения о них. У иностранцев есть два пу-

ти: автономия, их отчуждение от социума и создание узких группировок, или ассимиляция, так называемое обрусение, при котором представитель другой национальности теряет всякие связи с духовным наследием предков, принимает православие и переходит к традиционному для русских образу жизни.

Участники нашего анкетирования преимущественно согласны на ассимиляцию, да и сами инородцы готовы «обрусеть», поскольку это дает лучшие условия для социализации в новом обществе, однако традиционно находится немало противников данной тенденции, не желающих вступать в личные контакты с объектами исследования. Так что проблема формирования у современных школьников толерантного сознания стоит остро. Если сейчас серьезно не заняться этим вопросом, не выработать специальные программы по воспитанию у подростков культуры межнациональных отношений, то это может привести к подрыву национального единства русского народа.

Другая война: «остарбайтеры» — бесправные в бесправном мире

**СУВОРОВА Ангелина, КРЮКОВА Ольга,
ученицы 10 «Б» класса МОУСОШ № 39, г. Тула**

Руководитель: Кузнецова Елена Владимировна, учитель истории МОУ-СОШ № 39

Введение

Тема Великой Отечественной войны, наверное, всегда будет интересовать историков, военных, политиков — всех, кто небезразличен к судьбе Отечества и своих соотечественников. Уже написано огромное количество книг, поставлено много фильмов. В год 60-летия Победы Советского Союза планируются традиционные мероприятия. Вновь вспомним главные сражения, наших прославленных полководцев, героев и их подвиги. В школу придут Ветераны в красивых мундирах с орденами. Многих из них мы уже хорошо знаем — они часто бывают у нас. Рассказывают о войне они по-разному. Одни говорят, как театральные актеры: страстно и выразительно, называя на память названия всех фронтов и их командующих, количество наших и немецких потерь. Слушать их легко, но не интересно. Особенно после 9 класса, когда тему войны уже изучили на уроках истории. Но гораздо труднее слушать ветерана, который путается в датах и событиях войны. У таких, как правило, другой конек: они обязательно говорят о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в деле разгрома фашистской Германии. Причем, все наши сегодняшние беды объясняют отсутствием этой направляющей силы. Заканчивается все примитивной агитацией в пользу партии.

Вступать в дискуссии ни с первыми, ни со вторыми не хочется — нет смысла. Картина войны получается искаженной. Встречая в школе ветерана, думаем: «Только бы не к нам!» Парадная, официальная история войны набила оскомину, раздражая своей лощеностью. Такое впечатление, что воевали не люди, а подразделения и фронты, что военные действия проходили не на густонаселенной части Европы, а в безлюдной пустыне. Ассоциацией войны стала карта с красно-синими стрелками и набор основных фактов.

Потому, наверное, трудно представить себя на войне. Кажется, что или люди были другими, или война не так уж страшна.

В нашей школе есть музей Боевой и трудовой славы. Среди фотографий героев школы — лицо одиннадцатилетнего мальчика Вали Паршутина. В октябре 1941 года он ушел из дома на линию фронта, которая проходила на окраине города Тулы, помогать солдатам. Фашистская пуля ранила его в живот. Уже без сознания солдаты принесли его домой. Ребенок умирал всю ночь на руках своей матери. Медицинскую помощь оказать ему не смогли... Это тоже война, но без стрелок на карте. И повторенья такой войны нельзя допустить. Потому что она бесчеловечна, она несет мучительные страдания и солдатам, и мирному населению.

Стремление узнать побольше о жизни людей, которые не воевали на фронте, но вынесли на своих плечах подчас не меньше, чем воины действующей армии, привело нас к тем людям, которых называют «остарбайтерами» — восточными рабочими. Их война не похожа на официальную, тем она для нас и интересна.

Андрей Иванович Балаболкин — бывший «остарбайтер». Живет он недалеко от нашей школы. К нему-то мы и собрались за рассказом о «другой войне». Предварительно мы проштудировали свои учебники, но там, честно говоря, материала было мало — один абзац: «Широкие масштабы принял принудительный вывоз трудоспособного населения, прежде всего молодежи, из оккупированных стран Восточной Европы для работы в Германии. Генеральный уполномоченный «по использованию рабочей силы» Заукель ставил задачу «полностью исчерпать все имеющиеся в советских областях людские резервы». Эшелоны с тысячами насильно угнанных из своих домов юношей и девушек потянулись в рейх. К концу 1942 года в германской промышленности и сельском хозяйстве использовался труд около 7 миллионов «восточных рабочих» и военнопленных. В 1943 году к ним прибавились еще 2 миллиона человек».

Вот с такой теоретической подготовкой мы пошли на встречу с Андреем Ивановичем.

Он принял нас настороженно. Рассказать о войне согласился, но ни снимать на видео, ни записывать на диктофон не разрешил. Отрицательный ответ мы услышали на просьбу сделать копии некоторых документов, связанных с его военным прошлым. Мы, расстроившись и смирившись, стали усердно записывать каждое слово из рассказа А.И. Балаболкина. Рассказ его был недолгим, часто не понятным, но мы боялись перебивать, ведь старый человек мог легко сбиться с мысли.

После первой встречи мы долго разбирали и сопоставляли свои записи, пытались выстроить картину событий, но картины не получалось. Получалась карта, на которой отмечены пункты пребывания Андрея Ивановича, которую мы и составили, правда, не все пункты удалось найти и обозначить.

Стало ясно, что необходимы новые встречи, но по телефону прозвучал «сухой» ответ, что нам уже все рассказали. Еле-еле удалось уговорить Андрея Ивановича на еще одну встречу.

Мы готовились очень тщательно — выписали все вопросы, возникшие по результатам прошлой встречи, продумали новые. Огромную помощь в подготовке оказали «Основные вопросы интервью с бывшими остарбайтерами», разработанные в «Мемориале». Между собой договорились, кто будет задавать вопросы, а кто будет записывать. Такая подготовка дала удивительные результаты. Андрей Иванович, как волшебник из рукава, доставал из своей памяти яркие события, детали быта... Может быть, помогли грамотно составленные вопросы интервью, а может, заинтересованные глаза слушателя. Мы проговорили около трех часов. Жена Андрея Ивановича несколько раз — беспокоилась за мужа, но, увидев, как увлеченно он рассказывает, тихо уходила.

Когда мы, уже одетые, прощались в прихожей и благодарили за встречу, Софья Ивановна сказала: «А я тоже была в Германии, мы там с Андреем Ивановичем и встретились».

Нам стало ясно, что и третья встреча необходима. А пока предстояло проработать результаты второго интервью. Яркие воспоминания Андрея Ивановича нужно было наложить на ту, известную всем, официальную войну. И делать это оказалось очень интересно. Стрелки военных ударов оживали, потому что с ними была связана судьба знакомого нам человека. Мы сопоставляли факты и события, радовались, когда все совпадало, строили предположения о причинах некоторых несовпадений. Тревожить с уточнениями Андрея Ивановича не спешили. Это архивную справку можно зачитывать до дыр, один документ в архиве запрашивать несколько раз, а человека 83 лет, пережившего войну и лагеря, беспокоить лишний раз нельзя. Родители и Елена Владимировна, видя наш энтузиазм, предостерегали нас от назойливости.

Участие Андрея Ивановича в подпольной организации г. Шербурга, увлекло нас в историю движения Сопротивления, причем не только во Франции, но во всей Европе, так судьба одного человека возвращала нас к учебнику мировой истории. Мы разыскивали карту зон оккупации Германии и попутно изучали

условия жизни в оккупационных зонах разных стран, сопоставляли с рассказами Андрея Ивановича.

Третья встреча проходила очень радушно. Нас приняли как старых знакомых. Софья Ивановна рассказала, как ее угоняли в Германию, как жилось ей в чужой стране. Но больше говорили о дне сегодняшнем. Супруги делились своими размышлениями о современной жизни, политике, о замене льгот деньгами, о своих болях. С гордостью рассказывали о своих детях. В конце вечера мы все же уговорили их сфотографироваться.

Материал о семье бывших оstarбайтеров собран. Отредактирован. А к Болоболкиным мы теперь заходим просто так, на минутку — поздравить с праздником, узнать о здоровье, предложить помощь.

Довоенные воспоминания

Андрей Иванович жил до войны в Белёвском районе Тульской области. Семья их состояла из семи человек: отец, мать и 5 детей. Тогда никто не считал такие семьи многодетными. Это воспринималось как норма, и государство не выдавало никаких льгот и пособий. Жили за счёт своего хозяйства. Отец с матерью с утра до позднего вечера работали в колхозе, а старшие дети следили за младшими и делали посильную домашнюю работу — полили огород, носили воду, пасли скот и т.д.

Ярким воспоминанием осталось посещение церкви. «Мама взяла меня за руку и повела к священнику на причастие. Особое настроение матери, видимо, передалось мне, и ощущение душевного трепета запомнилось мне на всю жизнь», — вспоминает Андрей Иванович. Церковь влекла своей необычностью, там всегда было чисто и красиво. Люди говорили тихо и спокойно.

Совсем другое дело — школа! Там жизнь кипела и бурлила — пионерские сборы, комсомольские собрания, пламенные речи директора школы и учителей вселяли в подрастающие поколения уверенность в скорую победу коммунизма, призывали к постоянной борьбе. «Мы действительно верили в то, что будем жить при коммунизме, что это от нас зависит, от нашего труда, — говорит Андрей Иванович и тут же сокрушается, — а нынешняя молодёжь ни во что не верит, ни к чему не стремится, поэтому и наркомания, и пьянство».

Что же, о никчёмности молодых мы слышим не первый раз. Чем старше поколение, тем больше недовольства. Конечно же, можно было поспорить, рассказать о своих друзьях, о том, что нас волнует, чем мы увлекаемся, что мы тоже хотим жить в нормальном государстве, гордиться своей

страной. В нас только, наверное, больше недоверия, подозрительности к власти. Мы как-то обострённо воспринимаем ложь на уровне государственной политики. Не у всех хватает хладнокровия разобраться, но спорить не хотелось. Андрей Иванович видит каждый день пьяную молодёжь на улицах, которая вычурно пьёт пиво «из горла», ругается матом, а на лестничной площадке, в подъезде, часто валяются использованные шприцы наркоманов. И с этим не поспоришь! К тому же нам хотелось узнать о судьбе Андрея Ивановича в годы Великой Отечественной войны, а потому уводить старого человека было опасно.

Продолжая рассказ о своей довоенной жизни, Андрей Иванович с гордостью рассказывал, как вступил в комсомол, закончил 7-летнюю школу и уже в возрасте 15 лет сел за рычаги гусеничного трактора. Его сверстники после окончания школы тоже, в основном, остались трудиться в колхозе, в лучшем случае, управляли лошадью, а он получил профессию — тракторист!

И трактора и трактористы были редкостью в колхозах. Пяницу и бездельника на тракторе не держали. И девчонки засматривались на него, и к слову его на колхозном собрании прислушивались.

Начало войны: бронь и плен

Когда началась Великая Отечественная война, Андрею Ивановичу был 21 год, однако в действующую армию на фронт его не призвали. Нужно было убирать урожай, и на него и ещё на несколько механизаторов «наложили бронь».

Андрей Иванович работал на сложной молотилке (что-то похожее на современный хлебоуборочный комбайн). Однако полностью убрать урожай не успели. К началу осени немцы подошли к Белёву. Но прежде население увидело потоки беженцев. Люди бежали от линии фронта, спасаясь от бомбёжек и «шальных пуль». Но ещё страшнее были рассказы тех, кто шёл с оккупированной территории. Рассказы о зверствах фашистов приводили в ужас. Сжигали не только дома, лишая людей крова, сжигали и самих людей, специально сгоняя жителей деревни в коюшню или колхозный амбар. Вешали людей на телеграфных столбах, причём не разбирая и стариков, и женщин, и малолетних детей. Тем, кому удалось прорваться через линию фронта в тыл, рассказывали, что дорога просто усеяна трупами мирных жителей.

О зверствах отдельных подразделений немецких войск мы уже слышали на уроках истории и были подготовлены к

тому, что слышали от Андрея Ивановича, однако, глядя на этого человека, попытались представить себя на его месте (тогда осенью 1941 года) и мурашки ужаса поползли по телу.

Естественным желанием мирного населения было спастись. Никаких планов эвакуации не было. Каждый спасался, как мог. Особенно опасно было оставаться мужчинам. Их немцы казнили в первую очередь. Андрей Иванович ушёл из деревни вслед за отступающими войсками Советской Армии. Он и ещё несколько человек из их деревни прятались по лесам, а с наступлением зимних холодов стали проситься на ночлег по деревням. Местное население по-разному относилось к незванным гостям, одни — боялись и не пускали, другие тоже боялись, но прятали в своих домах и делились едой, такие встречались чаще, потому, наверное, и не замёрзли, не умерли с голоду в ту суровую зиму.

Когда немцев погнали от Москвы, надеялись, что скитания скоро закончатся.

Андрей Иванович, его дядя и ещё двое соседских ребят прятались в небольшом посёлке под Вязьмой. 11 марта 1942 года отступающие немцы устроили облаву в посёлке.

Удивительным нам показалось то, что в маленьком посёлке (всего 12 дворов, по словам Андрея Ивановича) немцы собрали мужчин от 16 до 65 лет и их (опять же по словам Андрея Ивановича) оказалось около 120 (примерно около 10 человек с каждого двора) человек. Или Андрей Иванович что-то путает, или количество тех, кто скрывался от немцев, было действительно таким большим. Ведь если даже каждая семья (двор) состояла из 7–10 человек, не все же члены семьи были мужчинами 16–65 лет! Андрей Иванович прояснить наши сомнения не смог. «Мы скрытно жили в приютивших нас семьях, не знали, ни только кто ещё скрывается в посёлке, а даже, сколько человек в этой семье».

Сначала все думали, что будут расстреливать и приготовить к самому худшему. Однако мужчин построили, дали деревянные лопаты и щиты, и повели чистить дорогу. Это была Курско-Орловская дорога, по которой двигались отступавшие немецкие войска. Так, расчищая тяжёлый весенний снег, дошли они до Орла. По дороге несколько человек умерло, кто от тяжёлого труда, кто от болезни. Под Орлом был организован лагерь пленных (первый лагерь, в который пригнали Андрея Ивановича и пленных), туда собирали большое количество народа. Там в первые же дни Андрей Иванович заболел тифом. Болезнь протекала тяжело. 13 суток он пролежал в бреду, без сознания. Кто за

ним ухаживал, он не знает, может быть, дядя, а может быть другие пленные. Лечения не было никакого. Выжил за счёт крепкого молодого организма. Да ещё благодаря тому, что в лагере было много народа. Немцы, видимо, не заметили больного, а из своих никто не выдал.

«Немцы очень боялись тифа, если кого заподозрят с такой болезнью — сразу убивали и сжигали», — вспоминает Андрей Иванович.

Всего через несколько дней, как Андрей Иванович поднялся после тифа, пленных стали строить и уводить из лагеря, тех, кто не мог идти — расстреливали. Добрые люди помогли Андрею Ивановичу, и его вместе с остальными повели в город на железнодорожную станцию. Орёл был первым крупным городом, который видел в своей жизни Андрей Иванович. До войны дальше районного центра (г. Белёва) ездить не приходилось, а когда прятались от немцев, то города обходили стороной. Страх за своё будущее на некоторое время отошёл в сторону, и он с любопытством рассматривал город и редких его жителей, которые, преодолев страх, вглядывались в колонну пленных, надеясь (а, может, опасаясь) увидеть знакомое лицо. «На станции нас погрузили в вагоны для перевозки скота и повезли в неизвестном направлении».

Дорога на Запад

Эшелон с пленными шёл на Запад. 2 недели в закрытых вагонах без еды. Иногда делали остановки и давали воду (раз в день, а иногда раз в два дня). «Сами соорудили себе туалет — продырявили дырку в полу вагона. Но пользовались им редко — не с чего было ходить в туалет», — вспоминает Андрей Иванович.

Первая остановка, на которой пленным разрешили выйти из вагонов, — Кёнигсберг, затем Франкфурт-на-Майне.

Нам хотелось поподробнее узнать, какое впечатление произвели на Андрея Ивановича немецкие города. Сравнивали он их с увиденным ранее городом Орлом, но Андрей Иванович снисходительно горько улыбнулся и сказал: «Какие впечатления? После тяжёлого тифа, две недели ни крошки во рту — голова кружилась, тошнило, вот и все мои впечатления!»

Вот остановку в Бельгии я помню! Нас вывели из вагонов, а немецкие солдаты окружили нас, чтобы не убежали. Местные сначала ходили смотреть на нас, как на цирк (они же думали, что русские с рогами). А потом стали нас жа-

леть и бросали нам через оцепление разные фрукты. Я поймал несколько черешен. Это была моя первая еда за две недели. Вот эти впечатления я помню!»

Из Бельгии пленных привезли во Францию, там был организован временный лагерь. Пленных сортировали и направляли на работы. Теперь не было такого панического страха. Поняли, что не для того их везли через всю Европу, чтобы здесь расстрелять. Каждодневная угроза смерти, казалось, отступила.

Остарбайтеры на острове Альдерней

Из Французского лагеря Андрей Иванович попал на английский остров Альдерней, который был захвачен немцами.

Маленький островок (по словам Андрея Ивановича, площадью 6 на 6 км) мы так и не смогли найти не на одной из школьных карт.

Немецкие войска пытались закрепиться на острове и готовили там плацдарм для военных действий. Для пленных рабочих были построены специальные бараки с досчатыми нарами, все поселение обнесено колючей проволокой.

В 5 часов утра взывала сирена, которая поднимала всех на работу. Спали, не раздеваясь, поэтому вставали и строились возле барakov быстро. Главной работой было рытьё окопов и строительство военных укреплений. После трёх-четырёх часов работ наваливалась усталость, руки и ноги делались тяжёлыми. В 9 часов пленных вели завтракать, 100 граммов хлеба и кружка кофе придавали немного сил и бодрости. Андрей Иванович впервые узнал вкус кофе в плену. Дома, в родной деревне пили чай, квас, молоко, а кофе в колхозе не пили. Его даже в магазин не привозили. «Я не думаю, — говорит Андрей Иванович, — что немцы давали нам хороший кофе, наверняка какой-нибудь заменитель — ячмень или цикорий, но мне не с чем было сравнивать, и кружка горячего, хоть и горького (конечно же, без сахара) была для нас лакомством».

После завтрака снова работа. Обед — суп с хрящами и сырами помидорами. Снова работа. Ужин — 100 граммов хлеба и кружка воды.

Тяжёлая работа и скудная пища изматывали силы. Положение ухудшалось ещё и тем, что немцы избивали русских пленных. В лагере были рабочие не только из СССР, но и из других стран — поляки, французы. Однако особое жестокое отношение к себе испытывали только советские пленные. Часто избивали безо всякой причины, всячески издевались, иначе, как «русише швайне» (русские свиньи) не называли.

Может быть потому, что СССР показывал ожесточённое сопротивление (кроме того, что немецкие войска потерпели поражение под Москвой, в 1941 году известно ничего не было). Но раз война продолжалась, значит, фашисты ещё не победили, и немцы вымещали свою злость на пленных рабочих.

«Мы никогда не получали никаких посылок, а пленные других стран получали, хоть и редко, посылки с тёплыми вещами, сигаретами, сухарями от Красного Креста. Мы не имели возможности писать письма, сообщать о себе на Родину! К счастью, среди русских были врачи, они то и оказывали в случае чего медицинскую помощь. Хотя и лекарств тоже не было».

Андрей Иванович вспоминает, как у него на щеке выскочил фурункул. От грязи и холода лицо раздулось, начался жар, сильно болела голова. Врач из своих (русских) делал ему операцию — разрезал щёку обычным ножом, прокалённым на огне. Рана долго не заживала — климат был «гнилой» — большую часть года сыро и пасмурно. Не только Андрей Иванович страдал. У многих пленных обычные ссадины превращались в долго незаживающие язвы. В особо тяжёлых случаях немцы разрешали день или два не выходить на работу, но медицинской помощи не оказывали, тех, кто не шёл на поправку — расстреливали.

Чем дольше оставались на острове, тем чаще расстреливали. Пленные теряли здоровье и силы, а больные и немощные не были нужны немцам.

Андрей Иванович вспоминает о работе на водокачке: «Двое суток без отдыха и сна я сидел на водонапорной башне и следил на подаче воды для замеса бетона. В очередной раз, открыв воду, я, видимо, задремал, и вся вода ушла. Увидевший это немец, схватился за автомат и полез ко мне на вышку. Конечно, меня ждал расстрел. Я стал оглядываться по сторонам и искать спасения. Сам не успел понять, почему я прыгнул с 20-метровой вышки вниз, провалился в крышу сарая и спасся. Немец видел мой «полёт» и, наверное, решил, что я разбился, а я отделался ушибами».

Второй раз Андрея Ивановича хотели казнить за офицерскую фуражку. Во время прогулки Андрей Иванович нашёл немецкую фуражку и передал ее одному из охранявших немцев. Немец похлопал по плечу и сказал: «Гуд русише швайне!» Но вечером Андрея Ивановича схватили в бараке и привели к коменданту. Многое из немецкой речи Андрей Иванович разбирал уже без переводчика. Он понял, что его обвиняют в убийстве немецкого офицера. Его вывели на улицу, где была построена висели-

ца, набросили петлю и всё требовали признания. Но то ли они не собирались его вешать, то ли надеялись другими способами добыть информации от Андрея Ивановича о том, с кем и как он убил немецкого офицера. Этим вечером Андрея Ивановича не повесили, а на утро отпустили назад в барак — нашёлся хозяин фуражки — живой и здоровый. Оказалось фуражку просто сорвало с его головы ветром.

Третий раз Андрей Иванович ждал смерти уже не один, а целым баракком. В их бараке мужчина заболел тифом. Больного немцы увели, и больше его никто не видел. А барак окружили колючей проволокой, и поставили часовых. На работу не выводили, еду подавали через окошечко в двери. Так был организован карантин. Ждали почти месяц, не заболеет ли ещё кто-нибудь. «Из окошек мы видели, что вокруг барака ставят бочки с горючим. Мы поняли, что патроны на нас тратить не будут, если заболеет тифом ещё хоть один, нас просто сожгут заживо вместе с баракком. Кто верил в Бога — молился, кто-то плакал, а у некоторых случались истерики», — рассказывает Андрей Иванович. Через месяц карантин сняли, так как тифом никто не заболел.

С осени 1943 года участились бомбардировки острова американскими самолётами. Бомбы страшно выли и визжали, от грохота взрыва закладывало уши. Однажды взрывом разорвало сетку ограждения лагеря, пленные кинулись бежать, но бомбёжка заставила укрыться в окопах, да и бежать было некуда — остров маленький, вокруг вода. Когда налёт закончился, немцы собрали пленных и вернули их в бараки.

После этой бомбёжки немцы стали проводить тренировки. На острове был километровый туннель, заваленный с одной стороны. И немцы почти каждый день проводили «учения» по быстрому заполнению туннеля пленными. «Сначала мы думали, что немцы хотят нас спрятать на случай новой бомбардировки, чтобы не пострадали и не разбежались, а потом выяснилось, что они готовили быстрое уничтожение нас в случае высадки на острове английского или американского десанта. Загнать людей в туннель и взрывом завалить выход».

К счастью, и этот «экономный» план убийства не был приведён в исполнение. Участившиеся бомбёжки не давали возможности работать, да и смысла не было неделю строить то, что уничтожалось за минуты.

Пленных погрузили в трюмы корабля и перевезли в Северную Нормандию, в город Шербур, который всё ещё был захвачен немцами.

Франция: побег и сопротивление

Жизнь в новом лагере была значительно легче. И хотя работать, по-прежнему, заставляли много, но кормили лучше, да и жизнь среди мирных людей возвращала пленным память о «человеческом образе жизни», ведь на острове не было местного населения, они видели таких же, как они, истерзанных пленными и их надзирателей-немцев. Это очень сильно влияло на психику людей.

В Шербуре жили не только французы. Как вскоре выяснилось — было много эмигрантов, покинувших Россию в годы революции и гражданской войны. Они держались своей «диаспорой», и даже построили русскую православную церковь. И французы, и русские открыто боялись помогать пленным, но тайно перебрасывали хлеб, сыр, фрукты.

Лагерь был обустроен в помещении бывшей школы. В школе был внутренний дворик, в центре которого находилось небольшое здание столовой. Дворик был обнесён забором, а для надёжности ещё и несколькими рядами колючей проволоки. Большие ворота открывал и закрывал часовой. И всё же это был не остров. Отсюда было куда бежать.

Андрей Иванович подружился с украинцем, таким же, как и он, сам, молодым парнем — Иваном Коломейцем. Вдвоём они и придумали план побега — присмотрели удобное место, где можно было с крыши школы перепрыгнуть через колючую проволоку на близко растущие деревья. А затем добраться до одного из домов русских эмигрантов. Они были уверены, что там им помогут укрыться. План молодым парням казался вполне реальным. Однако случай убежать подвернулся раньше и совсем неожиданно.

Каждый день в столовую лагеря приезжал на велосипеде повар. Охрана беспрепятственно впускала и выпускала его. Так случилось, что в этот день Андрей Иванович был на школьном дворе и, увидев, как повар оставил свой велосипед и плащ, ушёл в столовую, решил покататься на велосипеде. Он сделал несколько кругов по школьному двору, обратил внимание, что ворота остались открыты. Он надел плащ повара и, как бы невзначай, выехал из ворот. Никто не остановил его, не окрикнул. Выехав на дорогу, он смешался с потоком машин и уехал. То, что так долго планировалось, свершилось спонтанно, как-то даже не серьёзно.

Андрей Иванович добрался до семьи русских эмигрантов, где как и ожидал, приняли его осторожно, но радушно. Спрятали в подвале. Семья состояла из 3 человек: глава семьи — Лев,

жена Елизавета Андреевна и их дочь — Люсьена. Конечно, они понимали, что, укрывая у себя беглого, — рискуют жизнями всех членов семьи, однако сознательно пошли на этот шаг.

Когда через несколько дней ночью в их дом постучали — испугались все. Боялись, что это облава. Но это был друг Андрея Ивановича — Иван Коломеец, который все-таки осуществил разработанный план побега через крышу школы. Ивана тоже спрятали в подвале.

Андрей Иванович и до сегодняшнего дня преклоняется перед подвигом семьи эмигрантов — «Мы смелые, да отчаянные были, от безысходного положения, а эти люди смелые от благородности души».

Сокрушается, что не запомнил фамилии семьи.

— *Я хочу в программу «Жди меня» написать, может жива ещё Люсьена. Увидеть бы её, поклониться за спасение.*

Прятаться в подвале пришлось не долго. 6 июня 1944 года американские и английские войска высадились на севере Франции и заняли плацдарм между городами Шербур и Кан. Немцы оказались в растерянности, а местное население, наоборот, укрепило уверенность в победе. Существовавшие до этого партизанские отряды, стали более смело и активно вести борьбу с оккупантами. Немцы только начали готовить отход из Шербура, а в городской ратуше объявили собрание мужского населения от 16 до 60 лет. Андрей Иванович и Иван Коломеец пошли в ратушу вместе с главой семьи — Львом. На собрании провели регистрацию мужчин и стали планировать, как бороться против немцев. Разбились на группы. У каждой было своё задание — следили за передвижением немцев, нападали на немецкие посты и склады. Группа, в которую попал Андрей Иванович, готовила диверсию на железную дорогу. Молодым, Андрею Ивановичу и Ивану Коломейцу, поручили тянуть бикфордов шнур. Участок железной дороги был взорван. Но, видимо, слишком открыто действовали — немцы выследили и арестовали всю группу, а затем устроили облаву с собаками во всём городе.

Так Андрей Иванович снова оказался в плену. Но судьба Германии во Франции уже была предрешена. Англо-американские войска быстро теснили немцев. Пленных погрузили в плацкартные вагоны и повезли в Германию. Дорога заняла 5 суток. Поезд часто останавливался из-за того, что взорванными оказывались железнодорожные пути. Пленные понимали, что это «дело рук маки» (французских партизан). На шестые сутки эшелон пришел в город Штутгарт на юге Германии. Пленных поместили в большой распределительный лагерь. Сюда приходили граж-

Франция: побег и сопротивление

Жизнь в новом лагере была значительно легче. И хотя работать, по-прежнему, заставляли много, но кормили лучше, да и жизнь среди мирных людей возвращала пленным память о «человеческом образе жизни», ведь на острове не было местного населения, они видели таких же, как они, истерзанных пленными и их надзирателей-немцев. Это очень сильно влияло на психику людей.

В Шербуре жили не только французы. Как вскоре выяснилось — было много эмигрантов, покинувших Россию в годы революции и гражданской войны. Они держались своей «диаспорой», и даже построили русскую православную церковь. И французы, и русские открыто боялись помогать пленным, но тайно перебрасывали хлеб, сыр, фрукты.

Лагерь был обустроен в помещении бывшей школы. В школе был внутренний дворик, в центре которого находилось небольшое здание столовой. Дворик был обнесён забором, а для надёжности ещё и несколькими рядами колючей проволоки. Большие ворота открывал и закрывал часовой. И всё же это был не остров. Отсюда было куда бежать.

Андрей Иванович подружился с украинцем, таким же, как и он, сам, молодым парнем — Иваном Коломейцем. Вдвоём они и придумали план побега — присмотрели удобное место, где можно было с крыши школы перепрыгнуть через колючую проволоку на близко растущие деревья. А затем добраться до одного из домов русских эмигрантов. Они были уверены, что там им помогут укрыться. План молодым парням казался вполне реальным. Однако случай убежать подвернулся раньше и совсем неожиданно.

Каждый день в столовую лагеря приезжал на велосипеде повар. Охрана беспрепятственно впускала и выпускала его. Так случилось, что в этот день Андрей Иванович был на школьном дворе и, увидев, как повар оставил свой велосипед и плащ, ушёл в столовую, решил покататься на велосипеде. Он сделал несколько кругов по школьному двору, обратил внимание, что ворота остались открыты. Он надел плащ повара и, как бы невзначай, выехал из ворот. Никто не остановил его, не окрикнул. Выехав на дорогу, он смешался с потоком машин и уехал. То, что так долго планировалось, свершилось спонтанно, как-то даже не серьёзно.

Андрей Иванович добрался до семьи русских эмигрантов, где как и ожидал, приняли его осторожно, но радушно. Спрятали в подвале. Семья состояла из 3 человек: глава семьи — Лев,

жена Елизавета Андреевна и их дочь — Люсьена. Конечно, они понимали, что, укрывая у себя беглого, — рискуют жизнями всех членов семьи, однако сознательно пошли на этот шаг.

Когда через несколько дней ночью в их дом постучали — испугались все. Боялись, что это облава. Но это был друг Андрея Ивановича — Иван Коломеец, который все-таки осуществил разработанный план побега через крышу школы. Ивана тоже спрятали в подвале.

Андрей Иванович и до сегодняшнего дня преклоняется перед подвигом семьи эмигрантов — «Мы смелые, да отчаянные были, от безысходного положения, а эти люди смелые от благородности души».

Сокрушается, что не запомнил фамилии семьи.

— *Я хочу в программу «Жди меня» написать, может жива ещё Люсьена. Увидеть бы её, поклониться за спасение.*

Прятаться в подвале пришлось не долго. 6 июня 1944 года американские и английские войска высадились на севере Франции и заняли плацдарм между городами Шербур и Кан. Немцы оказались в растерянности, а местное население, наоборот, укрепило уверенность в победе. Существовавшие до этого партизанские отряды, стали более смело и активно вести борьбу с оккупантами. Немцы только начали готовить отход из Шербура, а в городской ратуше объявили собрание мужского населения от 16 до 60 лет. Андрей Иванович и Иван Коломеец пошли в ратушу вместе с главой семьи — Львом. На собрании провели регистрацию мужчин и стали планировать, как бороться против немцев. Разбились на группы. У каждой было своё задание — следили за передвижением немцев, нападали на немецкие посты и склады. Группа, в которую попал Андрей Иванович, готовила диверсию на железную дорогу. Молодым, Андрею Ивановичу и Ивану Коломейцу, поручили тянуть бикфордов шнур. Участок железной дороги был взорван. Но, видимо, слишком открыто действовали — немцы выследили и арестовали всю группу, а затем устроили облаву с собаками во всём городе.

Так Андрей Иванович снова оказался в плену. Но судьба Германии во Франции уже была предрешена. Англо-американские войска быстро теснили немцев. Пленных погрузили в плацкартные вагоны и повезли в Германию. Дорога заняла 5 суток. Поезд часто останавливался из-за того, что взорванными оказывались железнодорожные пути. Пленные понимали, что это «дело рук маки» (французских партизан). На шестые сутки эшелон пришел в город Штутгарт на юге Германии. Пленных поместили в большой распределительный лагерь. Сюда приходили граж-

данские немцы и выбирали себе работников — кто на завод или стройку, кто на ферму, а кто просто для работы по дому. «Выбирали, как скот на базаре, — вспоминает Андрей Иванович, — смотрели физическое сложение, проверяли зубы».

Андрея Ивановича купил немец из маленького городка Тюбенгема.

На карте этого города мы тоже не нашли, хотя буквально по буквам просили Андрея Ивановича продиктовать название. Есть недалеко от Штутгарта городок Тутменген, может быть это и есть то место, которой Андрей Иванович называет Тюбингеном.

У немца была своя фабрика, и Андрей Иванович стал там подсобным рабочим. Жил в бараке с другими рабочими. Свободно ходил по городу. Когда в марте 1945 года их освободили французские войска, занявшие городок, Андрей Иванович не знал, куда идти русским и остался на фабрике; немец стал платить за работу, хоть небольшие, но всё же деньги. Спустя несколько недель Андрей Иванович встретил на улице двух парней, которые несли Красное Знамя. Это были русские, тоже бывшие пленные — Клементьев Павел и Лёшка (фамилию Андрей Иванович не помнит).

Втроём решили добираться домой, хотя как это сделать представляли плохо. Близкая победа над Германией давала смелость и уверенность в силах. Так с Красным Знаменем и пошли в направлении на Восток.

«По дороге нас догнала машина с французскими солдатами. Мы отошли на обочину, и солдаты отдали честь нашему Знамени. Французы подвезли нас до города Горб и высадили на окраине, чтобы никто не видел, ведь на военные машины нельзя было сажать попутчиков», — рассказывает Андрей Иванович.

Первый переход охладил пыл Андрея Ивановича и двоих товарищей. Стало ясно, что пешком до дома не дойти, а надеяться на попутный транспорт нельзя. Тогда решили собирать русских по округе и добиваться организованной отправки на Родину.

В городке нашли небольшое пустующее здание, прикрепили на него Красное Знамя — это была теперь их база, сюда стали приходить русские, украинцы, белорусы — советские люди, угнанные на работы в Германию. Провели митинг и решили обратиться за помощью к французскому коменданту города Горба. Комендант помог организовать столовую для русских и направил в Париж запрос на разрешение собирать советских пленных на территории французской зоны оккупации Германии. Через неделю разрешение получили и стали ездить собирать русских.

В августе 1945 года около 50 человек из города Горба пере-

брались в советскую зону оккупации. Их приютил 93 Закарпатский Пограничный Краснознамённый полк. Андрея Ивановича приняли в полк шофёром, дали форму, воинское звание рядового и поставили на довольствие. Так Андрей Иванович в конце войны стал солдатом Советской Армии. Остальных переправили в специальный лагерь, где готовили к отправке в СССР. А Андрей Иванович продолжал розыск русских в округе расположения полка. Здесь он нашёл свою будущую жену — Соню.

С.И. Миронюк — грубая судьба оstarбайтера

До войны Софья с семьёй, состоящей из 5 детей и взрослых, жила в Минске. Когда началась война, дети перебрались в деревню к бабушке и тёте. Деревня семьи Миронюк находилась в посёлке Крупки. Но спастись от немцев не удалось даже в деревне (немцы начали угонять народ в Германию). Собрали девчат со всего посёлка, туда же попала и Софья Ивановна. Сборным местом был ветеринарный пункт посёлка. Их повели через деревню Великий лес, там их ждали машины. Конечным пунктом был город Борисов. Всего в город из посёлка приехало 12 девчат. Их привезли в большой лагерь с досчатым забором и колючей проволокой. В лагере было много людей, все готовились к отправке раннее прибывших пленных в эшелонах в Германию. Охраняли лагерь молодые белорусские ребята. Они показали девушкам сломанную дощечку забора, и к вечеру все девчата ушли. Софья Ивановна по пути домой зашла к тёткам. Но, находясь в их доме, вспомнила, что посреди площади города Борисова оставила свой деревянный чемоданчик, со всей одеждой. На следующее утро её тётя решается на отчаянный поступок. Несмотря на то, что до города 10 километров, она уходит за чемоданчиком. Вечером того же дня вернулась усталая, голодная, но родная тётя Дуня. Уходя от тёток, Софья Ивановна и не предполагала, что увидит тётю Дуню теперь только в 1961 году. До дома ей оставалось 7 километров — лесом. Из девчат она вернулась самая последняя. Дома вернувшейся Софье не обрадовались, потому что боялись угрозы расстрела всей семьи.

Спустя месяц началась вторая мобилизация, но она уже была более жестокой. С посёлка забрали 12 девушек и увезли в очередной раз в город Борисов. В тот год Софье было только 17 лет. Их привезли в уже опустевший лагерь. О возможности побега уже никто не думал. Лагерь охранялся солдатами. Конец 1943 года Софья Ивановна запомнила, как год угона в Германию. Поездка была долгой, они часто останавливались из-за взрывов на железной дороге. Эшелон ехал через Польшу станцию Белосток. В Гер-

мании она попала в семью двух престарелых людей, где и провела время до окончания войны. Она занималась хозяйством. Семья немцев и окружающие соседи относились к русской девушке доброжелательно. Она много работала, но всегда была сыта. Жила в теплой кладовке и помогала по дому. Со временем к ней стали относиться, как к члену семьи. И, однажды, стоя в огороде, на грядке, она впервые увидела проезжающего на машине своего будущего мужа — Андрея Ивановича Балаболкина. Молодость взяла свое. Жизнь преподнесла подарок: молодые люди познакомились на чужой земле, создали семью и вернулись домой как победители в этой ненужной войне.

Мы думаем, что изучение истории людей, угнанных на принудительные работы в Германию, интересно не только в контексте истории Второй мировой войны, но и истории прав человека. Ведь в 30–40-е годы двадцатого столетия в мире появились тоталитарные системы, в которых стало возможным использование рабского труда заключенных концлагерей, всех людей, ставших жертвами войны.

Миграция глазами старшеклассницы

**ВОЛКОВА Екатерина, 11 класс МОУ СОШ № 1,
г. Кимовск Тульской области**

Руководитель: Титаренко Светлана Алексеевна, учитель истории МО-УСОШ № 1 г. Кимовска

Цель написания данной работы — проследить наличие черт толерантного мышления у подростков. Актуальность работы объясняется общими задачами гуманизации и формирования в обществе национальной идеи основанной на толерантности, предполагающей невраждебное отношение ко всему иному.

В Тульской области, по данным переписи населения 2002 г., проживает около 74 968 человек другой национальности из них: украинцы (22 260), татары (8 968), армяне (6 507), белорусы (5 974), немцы (4 689), азербайджанцы (4 491), цыгане (3 843), грузины (1 925), молдаване (1656), евреи (1 288), мордва (1217), чуваша (1085), лезгины (8740, езиды (608), таджики (599), чеченцы (488), поляки (447), башкиры (409), корейцы (367), лица, не указавшие национальность (4 312). Отследив их религиозную принадлежность, можно сделать вывод, что большинство из них — мусульмане.

В силу существующих социальных особенностей русские и мусульмане часто лишены возможности обмена мыслей и идей: все отношения строятся на «купи-продай», «давай-бери». Разность языка, образа жизни, верований никоим образом не могут способствовать развитию взаимного сближения, живого сочувствия и интереса одной нации к другой.

Я задала вопрос своим ровесникам. Согласны ли они с тем, чтобы рядом проживали представители других национальностей? Ребята были неоднозначны в своих ответах: 40% категорично ответили «нет»; 35% абсолютно все равно, и только 25% опрошенных готовы жить рядом с людьми другой национальности.

Несомненно, что людям, приехавшим жить в Россию из других стран и городов, подчас очень нелегко. Им приходится подстраиваться под нас, под наш темп жизни, под наши традиции. Им приходится бороться за то, чтобы здесь их уважали и чтили их традиции, главным образом религиозные. А мы часто равнодушно относимся к проблемам мигрантов и стараемся обходить

вопросы, касающиеся прав и свобод лиц другой национальности и вероисповедания. Мы даже не задумываемся о том, как, наверное, тяжело видеть косые взгляды со стороны из-за особенности одежды; как не просто объяснить людям, что те или иные поступки совершаются только для того, чтобы не отступать от религиозных традиций; как сложно выстоять и по-прежнему оставаться преданным своей культуре, когда половина населения Тульской области относится отрицательно к тебе и твоим детям.

Как бы не было прискорбно, но мы, в большинстве случаев из-за своей же серости и необразованности, не считаем их своими друзьями и соратниками, а считаем представителей других наций врагами.

С каждым из нас поблизости находятся люди, которые приехали сюда из разных мест и они понимают, что здесь их не ждали. Но иного выхода не было, и поверьте, им самим пришлось очень нелегко.

Каковы причины миграции в советскую эпоху? Если не брать во внимание политический аспект, то главным образом, причины переезда — экономические: организованный набор на стройки народного хозяйства, распределение студентов вузов после окончания учебы. Но все изменилось в 90-е годы. Экономический и социальный кризисы, распад СССР — заставили поменять местожительство огромное количество бывших советских граждан. Многие русскоязычные вынуждены были уехать из бывших союзных республик. Они оказались не в состоянии пережить всплеск национальной нетерпимости и унижения. К такой категории относятся трое учителей моей школы, нашедших новую родину в маленьком городе Кимовске Тульской области. Но иммигрировать вынуждены были и многие мусульманские семьи, ставшие жертвами локальных конфликтов и беззакония.

В настоящее время в Российской Федерации нет ни одного региона, в котором бы проживали представители коренной национальности. Тульская область — не исключение.

В Кимовске у меня много друзей, и среди них есть девушка, которая по национальности — татарка. Ее зовут Саберзянова Лена. Она, вместе со своими родителями, переехала в наш город недавно. Причиной переезда явился непрекращающийся на протяжении нескольких месяцев террор. Неизвестные люди постоянно нападали на местных жителей, грабили и избивали. Лена и ее семья не могли больше жить в страхе и вынуждены были переехать из Украины в Тульскую область. Здесь у них проживали знакомые и родственники, которые помогли обустроиться в но-

вом, незнакомом городе. Родителей Лены в новом рабочем коллективе приняли вполне радушно, а вот ей самой пришлось очень не просто. Вот, что рассказала мне Леночка:

— Когда я пришла в новый класс, меня старались не замечать. Мало кто со мной общался, в большинстве случаев игнорировали мои просьбы, не проявляли ко мне никакого интереса. Я оказалась как бы лишней. Чувство отверженности не покидало меня, и казалось, что меня просто не существует. После того как я проучилась в новой школе месяц, у меня появилась единственная подруга, которая рассказала мне, что причина такой враждебной настроенности является моя национальность. Ребята видят во мне только чужого человека, который никогда не станет своим. Классный руководитель рассказал им о том, где я раньше жила, какой я национальности, какая у меня вера. Узнав обо всех подробностях моей прошлой жизни, одноклассники решили, что со мной лучше не связываться, а держаться подальше. Этого стоило ожидать.

Я всячески старалась сблизиться с ребятами, но это оказалось очень непросто. Между нами возникло взаимопонимание только после года совместной учебы. Сейчас ко мне относятся очень хорошо, спрашивают мое мнение по поводу возникших вопросов, интересуются моими делами, приглашают на свои дни рождения, в целом я слилась с коллективом, но это мне стоило огромных усилий. Иногда я со слезами на глазах вспоминаю, как раньше относились ко мне окружающие. Никому бы не желала испытать это отвратительное чувство какой-то «ненужности».

Вот такую историю рассказала мне Лена. Мне стало очень интересно узнать об особенностях быта, религии, образа жизни Лены и ее семьи. Как оказалось, семья Саберзяновых строго соблюдает предписания Корана, так как они по вере исповедания — мусульмане.

— Хотя это очень сложно, но мы стараемся соблюдать все посты; пост, как чит, — он призван огородить мусульманина от несправедного поведения и необдуманных поступков. А когда приходит Рамадан, — открываются врата рая, ибо соблюдающий пост, он сродни праведнику, — рассказал мне Рахиль Арисимович, папа Лены. Рафия Харисовна, мама Лены, рассказала мне о самых важных мусульманских праздниках.

Саберзяновы не употребляют в пищу свинину, так как свинья для мусульман — священное животное, есть свинину — большой грех.

Лену до восемнадцати лет не будут отпускать на дискотеки,

т.к. девушка не должна появляться в местах массовых скоплений поздно вечером. Она должна беспрекословно слушаться своих родителей и выполнять все их поручения и просьбы. Родители — это своего рода наставники, которые никогда ничего плохого не посоветуют, потому Лена старается не огорчать своих родителей и быть примерной дочерью.

Саберзяновы трепетно относятся к своей религии. Им никогда в голову не приходило поменять свою веру, стать христианами. И даже, если будет очень сложно, они останутся верными традициям.

В результате написания работы мне удалось установить, что негативное отношение подростков распространяется на представителей другой национальности и религии, прибывших в регион после распада СССР. Людям, приехавшим в Кимовск совсем недавно, трудно адаптироваться к социальной среде. Им необходимы время и усилия, чтобы добиться уважения и расположения сверстников. Те, кто приехал на постоянное место жительства недавно, лучше знают и стремятся не только сохранить свои религиозные обычаи, но и передать знания своим детям.

Россию считают своей родиной не только русскоязычные, но и представители других национальностей, проживающие на ее территории. Понятия патриотизм и любовь к родине свойственны им так же, как и русским.

Если внимательнее относиться друг к другу и искоренить враждебный настрой по отношению к лицам другой национальности, то я уверена — жизнь в России, да и вообще во всем мире пойдет по-другому.

Математика и история в жизни М.Я. Выгодского. Влияние идеологии на судьбу ученого

**РЕДЬКО Ирина,
студентка 3 курса факультета журналистики
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова**

Руководители исследовательской работы:

Кузнецов Иван Васильевич — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «История Отечественных СМИ» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Мельникова Наталья Николаевна, корреспондент газеты «Тульские известия», член Союза журналистов РФ.

Листая «Тульский биографический словарь», я увидела статью о Марке Яковлевиче Выгодском. У меня есть справочники по элементарной и высшей математике автора с такой же фамилией. Это тот самый Выгодский?! Сравниваю имя-отчество. Точно, он самый! Читаю дальше и узнаю: широко известный у нас в стране и за рубежом доктор физико-математических наук, профессор М.Я. Выгодский последние годы жил и работал в Туле. Но сообщение в словаре слишком короткое, а хочется узнать побольше... Взялась за поиски сведений самостоятельно.

От «Начал» Эвклида

Иду в детскую областную библиотеку. Беру «Большую Советскую энциклопедию» — а там нет сведений о М.Я. Выгодском. На полке книгохранилища в разделе «математики» тоже ничего о нем нет. Как же так? Раз в этой библиотеке нет нужного мне материала, отправляюсь в Областную Универсальную Научную Библиотеку. Здесь нашла некоторые книги, написанные им — это уже хорошо, а биографических сведений опять нет. Больше всего мне повезло в научно-библиографическом отделе библиотеки Тульского Государственного Университета. Здесь мне очень помогла Татьяна Алексеевна Россохина. Вместе с ней я побывала в книгохранилище, отыскала и поработала с книгами, которые помогли составить об этом математике общее представление.

М.Я. Выгодский не только автор 30 научных трудов, но и один из основателей советской историко-математической школы. Вчиталась в темы его трудов, поняла, какой интересной наукой он занимался!

История математики начинается с трудов Эвклида, Пифагора... Непростая это наука, в ней есть свои исследователи и оппоненты. Спор между ними идет на высокой ноте, прорывается в наши дни из далекого прошлого. Как все это интересно!

В начале XX века за свою линию развития истории этой науки подвергся репрессиям целый институт — не люди в отдельности, а целый коллектив научного учреждения, он был рассеян, исследования запрещены, итоги и выводы под замком.

Но обо всем по порядку... Еще до революции действовала Комиссия по изучению русской науки. В 1921 году ее знамя подхватил В.И. Вернадский, тогда ее называли Комиссией по изучению знаний (КИЗ).

Молодой математик Марк Выгодский участвует в работе кабинета по истории естествознания Коммунистической академии, который образован в Москве в конце 1927 года. В 1930 году на физико-математическом факультете Московского университета, который в свое время и закончил, он возобновил лекции и организовал семинар по истории математики.

Широк диапазон исследований Выгодского: математика древнего Вавилона, анализ структур «Начал» Эвклида, история правила двух ложных положений, проблема математической строгости в XVIII веке...

Репрессированный институт

Одновременно Выгодский трудился в составе Института истории науки и техники (ИИНИТ), который располагался в Ленинграде. Вот его-то в научной среде и прозвали репрессированным институтом. Причины ликвидации института напрямую связаны с трагической судьбой его создателя и директора — Н.И. Бухарина.

Именно Бухарин перенял КИЗ под свое руководство, и подал специальную записку в Президиум АН СССР о необходимости ее реорганизации в институт. Возросшее международное значение исследований по истории науки и техники, которые вели члены Комиссии, доказало успешное участие делегации Советского Союза (в ее составе был Н.И. Бухарин) в работе II Международного конгресса по истории науки и техники в Лондоне в июле 1931 года. Выгодский с 1934 года значился штатным сотрудником института, хотя мог бывать в нем только наездами.

Непросто было заниматься наукой в те годы. Московские оппоненты постоянно указывали ленинградским ученым на недостаточный марксистский характер их работ. Марк Выгодский был таким же объектом для упреков, как и все ученые-питерцы. Вот, что пишет М.Я. Выгодский директору ИИНИТ Бухарину: «Многоуважаемый Николай Иванович! По поводу рецензии А.А. Максимова на мою книгу «Галилей и инквизиция» («ПЗМ» № 1 1935 г.) я в ответ на Ваш запрос сообщаю следующее:

Мне трудно отвечать рецензенту, так как его рецензия, занимающая 7 страниц убористого шрифта, очень мало касается существа вопроса и не содержит сколько-нибудь четкой формулировки той позиции, которую рецензент противопоставлял бы содержанию и выводам моей работы.

Приходится поэтому догадываться об этой позиции, воссоздавая (сохранена орфография автора. — И.Р.) концепцию рецензента из очень скудных по содержанию, но зато очень крепких по форме нападок его.

В своей книге я, анализируя фактический и документальный материал, прихожу к выводу, что «хотя деятельность Галилея объективно подрывала авторитет церкви и религии, однако субъективно ни Галилей, ни возглавлявшаяся им группа отнюдь не являлись противниками ни церкви, ни религии» (из предисловия, стр. 7). Насколько я могу понять, рецензент именно этот вывод считает неправильным и вредным. Ему кажется, что я демобилизую массы, оправдываю папизм, выступаю не с позиций коммунизма, а с позиций, содействующих папизму (стр. 195). Книгу мою, по мнению рецензента, могло бы напечатать папистское издательство (там же)...

...Никакой демобилизации масс я не усматриваю в утверждении, что Галилей субъективно был преданным церкви и считал религию необходимой для народных масс. ...Мне кажется, что если бы даже выводы, к которым я пришел, были бы неправильны, то и тогда я вправе был бы ожидать деловой критики, а не грозных окриков. Между тем единственным средством доказательства в рецензии Максимова является метод окрика. Я уже указал, что рецензент без всякого основания выдвигает обвинение, что книга моя стоит «не на позициях коммунизма, а на позициях содействующих папизму». Но этого мало: рецензент считает, позволительным утверждать, что автор преднамеренно «примиряет марксистско-ленинскую теорию с апологетикой папизма». В конце письма старший научный сотрудник ИИНИТ Выгодский обращает внимание «на указанные обстоятельства потому, что дело здесь идет не только о моей работе и о возможности ее продолжения в нормальной обстановке. Я думаю, — продолжает Марк Яковлевич, —

что и вообще для возможности научно-исследовательской работы обрисованный мною метод критики создает чрезвычайные затруднения. Вот почему я обращаюсь к Вам, как к руководителю Института, с просьбой содействовать устранению этих затруднений». Смог ли Н.И. Бухарин «устранить затруднения»?.. Увы... Начались пока редкие аресты сотрудников, затем в феврале 1938 года институт перевели в Москву. Для «Вестника АН СССР» была подготовлена погромная статья «Ликвидировать до конца последствия троцкистско-бухаринского вредительства на фронте истории науки и техники».

По труду и чести

«Марк Яковлевич много трудился» — так вспоминают его ученики, это подтверждает и его послужной список: с 1923-го он преподаватель Коммунистического Университета. Затем пять лет до 1930 — преподаватель Института Красной профессуры, еще два года — доцент химфака московских высшего технического и химико-технологического училищ. Как уже отмечалось, с 1933 по 1935 гг. (по совместительству) — старший научный специалист института истории науки и техники АН СССР в г. Ленинграде. Целых десять лет до начала войны Выгодский — профессор Московского государственного университета. В годы войны Марк Выгодский — профессор Казахского ГУ, два года после войны — профессор Московского заочного института машиностроения. А вот уже в 1952 году Марк Яковлевич переезжает в Тулу, по 1960 год он профессор Тульского пединститута; с 1963 по 1965 — профессор-консультант Тульского горного института.

Причины переезда нигде не объясняются, но по устным рассказам я знаю, что Выгодский участвовал в работе широко известного тульского КБП.

Кроме того, М.Я. Выгодский с 1932 по 1934 гг. был главным редактором Государственного технико-теоретического издательства, в 1932–33 гг. избирался вице-президентом Московского математического общества, с 1934 по 1956 год входил в состав президиума Всесоюзной математической ассоциации. Марк Яковлевич принимал активное участие в организации съездов математиков.

Влияние на Ватикан

Из довоенных работ общеизвестной в нашей стране и мире была работа Марка Выгодского «Галилей и инквизиция» (1935 г.).

Ее содержание отличалось от общепринятых тогда утверждений. В 1920–1930 годы в разгар борьбы «с религиозным дурманом» Галилей был знаменем антирелигиозного движения, его представляли стихийным материалистом, который отрицает Божественный промысел в действии законов природы.

И вот в 1935 году Выгодский все это опроверг. Он назвал анахронизмом попытку приписать Галилею антирелигиозные и, тем более, атеистические представления. Выгодский выдвинул тезис, что драматизм судьбы Галилея в том, что он выступил как верный адепт папизма, предложил новое средство для помощи Церкви в ее борьбе с ересью и безбожием. Галилей предлагал Церкви признать, что в сфере мировоззрения существует внерелигиозная составляющая, что человечеству предложено самостоятельно разгадать тайну мироздания, опираясь на собственный разум. Но его обвинили в злонамеренных действиях, не позволив разгадать эту тайну. Каково же удивление наших современников, когда анализ Выгодского был де-факто признан Папской академией наук. Позже он вошел в официальное решение по одному из предметов обсуждения II Ватиканского собора (1962–1965 гг.). Речь шла о признании вины «людей Церкви и ее инситутов».

В памяти людской

Марк Яковлевич прожил сложную, драматическую, творчески богатую, интересную жизнь. Дочь Выгодского Нина Марковна Гурова прислала мне письма и заказную бандероль с интересными документами. Это были воспоминания Елены Марковны — старшей сестры Нины Марковны. В письме Нина Марковна пишет: «Мой отец был не только ученый, но и гражданин, да и просто добрый и хороший человек. Недавно я нашла газетную вырезку со статьей некоего Максимова, написанной в «лучшем» разгромном стиле сталинских времен — по поводу папиной книги «Галилей и инквизиция»...

Нина Марковна также прислала рецензию С.И. Вавилова на книгу М.Я. Выгодского «Галилей и инквизиция», письмо Марка Яковлевича к Н.И. Бухарину. Академик С.И. Вавилов отмечает книгу М.Я. Выгодского «Галилей и инквизиция», как «первое серьезное исследование о Галилее, основанное на внимательном изучении главных опубликованных первоисточников. Вероятно, для очень многих читателей, в том числе и специалистов, физиков и астрономов, подлинный, живой Галилей, обрисованный в книге на основании достоверных документов, окажется в не малом противоречии с привычным легендарным образом». С.И. Ва-

вилов пишет: «Традиционная удовлетворенность минимальным запасом сведений, притом нередко ошибочных, в области истории науки в случае Галилея особенно показательна». Своей рецензией С.И. Вавилов поддержал Выгодского. Он высказал надежду, что «появление русских переводов некоторых сочинений Галилея и книги М.Я. Выгодского рассеют, наконец, по крайней мере, в нашей стране, гущу ошибочных легенд о важнейшем периоде в истории точных наук, начале XII века». Но даже эта авторитетная рецензия не смогла остановить неприятности, обрушившиеся на Марка Яковлевича после газетной статьи Максимова. Однако, как отмечает А.В. Бочарникова: «М.Я. был высоко принципиальным человеком и борцом по природе». И он боролся «не только за себя, но за честь общего дела, против мракобесия и схоластики, за социалистическое творчество, против бюрократической ограниченности,» — так писал сам Марк Яковлевич в письме к Бочарниковой в июле 1932 года.

Ученики и коллеги Марка Яковлевича, вспоминая о его характере и педагогическом методе, нарисовали творческий портрет ученого. «Одна из основных черт Марка Яковлевича — необыкновенно доброжелательное отношение к людям, особенно к молодежи. Его квартира всегда была полна его учениками, студентами, аспирантами, москвичами и иногородними. Некоторые из них жили у него, иногда подолгу», — вспоминает А.В. Бочарникова, ученица М.Я. Выгодского. «Я познакомилась с Марком Яковлевичем Выгодским в 1929 году в МВТУ, он у нас преподавал математику... Уроки математики проходили очень живо и весело, М.Я. умел вернуть веселое словцо, рассказать по ходу занятия что-нибудь забавное и вместе с тем он умел быть очень требовательным, но опять-таки в очень мягкой, а иногда и насмешливой форме. М.Я. всячески поощрял инициативу и «новаторство» студентов в решении задач, обещая премию за интересное решение. Так я как-то получила от него в премию плитку шоколада, другой студент — учебник высшей математики Фихтенгольца и т.д. На его уроках царила на редкость дружеская и товарищеская обстановка, а в перерывах затевались интересные разговоры на разные темы, душой которых был Марк Яковлевич, который обнаруживал большие знания в самых различных отраслях, казалось, не было вопроса, в котором он не был бы осведомлен...»

«Папа умел находить общий язык со всеми, в том числе с молодежью. Он умел рассказать интересное и в обществе, и просто поговорить по душам», — это слова из воспоминаний Елены Марковны.

Педагогический метод Выгодского хорошо охарактеризовал И.Я. Бронштейн: «В своих книгах, в практическом преподавании, в многочисленных выступлениях он (М.Я.) вел страстную борьбу против формального преподавания, оторванного от практики, от жизни и от естественного мышления учащегося...»

Еще и полиглот

Марк Яковлевич знал много иностранных языков. В личном деле на вопрос анкеты: «Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете?», профессор отвечает: «Читаю и могу общаться на немецком, французском, читаю свободно по-английски, на итальянском, на латыни, читаю со словарем по-гречески, по-арабски, по-азербайджански, по-казахски». Владение М.Я. Выгодского языками оценил А.П. Юшкевич «Ценным вкладом в русскую научную литературу явился новый полный перевод «Начал» Евклида, сделанный Д.Д. Мордухай-Болтовским при участии М.Я. Выгодского и И.Н. Веселовского... Подробный обзор содержания евклидовых «Начал» дал М.Я. Выгодский».

Как рассказывала дочь Выгодского Елена Марковна: «Еще в гимназии он изучал латинский, греческий и немецкий языки. Не знаю, как и когда он изучал французский и итальянский, а вот что он упорно занимался арабским языком — я очень хорошо помню. На дом приходил преподаватель арабского языка. Читали какую-то старинную толстую книгу. Меня папа тогда выучил говорить на арабском пословицу (Даже хороший конь и тот спотыкается) и добивался, чтобы я правильно произносила. В то время он работал над книгой «Арифметика и алгебра в древнем мире» и ему нужен был арабский для того, чтобы читать в подлиннике необходимые материалы. Точно так же он работал раньше над материалами, связанными с Галилеем — читал литературу на итальянском языке. Пожалуй, я бы не сказала, что у него была очень хорошая память, ведь он часто забывал, куда положил ту или иную бумажку. Но у него были лингвистические способности и любовь к языкам, а прочное знание одних языков помогало легче овладевать другими. Во время войны, когда мы жили в Алма-Ате, он самостоятельно изучал казахский язык, хотя это и не требовалось непосредственно для его работы».

«В доме у нас часто бывали в гостях папины друзья, — подтверждает Елена Марковна, — большинство это были математики, связанные с ним общей работой. За обедом шли непонятные мне разговоры об «индикатрисах касательных», «эвольвентах», о теореме Вейерштрасса и т.п. Часто возникали споры... Предме-

том споров были не только чисто «математические» вопросы. Происхождение слов, понятий, исторические события и т.п. — во всех этих вопросах папа хорошо разбирался. Особенно близок папа был с группой своих учеников, которые отличались способностями, с ними он занимался дополнительно. Причем в занятия входила не только сама математика, но и языки — он научил их читать математическую литературу по-итальянски и по-французски... За всю свою жизнь я не встречала никого, кто бы так много времени уделял своим ученикам и который бы был не просто педагог, а и человек, столь близкий к ним».

Жизнь в Туле

Тем, кто в Туле учился в институте у Выгодского или начинал творческие исследования рядом с ним, в нынешнем — 2005 году около 68–70 лет. Я надеялась найти тульских друзей и коллег Выгодского.

Сначала нашла только стенд, посвященный Выгодскому — на кафедре геометрии Тульского государственного педагогического университета. Прочитав его заметки, уточнила то, что еще не знала: Марк Яковлевич учился в гимназии в Баку, а в МГУ руководителем его аспирантской работы был академик Отто Юльевич Шмидт. Найти людей, лично знавших Марка Яковлевича, мне помог профессор ТГУ, доктор технических наук Виктор Леопольдович Баранов. Я смогла связаться с Александрой Ильиничной Курдюмовой, которая училась у Марка Яковлевича в Педагогическом Институте. По ее словам: «Он был очень демократичным. Нам он читал дифференциальную геометрию. Лекции были очень интересными. Он разговаривал с нами, как с равными, с уважением и с интересом. Умел мягко привести рассуждения к правильному результату. Марк Яковлевич был невысокого роста, скорее худощавый, чем полный, светлоглазый, улыбчивый. В эти годы Марк Яковлевич уже был пожилым человеком, жил в Туле без семьи, часто ездил в Москву, в те времена эти поездки были трудными, всю ночь приходилось проводить в дороге, конечно, это было для него тяжело».

Еще много интересного рассказала мне Надежда Сергеевна Орехова, учившаяся у Марка Яковлевича Выгодского в МГУ и уже в Тульском Педагогическом институте работавшая с ним. Она тоже подчеркнула его доброжелательное отношение к людям, интеллигентность.

В Туле он преподавал геометрические дисциплины. По воспоминаниям Надежды Сергеевны Ореховой: «Лекции Марк Яковлевич начинал нетрадиционно — приносил условия задачи

(часто они были историческими), начинал выводить решение на доске, а мы, студенты, принимали в этом участие. Мы, девчонки 1–2 курсов, не боялись этого профессора, могли вступать с ним в математическую дискуссию».

Тамара Николаевна Белова рассказала мне, как Марк Яковлевич вел проверку знаний студентов. «Контрольную работу писали на листочках, которые не требовалось подписывать. Марк Яковлевич проверял работы, выставял оценки, а каждый из студентов брал свой листок с проверенной работой. Этими контрольными он, наверное, проверял себя. Достаточно ли хорошо он смог донести знания, как их усвоили студенты? И для себя он подводил какой-то итог».

По воспоминаниям Тамары Николаевны Беловой, «он много рисовал на лекциях, у него были какие-то свои истории и приемы, которые помогали легко и надежно запоминать сложный материал».

Для Тулы значительно то, что Выгодский жил здесь. Он был вторым профессором, появившимся в Тульском Пединституте. Об этом рассказала Надежда Сергеевна Орехова.

Просматривая тульскую периодику 1958 года, я прочитала, что в том году пединститут праздновал свое 20-летие. В статье Н.И. Шмаракова «Кузница педагогических кадров» подводились итоги работы, и было сказано, что «физико-математический факультет занял ведущее положение в Институте». Я полагаю, что появились первые профессора, открылась аспирантура.

В том же 1958 году в Пединституте состоялся Ученый совет, посвященный 60-летию Выгодского. Приезжало много гостей, было много поздравительных телеграмм, например от Эдуарда Генриховича Поздняка. Об этом рассказала Надежда Сергеевна Орехова. Юбилейный Совет привлек внимание ученых к Туле. Я смею предположить, что при общении гостей и туляков возникало желание сотрудничать, а это давало новые возможности для развития.

Уйдя на пенсию по возрасту, Выгодский работал в Туле над учебником «Аналитическая геометрия» для студентов-заочников технических вузов. В 1962 учебник был сдан в печать, а его автор поступил на работу на полставки профессором-консультантом в Тульский горный институт, выдержав конкурс. Это мне стало известно из личного дела М.Я. Выгодского, которое хранится в архиве ТГУ. По воспоминанию В.М. Домрева, ученика Выгодского, Марк Яковлевич проверял качество своего учебника, работая со студентами-заочниками Тульского горного института. Подтверждение этому я нашла и в предисловии к учебнику

«Аналитическая геометрия», написанному 20 марта 1962 г.: «Настоящее руководство составлено применительно к действующей программе по основному курсу высшей математики механико-машиностроительных технических учебных заведений и специально предназначено для студентов, обучающихся заочно. Поэтому уделено особое внимание примерам, поясняющим теоретические выводы, а зачастую и предваряющие последние...

Автор будет крайне признателен за всякие, даже самые «мелкие» критические замечания; посылать их надо по адресу: Тула (обл.), ...Марку Яковлевичу Выгодскому».

Он был полон творческих планов. Прервались они, конечно, неожиданно. Врачи не разрешали Марку Яковлевичу ехать на юг, но он отправился в очередной отпуск в Пятигорск — город своей юности. Оттуда пришла телеграмма с просьбой выслать к поезду карету скорой помощи. С поезда он попал в больницу им. Семашко...

А потом из Москвы приехали жена — Татьяна Алексеевна и дочери — Елена и Нина. Прощание было в корпусе «Механического института». В наследство Тульскому Педагогическому Институту осталась личная библиотека Марка Яковлевича. Книги, ее составляющие, сейчас рассеяны по фонду вузовской библиотеки.

...Могила М.Я. Выгодского находится на Новодевичьем кладбище в Москве. На памятнике выгравированы слова, которые часто повторял Марк Яковлевич: «Я не могу не думать о том, о чем думают мои ученики».

Бороться и жить

Марк Яковлевич Выгодский человек, получивший отличное образование, глубокие и разносторонние знания, талантливый и честный человек, известный в мире ученых-математик, замечательный педагог. В юности он был членом революционного кружка, который состоял из гимназистов, изучающих коммунистические идеи. М.Я. Выгодский искренне верил, что возможно построить общество, в котором люди будут относиться друг к другу по-братски, что будет изжита бедность. В новом свободном от насилия мире будут совершаться различные открытия, развиваться науки, искусства, и жизнь будет заполнена многими другими замечательными событиями, и наступит время четности и справедливости. Марк Яковлевич был деятельным оптимистом, поэтому мечты он воплощал в жизнь. Он много и честно трудился.

Однако мира братства и справедливости не наступило...

А случилось так, что честность профессионального исследователя в области математики Выгодского столкнулась с идеологией новой власти, которая претендовала быть истиной в последней инстанции. Работа М.Я. Выгодского «Галилей и инквизиция» практически была запрещена, а ученого лишили возможности высказывать публично выводы научной работы. Эта власть репрессировала ученых-коллег М.Я. Выгодского, уничтожила младшего брата Выгодского Николая, талантливого пианиста, отправила в ссылку, в лагеря, подругу юности, участницу молодёжного революционного кружка, Ольгу Шатуновскую — «профессиональную революционерку», строившую эту власть. Смею предполагать, что М.Я. Выгодского от тюрьмы спасла его известность в математическом мире и мужественное выступление С.И. Вавилова на страницах журнала «Социалистическая реконструкция и наука». Но можно представить, как чувствовал себя человек — сотрудник репрессированного института, автор работы, вступившей в противоречие с утвержденной партийной идеологией, брат репрессированного, выходец не из рабоче-крестьянской среды. Оставив ученому жизнь, имя его замалчивали и постарались вычеркнуть. Я полагаю, поэтому, не удалось мне сразу найти имя и биографические сведения о М.Я. Выгодском в «Большой советской энциклопедии» и других справочных книгах, посвященных советским ученым.

Но о М.Я. Выгодском помнят его родные и ученики. Учебниками и справочниками М.Я. Выгодского до сих пор пользуются школьники, абитуриенты технических вузов, студенты и многие специалисты наших машиностроительных предприятий. К 105-летию дня рождения ученого в некоторых школьных методических объединениях математиков и в классах прошли уроки математики, посвященные ученому, жившему и трудившемуся последние годы жизни на Тульской земле.

Содержание

Предисловие	3
Редько Ирина. Пресса Тулы и Тульской губернии 1920-х годов: теория и практика	5
Деревянина Наталья. «Красный террор» по отношению к тульской эсеровской организации.	23
Сафронова Анастасия, Минаева Юлия, Сафронова Тамара. Тульские узники ГУЛАГа	38
Мамедова Анна. Тульская благотворительность в конце XX в.: поддержка неимущих и социально дискриминируемых групп населения (фрагмент работы)	47
Бурухина Кристина, Чернова Екатерина. Защита прав потребителей общественными организациями в г. Туле	51
Даниелян Андроник. Нарушение прав человека в СССР (на примере моей семьи)	60
Меситов Никита. Филтрационный лагерь: история и современность	66
Куликов Никита. Межнациональные отношения в современной российской школе.	84
Суворова Ангелина, Крюкова Ольга. Другая война: «остарбайтеры» — бесправные в бесправном мире	90
Волкова Екатерина. Миграция глазами старшеклассницы	105
Редько Ирина. Математика и история в жизни М.Я. Выгодского. Влияние идеологии на судьбу ученого	109

